

6

2011

РОСССНЯ XXI

6. 2011 ноябрь-декабрь

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Несвобода от метафизики _____ **6**

Геоглобалистика

Игорь Максимычев

Россия — Германия — Европа.
От Советского Союза к Российской
Федерации: наши дипломаты в Берлине
в 1990—1992 гг. _____ **26**

Страницы истории

Владимир Никитин

Закон и реальность: «Положение о морском
цензе для офицеров флота» 1885 года _____ **58**

Михаил Горинов

Евгений Преображенский:
большевик из поповичей (окончание) _____ **76**

Ярлыки и мифы

*Анастасия Готовцева,
Оксана Киянская*

«Человек, заслуживающий доверия»:
князь Сергей Трубецкой в заговоре
и на службе _____ **106**

Сергей Эрлих

«Дерзающим противу их на бунт
и измену, анафема». Мифологема
«декабристы» в публицистике право-
славных монархистов XXI века _ **140**

Редакционная почта

Владимир Бакулин

Как боролись с коррупцией
в 1922 г. (на примере
Вятской губернии) _____ **172**

Contents in English look at the page 196

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, руководитель Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., доктор исторических наук, чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, институт Европы РАН, профессор РГГУ и МГИМО;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России МГОУ, руководитель Центра по разработке и реализации программ документальных публикаций федеральных госархивов РГАСПИ, лауреат Государственной премии РФ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ;

Либих Андре, профессор истории, школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного Центра историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Международных отношений, связей с общественностью и журналистики Пятигорского Государственного Лингвистического Университета;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор, главный специалист РГАСПИ;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Лаборатории по комплексному изучению Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России. Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

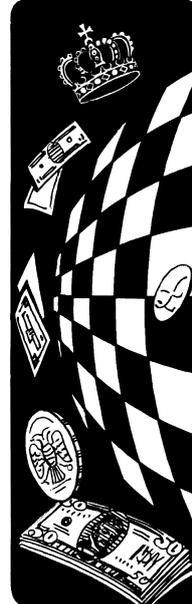
Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

Человек вооружился техникой, научился изменять окружающее в своих целях потому, что использовал каждую возможность, каждую свободную минуту, чтобы самоуглубиться, выковать внутри себя мысли о мире, о вещах и своем отношении к ним ... Человек очеловечивает мир, напитывает, насыщает его своей идеальной сущностью.

Хосе Ортега-и-Гассет

Понятие ответственности надо вернуть из сферы этики, из свободного парящего в воздухе долженствования, в сферу живой жизни. Подлинная ответственность есть лишь там, где есть действительная возможность ответа.

Мартин Бубер

Сергей Кургинян

НЕСВОБОДА ОТ МЕТАФИЗИКИ¹

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

УДК
111

The article discusses the prospects of Russia's development in the modern world. In the post-Soviet era Russia crossed the border separating the Modern as the project born by the modern European history from the postmodernist chaos. The present Russia's existence depends on whether it is able to launch a new project, rather than restore the Modern project. What is required to accomplish this task is metaphysics, the scope of which during the reign of the Soviet culture was still limited. That has led to the crisis and, eventually, the destruction of what was once the mighty state. We don't need metaphysics all by itself, not as refined amusement in an ivory tower. We need it as a means of restoration of the distructed semantic integrity and language, as a means of communication. No other logic can exist. Any culture devoid of metaphysics is totally vulnerable. It is just metaphysics, which creates a barrier between human relations and meanings, on the one hand, and death, which makes life senseless, on the other. It is now, that Russia finds itself at the bottom of the abyss, it may become the savior of humanity, as exactly at this point arose a world-historical task of development beyond Modern.

Ключевые слова: метафизика; Модерн; онтология; марксизм; проект.

Key words: metaphysics; Modern; ontology; Marxism; project.

E-mail: ecc@ecc.ru

¹ По материалам выступления в передаче «Суть времени». Интернет-телевидение ЭТЦ. Выпуск 38.

СМЫСЛОВАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ Метафизика нужна нам не сама по себе, не в качестве изысканного развлечения в башне из слоновой кости. Она нужна нам для восстановления разрушенной смысловой целостности, языка и коммуникаций. Никакой другой логики быть не может.

Не будет метафизики – не будет накаленных смыслов – не будет языка – не будет коммуникаций.

Если мы окажемся недостаточно удачливы или успешны в том, что касается метафизики, и создание метафизики не обернется тем, что возникнет новый политический крупный язык, – тогда мы провалились.

Но, если мы решим эту задачу, мы изменим страну.

А без метафизики мы эту задачу точно не решим.

Меня спросят: «Почему? Разве не может быть чисто светских смыслов, в которых как бы нет метафизики и так далее?»

Ну, во-первых, всегда есть философия.

Вы хотите сказать, что марксистская философия не содержала в себе метафизики, что она была освобождена от нее и что она прекрасно работала. Что это была светская философия, лишенная всякой метафизичности...

Это не так. Я абсолютно не разделяю все взгляды Эриха Фромма на марксизм. Более того, многое во взглядах Эриха Фромма мне чуждо. Но Фромм – великий исследователь, великий ученый, очень глубокий мыслитель. И к чему-то из того, что он говорит (подчеркиваю, к чему-то), надо прислушаться.

Я не разделяю критику Фроммом советского общества. Я считаю, что Фромм во многом «перебирает» и с точки зрения представления о роли индивидуума в марксизме. Я знаю, что есть другие позиции других исследователей. Хотим обсуждать марксизм – давайте обсуждать. Но вот что мне хотелось бы по этому поводу напомнить.

Это Эрих Фромм «Концепция человека у Карла Маркса».

«Самым распространенным заблуждением является идея о так называемом "материализме" Маркса, согласно которой Маркс якобы считал главным мотивом человеческой деятельности стремление к материальной (финансовой. – С.К.) выгоде, к удобствам, к максимальному благосостоянию, "обеспеченности" своей жизни и жизни своей семьи. Эта идея дополняется утверждением, будто Маркс не проявлял

никакого интереса к индивиду и не понимал духовных потребностей человека: будто его идеалом был сытый и хорошо одетый "бездушный" человек»².

Фромм говорит: «Это глубочайшее заблуждение по поводу Маркса, что это было так». Между прочим, это заблуждение объединяет как критиков марксизма, так и апологетов марксизма. Мол, интересы – и все. Больше ничего нет.

«Одновременно Марксова критика религии отождествляется с отрицанием всех духовных ценностей (ибо духовность трактуется этими интерпретаторами исключительно как вера в Бога).

Исходя из вышеприведенных представлений, социалистический рай Маркса преподносится нам как общество, в котором миллионы людей подчинены всемогущей государственной бюрократии; как общество людей, которые отдали свою свободу в обмен на равенство; это люди, которые удовлетворены в материальном смысле, но утратили свою индивидуальность и превратились в миллионы роботоподобных автоматов, управляемых маленькой, материально более обеспеченной элитой.

Следует отметить сразу, что это расхожее представление о Марксовом "материализме" совершенно ошибочно. Цель Маркса состояла в духовной эмансипации человека, в освобождении его от уз экономической зависимости, в восстановлении его личностной целостности... Философия Маркса на нерелигиозном языке обозначала новый радикальный шаг вперед по пути пророческого мессианства, нацеленного на полное осуществление ... той цели, которой руководствовались все западное общественное мышление со времен Возрождения и Реформации и до середины XIX в.

Это заявление, вероятно, шокирует многих читателей. Но прежде чем перейти к доказательствам, я хочу еще раз подчеркнуть, в чем состоит ирония истории: она состоит в том, что обычное описание Марксовых целей и его представлений о социализме как две капли воды совпадает с описанием современного западного капиталистического общества, где поведение большинства людей мотивировано материальной выгодой, комфортом и установкой на потребление (растущее потребление. – С.К.). Рост потребительских appetitов этого общества безграничен, он сдерживается только чувством безопасности и

² Э.Фромм. Душа человека. М.: Республика, 1992. С.375–414.

стремлением избежать риска. Люди (якобы, – С.К.) достигли здесь той степени конформизма, которая в значительной мере нивелирует индивидуальность. Они превратились, как сказал бы Маркс, в беспомощный "человеческий товар" на службе у сильных и самостоятельных машин. Фактическая картина капитализма середины XX в. совпадает с той карикатурой на Марксов социализм, каким его изображают его противники»³.

Итак, целью Маркса было восхождение, препятствием на пути которого был способ производства, осуществляющий что? – Отчуждение.

Дальше Фромм много и интересно пишет об этом. Повторяю, я совершенно не согласен с его критикой сталинского общества, советского общества, и мне есть что по этому поводу сказать. Но я привожу здесь высказывания человека по поводу того, что марксизм не был лишен метафизики и онтологии, и много еще чего. Что именно потому, что он всем этим обладал и имел глубочайшие пророчески-мессианские хилиастические корни, он смог зажечь Россию.

Значит, в основе и этого языка находится тоже метафизика, способная возжечь огонь – источник великого, накаленного смысла, преобразующий человечество, побуждающий его восходить дальше. Нет этого источника – нет ничего. Нет истории.

Нельзя свести Маркса к экономике, убрать из того, что Маркс сделал, исторический и диалектический материализм, нельзя превратить исторический материализм в машинерию интересов. Как говорил Бен-Ямин, один из исследователей марксизма, нельзя изъять теологию и телеологию из Маркса, ибо кукла диалектического и исторического материализма делает безупречные ходы только потому, что ее дергают за ниточки высшие смыслы, метафизика. И он был абсолютно в этом прав.

Итак, даже с Марксом вопрос о метафизике стоит определенным образом. С советским коммунизмом, который, конечно, являлся не до конца марксистским, вопрос еще более существен. Этот советский коммунизм абсолютно не был лишен метафизических вибраций. Вопрос заключается в том, что сделали с этими вибрациями? Почему их погасили? И что породило погашение этих метафизических вибраций?

Есть один великий проект, который заявил о том, что он будет продолжать восхождение человечества без метафизики или, точнее, с сугу-

³ Там же.

бо светской метафизикой прогресса и гуманизма, лишенной всяких окончательных целей, которые есть в теологии, – это Модерн.

Модерн действительно осуществлял подобное восхождение определенным образом на протяжении одного столетия – XIX-го. К концу столетия он выдохся, потому что варварски эксплуатировал созданную до этого культуру, которая, конечно, была христианской, он оперся на эту культуру, отделив ее от метафизики и религии. Культура, естественно, стала остывать и остыла к концу XIX-го века окончательно.

Тут-то возгорелся «Красный огонь», который каким-то образом «подогрел» Модерн и дал ему существовать еще лет восемьдесят, пока существовали коммунисты.

Но, как только коммунисты скопировали у Модерна атеистичность или, точнее, неметафизичность, с ними стало происходить в точности то же, что и с Модерном. Можно сколько угодно говорить о том, что советская номенклатура выродилась и потому не могла прекратить преступления Горбачева. Можно сколько угодно говорить о том, что выродилась вся элита номенклатуры, КГБ и так далее. Совершенно понятно, что это не так, а процессы намного глубже.

Но все это частности, потому что если бы советский человек был накалиенно коммунистичен, если бы горел внутри каждой советской души жаркий пламень советскости, то никакая номенклатура и никакая элита в целом ничего бы не сделала с советским обществом.

Значит, этот огонь стал угасать. А почему он стал угасать? Что произошло с советским человеком? Не с выродившимся советским номенклатурщиком, не с выродившимся советским ГБистом (хотя и это все, согласитесь, весьма загадочная метаморфоза), а с советским человеком как таковым... С простым советским человеком, который сначала умирал за эти советские ценности и с восторгом читал стихи: «... и мы еще падем в боях, чтоб от Испании до Африки сияла Родина моя».

*И я, как весну человечества,
Рожденную в трудах и бою,
Пою мое Отечество,
Республику мою!*

«Весну человечества»!

И потом вдруг все это проклял.

Этот вопрос требует окончательного, прямого, твердого ответа. Мы никуда без этого ответа дальше не двинемся.

И мой ответ таков.

НЕСВОБОДА ОТ МЕТАФИЗИКИ

Именно отсутствие метафизики в Красном проекте, а точнее, удушение этой метафизики привело к тому, что советский проект, который после этого удушения смог еще совершить чудеса в лоне советской культуры, далее начал угасать вместе с самой культурой. Потому что сердцевина этой культуры оказалась умерщвлена. Не было возможности поддерживать огонь. Огонь поддерживается в метафизическом храме.

Нигде больше огонь поддержать нельзя.

Нельзя искусственно поджигать идеологию, если она лишена метафизики.

Нельзя, чтобы язык грел сердца и создавал коммуникации, братство народов, советскую общность людей, если метафизика остывает. Все в ней.

Почему же так быстро все умирает без метафизики?

Потому что человек – единственное существо на планете и в известном нам мире, которое знает о своей смертности. Оно наделено великим даром разума и тем, что этот разум порождает в качестве платы за этот дар. Человек в отличие от животного понимает, что он умрет, что все, что ему дано, будет отнято. Он видит это вокруг себя. Он ужален этим в сердце с древнейших времен, со времен Гильгамеша. С первого шумерского эпоса и до наших дней он этим ужален в сердце.

Он стал человеком, как утверждают антропологи, в тот момент, как начал совершать обряды захоронения. Именно эти обряды легли в основу ритуала и языка. Язык не существует без ритуалов и мифов. Человек символически преодолел смертность. Он не мог не ответить на вызов смертности. И он ответил на это обрядами – утешением, каковым является наличие загробной жизни. Это и есть религия. С древнейших магических времен и во все времена религия имеет одну великую функцию – утешение. Ваша утрата будет восстановлена на небесах, в раю – тем или иным образом...

Я не буду разбирать модификации этого утешения в разных типах религий. Конечно, в религиях Средиземноморья и в каком-нибудь буддизме это утешение носит совершенно разный характер. Но я подчеркиваю, что у религии есть величайшая социальная функция – утешение.

Модерн впервые заявил, что может быть создан эффективный в социальном, чуть ли не духовном и уж, конечно, экономическом, техническом и прочем смысле безутешительный мир. И он его создал. Он не отменил религию. Он сделал религию частным делом людей, он по-

строил весь свой проект на фундаментальной светской безутешительности.

Да, у нас есть другие цели, у нас есть другие ценности, они вполне совместимы с безутешительностью, и мы будем двигаться к процветанию, к прогрессу, к знанию, к чему-то еще – мы будем двигаться этой великой дорогой, человек будет восходить, и он будет это делать в безутешительном мире.

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ Понадобилось лет 50–70 для того, чтобы понять, что даже западный, достаточно секуляризованный и механизированный, человек в безутешительном мире жить не хочет.

И чем в большей степени он становится индивидуалистичен и благополучен, тем в большей степени он не хочет жить в таком мире. Коллективистский человек, существующий при минимуме потребления, еще может каким-то способом выдерживать эту безутешительность за счет выжигания мобилизационного огня:

– Мы строим общество нового типа. В этом обществе все будет построено на благих основах. У нас есть враги, мы боремся. Мы подвижники, мы делаем общее дело.

Вот этот сталинский накал – это классический накал, свойственный линейной мобилизационной модели. Линейная мобилизационная модель долго существовать не может. Либо вы создаете нелинейную мобилизационную модель, либо вы должны отменить мобилизацию. Но, как только вы ее отменяете, все смысловое здание рушится. Нечем подогреть идеологию.

– Тогда, – как говорил Модерн, – не нужно никакой моноидеологии. Нужно, чтобы сколько было микрообщностей, столько было идеологов. А лучше, чтобы их вообще не было. Чтобы люди были индивидуализированы, чтобы каждый из них преследовал свои интересы, чтобы каждый из них имел свою культурную специфику, чтобы они сталкивались, как атомы, и из этих столкновений двигался бы поезд человечества вперед.

Но не хочет поезд человечества так двигаться вперед.

Как только люди достигают этого благополучия, индивидуализма и всего прочего в безутешительном мире, в их сердцах поселяется то, что Кьеркегор называл «смертной болезнью». Экзистенциалисты разобрали

это с безумной подробностью. Они описали подряд анатомию этой «смертной болезни», ее физиологию и ее каждый вирус.

И было совершенно ясно, что советское общество, как только оно достигнет определенного уровня благополучия и как только оно индивидуализируется, получит удар этого экзистенциального заболевания, усиленный в сто крат, потому что будет потерян иммунитет по отношению к данному виду заболевания.

И так легко и, в каком-то смысле, так горько и интересно одновременно проследить развитие этого заболевания на теле советской культуры. Одно дело – умствовать по этому поводу, рассуждать об этом абстрактно. А другое дело – проследить это не вообще, а конкретно на материале советской культуры.

В связи с этим хочу вспомнить один рассказ Василия Шукшина, который для меня является русским и советским Сартром, а вовсе не одним из писателей-почвенников. Как мне кажется, нет ничего более наивного и превратного, чем представление о Шукшине как о классическом почвеннике. Конечно, Шукшину дорога деревня, дорог русский общинный мир и все прочее. Но Шукшин с огромной тревогой смотрит за процессами, происходящими в советском обществе. И лейтмотивом всего его творчества является крик: «Что же с нами происходит?»

И Шукшин это «Что же с нами происходит?» никак не низводит к количеству товаров на прилавках и так далее. Он смотрит глубоко, в самые потаенные пласты человеческой души и культуры. И он видит там то, что, в конечном итоге, и погубило советское общество и что не могло его не погубить, коль скоро советское отказывалось от метафизичности, от утешения как от единственного, что преодолевает смертную болезнь.

Рассказ называется «Думы».

Для меня будет странно, если кто-то скажет, что это не Сартр и не Камю. Это даже глубже, чем Сартр и Камю. Какой там есть образ: «...слились воедино конь и человек и летели в черную ночь. И ночь летела навстречу им, густо била в лицо тяжким запахом трав, отсыревших под росой. Какой-то дикий восторг...как будто оторвался от земли и полетел. И ничего вокруг не видно: ни земли, ни неба, ни головы конской, только... ночной огромный мир стронулся и понесся навстречу... И ни о чем не думал. Ликовала душа...»!

Это все – «о чем ты воешь, ветер ночной?» Тут Шукшин наследует Тютчеву, наследует огромному пласту русской классической литерату-

ры... Вот это ощущение непосильности, противопоставления свободы и воли, этой самой полноты, которая, конечно, адресует к Абсолюту, к Великой тьме. Или к тем водам, которые должны объять сущее, если верить стихам Тютчева.

Именно ощущение того, что сейчас брат героя умирает... этот шок вообще самой возможности смерти... дальше, этот полет на коне... И он вдруг понимает, что есть то, что выводит его за рамки обусловленности. Обусловленности телом, обусловленности формой, обусловленности конечным...

А что находится за рамками этой обусловленности? Он кричит и хочет туда.

Я знаю героических военных, которые очень любили прыгать в пропасть с парашютом и очень долго его не раскрывать. Они прыгали в пропасть, кричали – и только через какое-то время дергали кольцо. И момент, когда они летят в черноту и кричат – вот это тот момент, когда хотелось одного – освободиться от любой обусловленности.

То же самое, например, описывает Лорка в своей известной статье «Теория и игра беса». В статье речь идет об одной великой актрисе, которая приехала из города, где она пела в главном оперном театре в столице Испании, в свое село. Там знатоки знали, как надо петь. И она решила спеть для односельчан. Она поет, односельчане слушают. И вообще никто не хлопает и ничего не выражают. И смотрят на нее с соболезнованием. Она поняла, что провалилась перед главной аудиторией – перед своими односельчанами. Тогда она потребовала себе очень крепкой испанской водки, обожгла себе горло этой водкой и снова запела.

Когда она запела второй раз, то после того, как она кончила петь, село взорвалось неслыханными аплодисментами. Она поняла, что победила.

Лорка говорит, что здесь она кинулась в пустоту. Она кинулась в черную ночь. И он говорит, что это есть игра беса, а все остальное есть теория.

Мы помним строки Пастернака: *«И тут кончается искусство, И дышат почва и судьба»*. Это уже то, что находится за некими последними пределами.

Итак, в тот момент, когда Матвей Рязанцев, маленький мальчик, ощущает, что сейчас умирает его брат, когда он впервые сталкивается с феноменом смерти, когда в его душу это закрадывается, он инстинктив-

но, чтобы изгнать все это, кидается в это растворение, в эту потерю формы – в то, что находится за гранью любой и всяческой обусловленности, и в то, что предлагает Великая тьма – «ночной огромный мир».

Это даже не Сартр, не Камю. Это круче.

А когда он возвращается, уже имея этот опыт, он видит смерть. Он видит «иссиня-белого чужого мальчика», своего же брата и воющего отца. И он понимает, как устроен мир. И он прячется в раковину работы, алгоритма, деятельности, заорганизованности. Он помещает себя в этот корсет. И расшатывает этот корсет музыка (гармонь).

Недаром один из героев «Волшебной горы» Томаса Манна говорил главному герою Гансу Касторпу: «Бойтесь музыки, инженер, ибо музыка есть стихия бесконечного». Она, будучи предельно формализована и абстрактна, одновременно несет в себе дух бесконечно-необусловленного. Если кого-то это интересует, то стоит внимательно прочесть статью Фридриха Ницше «Рождение трагедии из духа музыки».

Дух музыки... «Бойтесь музыки, инженер».

Гармонь у Шукшина выступает, как вот эта музыка – та самая дионисийская стихия, которая для Ницше противостоит аполлоническому миру форм. Тому аполлоническому миру, в который погрузил себя Матвей Рязанцев в тот момент, когда он испытал экзистенциальный, дионисийский опыт и бежал от него. Ему все время вспоминается только этот опыт.

Я мог бы вспомнить десятки рассказов Шукшина, в которых непрерывно прослеживается та же самая экзистенциальная тема.

В «Калине красной» все было проникнуто ею. Уже перед тем, как столкнуться с криминальным злом и погибнуть, герой сидит вместе с братом жены у озера, и они рассуждают об этом.

– А зачем мы пришли в мир?

– Ну, нас же никто не спрашивал...

Егор – герой «Калины красной» – был так же ужален этим экзистенциальным жалом в сердце, как и Матвей – герой рассказа «Думы». Его «я вам устрою бордельеро, разбег в ширину...», «праздника жаждет душа» – это как теория праздника Бахтина. Шукшин был совсем не прост... Шукшин был поразительным образом пропитан и русской почвенной культурой, и западной. И жадно тянулся туда... И он удивительным образом умел это в себе синтезировать.

У Егора нет шансов ни на что.

– Никем не могу быть в этом мире. Только вором, – говорит он.

Его прыжок в криминальное есть прыжок одновременно в омут, в ту черную ночь, от которой так отодвинулся Матвей в тот момент, когда он испытал опыт контакта с Великой тьмой.

Шукшин внимательнейшим образом, просто как ученый, как микробиолог, наблюдал, как бациллы этого социального заболевания проникают в каждую клеточку советского культурного тела.

Но ведь не он один это наблюдал. Это так интересно проследить в советской культуре – так горестно и так интересно...

Любая культура, лишенная метафизики, абсолютно уязвима по отношению к экзистенциальному заболеванию. Только метафизика является стеною, иммунным барьером на пути отношений человека и человеческих смыслов, и смерти, которая обесмысливает жизнь.

Как только эти стены рушатся, возникает «В ожидании Годо» Беккета, возникает мир абсурда. Человек так или иначе где-то должен найти компенсацию этому абсурду.

Никто так не заболевает быстро смертной болезнью в условиях отсутствия метафизического иммунитета, как русские. Потому что именно они более всего жаждут метафизических смыслов, и именно они без них становятся абсолютно беспомощными.

Если разрушить метафизическую стену Красного проекта и оставить Красный проект в безметафизическом состоянии, то уничтожение, подавление русского обеспечено. Потому что тогда смертная болезнь проходит в каждую клеточку, и там возникает попытка чем-то перекрыть очевидное смертельное заболевание, очевидную уязвленность души самим фактом смерти, фактом абсурда, который с собой несет смерть. А смерть несет с собой в этом виде, не имея метафизической компенсации, очень и очень много. Перекрыть это на пути надрывного, великого действия, великого дела эпоха возможности не дает.

Как пел Высоцкий, если мне не изменяет память: «А в подвалах и полуподвалах семилеткам хотелось под танки». Этого нет. Это еще сталинская классическая эпоха могла ставить на надгробьях символы великого дела.

Сравните христианскую могилу с могилой сталинской эпохи классического периода. Если на христианской могиле все время оплакивается умерший, если там держат покровы или изображены разбитые сосуды или символы потусторонней жизни, то что этому противопоставляет классическая сталинская система еще достаточно накаленная? – Дело!

НЕСВОБОДА ОТ МЕТАФИЗИКИ

Сходите на Новодевичье кладбище, посмотрите: на могиле танк, рука со скальпелем – дело.

Мы живем в наших делах. Мы существуем постольку, поскольку это все существует.

– Хорошо, – спрашивает абсурд, – а дальше что? Вы передадите это дело следующим. И что будет? А они передадут следующим. Остынет Солнце, исчезнет этот мир, схлопнется Вселенная... И что будет тогда с вами и с тем, в чем вы хотите обрести вечность?

Космический абсурд, абсурд мортализма, финализма и всего прочего воздействует на душу тем больше, чем более требовательна эта душа. Русская душа в этом смысле самая требовательная. И на нее это воздействует прежде всего.

Какие ответы на эти вопросы давала метафизика Красного проекта, как она строилась, как она сочеталась с предыдущей традицией?

Внутри коммунистического проекта этим больше всего занимался Богданов. Богданов известен как создатель тектологии, то есть теории систем, в которой он увидел эту новую науку... Наука, которая, с одной стороны, становится комплексной, системной, преодолевает дифференциацию дисциплин, а с другой стороны, она получает высшую цель.

Богданов и видел в этой новой науке возможность стать культуuroобразующим ядром, то есть метафизическим фокусом, центром нового утешения.

Богданову же принадлежит идея богостроительства, поддержанная Горьким, Луначарским и другими. Суть идеи заключается в том, что человек – это восходящий, становящийся бог. Если люди, не находившие себе удовлетворения в официальном православии своего времени, занимались богоискательством, то здесь речь шла о богостроительстве.

Левые коммунисты, метафизические коммунисты своего времени: Богданов, Горький, Луначарский – сказали, что они построят новую метафизику. И что суть этой метафизики в том, что человек свершит дело Божье. Человек есть становящийся Бог. Он еще не Бог. Он мал, он сейчас ничего не может. Но, когда он «вырастет» – и нужно убрать все препоны с этого его роста, – он станет богом.

Морозов, один из сидевших в Шлиссельбургской крепости поэтов, написал: «...и светлых райских сеней достигнет человек, и богом станет сам...»

И, став этим богом, человек решит все задачи Божьи: он изменит материю так, что она из тленной станет претворенной и нетленной, он

создаст бессмертие человеческое, он завоеует космос до конца, он решит все предельные задачи.

Эта традиция еще была жива в момент, когда братья Стругацкие писали «За миллиард лет до конца света», и там говорилось о том, что человек дорастет аж до того, что, когда Вселенная начнет схлопываться через миллиард лет, он остановит это схлопывание.

Он может все. Нет предела возможности восходящего человека. Нет предела его могуществу. Нет тех задач, самых фантастических, которые этот человек не сможет решить. На основе этой веры в восходящего человека писал Андрей Платонов, герои которого говорят: «Там Ленин, думаешь, не зря в мавзолее лежит, он воскреснуть хочет».

На основе этих идей жила целая эпоха. Это называлось Пролеткульт. Создателем Пролеткульта был все тот же Богданов, который, кстати, был совершенно лишен политических претензий, в отличие от Троцкого. И который имел именно метафизические претензии. Кто, как и почему убедил в дальнейшем отказаться от метафизической модификации коммунистической идеологии – это отдельный вопрос.

Тут даже нельзя говорить только о Сталине. В конце концов, Ленин считал, что все эти богостроители слишком близки к поповщине и что всякий искус движения в сторону метафизики является именно искусом. Ленин не растапывал ни Богданова, ни Луначарского, ни Красина, который там еще был, ни Горького, естественно. Но он достаточно негативно выражался по поводу этих инноваций, хотя и предоставил Богданову все возможности для развития данного направления.

В дальнейшем все было свернуто, потому что было свернуто все... И возник один вариант секулярной идеологии, который и нужен был Сталину для обеспечения линейной мобилизационной модели. Линейная мобилизационная модель более эффективна, чем нелинейная, на коротких промежутках времени. Сталину удалось добиться сумасшедшей эффективности своей модели. И только благодаря этому выиграли войну.

Но уже после войны модель стала уставать. По мере того, как люди становились все более благополучными, то есть решались, собственно говоря, задачи социалистического строя, модель стала уставать еще больше.

При Хрущеве и «разоблачение» сталинизма, и первый удар по смыслам эпохи, и переселение в малогабаритные квартиры сыграли почти одну и ту же роль. Я не могу назвать эту роль однозначно негативной. Я

НЕСВОБОДА ОТ МЕТАФИЗИКИ

не могу сказать, что все люди должны были жить в коммуналках и в бараках. Я прекрасно понимаю, что при Хрущеве именно и открылось индивидуальное измерение человека.

Но, когда это измерение открылось в отсутствие метафизики и всего прочего, советские смыслы оказались обреченными.

Медленно-медленно в них, как во все Модернистские смыслы, начала проникать эта смертная болезнь.

Медленно-медленно они стали уставать, утомляться.

Возникла усталость смысла. И эта усталость смысла в конечном итоге и породила особое отсутствие иммунитета у общества к тому, что было с ним сделано Горбачевым и всеми прочими.

Внизу, в широком обществе, в широких народных массах, усталость, чувство безвременья, потеря драйва, погруженность жизни в бытовые детали – вот это все перемолотило советские смыслы, а когда внизу они оказались перемолоты (не без помощи верха), то верх в той его части, которая хотела от этих смыслов освободиться, оказался в нужной для него ситуации.

В эту усталую субстанцию уже можно было запустить все диссидентские вирусы, все отторжения своего исторического прошлого. В нее можно было запустить все, что угодно.

Вот такая усталая субстанция – это благодатнейший субстрат для взращивания всех видов мутаций, всех видов социальных заболеваний.

Человек, который имеет смысл, и человек, у которого этого смысла нет, – это разные люди. Я имею в виду великий Смысл.

Есть люди с довольно сильной корневой системой, то есть люди, укорененные нутром в жизни, с закваской, с «большим количеством закваски», как говорил герой «Морского волка», произведения Джека Лондона. Такие люди могут эффективно жить даже в отсутствие смыслов.

А есть люди со слабой корневой системой. Эти люди могут творить чудеса в момент, когда луч смысла ударяет им в нужную точку и они пробуждены. Но если этого луча нет, они лежат, они обездвижены.

Исчезновение великих смыслов в позднесоветском обществе, исчезновение мощных смысловых вибраций означало, что люди с мощной корневой системой получают некое преимущество перед людьми с мощной смысловой системой. И постепенное восхождение людей с мощной корневой системой (была такая пьеса «Смотрите, кто при-

шел») означало одновременное нисхождение людей со смысловой системой.

Силы в советском обществе перераспределялись. Они перераспределялись всюду: они перераспределялись в элите, они перераспределялись в среднем классе, они перераспределялись в интеллигенции и в народе.

А что означало существо с мощной корневой системой в советском обществе, построенном под модель человека с мощной смысловой системой?

Это означало, что люди с мощной корневой системой находились в антисистеме и, получая все *большие* и *большие* возможности, они, естественно, оставались людьми этой антисистемы. То есть они не только разрушали систему, они формировали на ее основе тот мутагенез, который мы сейчас наблюдаем.

И что же мы теперь хотим восстанавливать?

Либо мы восстанавливаем метафизику. А восстановить ее можно только в пределах новой всемирно-исторической миропроектности. И тогда, восстановив эту метафизику, мы восстанавливаем накаленность смысла. А восстанавливая накаленность смысла, мы восстанавливаем мощный язык как средство коммуникаций и создаем огромное сплочение людей.

Либо у нас метафизики нет...

И тогда нет ни этого языка, ни этого сплочения. Но в этом случае человек, который жаждет смыслов и который в условиях накаленных смыслов мог бы стать более эффективным, чем человек с мощной корневой системой, обречен. Он дистрофичен. Как говорится в анекдоте про дистрофиков: «Ветра не будет – по бабам пойдем».

Регресс дополнительно одистрофичивает именно такого человека. Именно этот человек оказывается уничтоженным в условиях регресса. Разве мы не понимаем, что если это так, то альтернативы метафизике просто нет.

Либо метафизика – мощный смысл, настоящий огонь, который зажжет сердца людей, которые сейчас лежат, «отбросив копыта», как в том же произведении Стругацких «Обитаемый остров», – есть.

Либо мы их включим, дадим им другую энергетику – и тогда они потянут за собою страну.

Либо их растопчут люди с мощной корневой системой, которые за счет специфики советского общества всегда были антисистемными, криминальными и остались таковыми после выхода наружу.

И тогда мы не сможем построить никакой новой системы, потому что эти активные люди антисистемны по своему генезису. И они этот генезис воспроизводят в следующих поколениях. Они – бандиты. Жизнь сделала их еще большими бандитами, и воспроизводят они бандитизм, как среду своего обитания. В этом смысле они являются той самой прорвой, которая пожирает и будет пожирать страну до конца. И эта прорва начала зарождаться еще в советском обществе. Очень жизнеспособная прорва с мощной корневой системой – этот сорняк – начал бурно расти еще тогда, потому что смыслы стали ослабевать.

А когда смыслы ослабевают, то слабеет человек с сильной смысловой мотивацией – вот этот, другой человек, для которого и была построена советская система, стал слабеть. Он стал слабеть внизу: в рабочем классе, крестьянстве, в бюрократии, в номенклатуре, в армии – везде он стал слабеть.

И тогда стал резко усиливаться сорняк, то есть человек с мощными корнями, который хочет иметь, а не быть. И который есть прорва.

Предательство Горбачева и Ельцина лишь вскрыло для прорвы фантастические возможности, и она ломанулась вперед.

Интеллигенция, которая должна была это сдерживать, на какой-то момент предательски перешла на сторону этой прорвы – на сторону криминала.

Я никогда не забуду, как Сергей Адамович Ковалев от лица правозащитников хлопотал за Япончика, как за «противника советского режима». На сторону криминала, повторяю, на сторону наиболее корыстной и бездуховной части номенклатуры и на сторону табуна – этой прорвы – перешла интеллигенция.

Они слились вместе и сформировали новый класс.

Интеллигенция разрушила смыслы, разрушила идеальное. И тогда табун ломанул вперед... Он создал сегодняшнее псевдообщество, этот регрессиум. Он возглавил его. Он стал его политическим классом.

Малую часть интеллигенции он кооптировал в себя в виде услуги, а другую часть он опустил так низко, как ни в одном обществе никто никогда не опускал никакую интеллигенцию. Она и получила от него то, что и должна была получить, эта интеллигенция – возмездие.

Теперь встает вопрос о том, как выходить из этого ужасного состояния?

Только на пути создания полноценной метафизики, восстановления метафизических вибраций, мощного смыслового поля языка и комму-

никаций. Только на основе придания совершенно нового качества тому целеполаганию, которое когда-то создало советское общество. Только на этом пути мы можем чего-то достичь.

Ключевой вопрос таков – в чем всемирно-историческая, общечеловеческая исключительность России? Есть она или нет? Да или нет?

Россия в ее сегодняшнем ничтожном, гибнущем состоянии тем не менее до сих пор обладает не особенностями – особенностями обладает любая страна, – а всемирно-историческим значением и общечеловеческой исключительностью. Да или нет?

Никто, кроме нас, пока что не сказал о том, в чем эта всемирно-историческая исключительность. А подменять разговор об этом, единственный, ключевой, страстный, великий разговор, рассуждениями об особом пути... Особый путь – это когда весь взвод идет не в ногу, а господин прапорщик идет в ногу. Все идут туда... а «особым» путем куда-то прутся... это хохма.

Вопрос о всемирно-историческом значении России, ее всемирно-исторической уникальности даже на дне своего падения – в ее исключительности! В чем она?

В том, что лишь Россия во всем мире способна развиваться не так, как это предписано Модерном.

И у нее есть не просто абстрактная способность так развиваться.

У нее есть исторический опыт этого другого развития!

Вековой исторический опыт!

Соответственно, надо говорить не об инаковости как таковой, не об особом, повторяю, пути, а о том, что Россия может развиваться, и именно развиваться не по правилам Модерна. А все остальные страны могут или развиваться по правилам Модерна, или не развиваться вообще.

Соответственно, возникает вопрос: а почему бы не развиваться по правилам Модерна? Это и есть вдруг забрезживший этак года 4 назад вопрос о Модернизации. Ну, во-первых, потому что наша демократическая Модернизация нарушает все правила Модерна. А во-вторых, потому что, как мы говорили уже, Модерн сам по себе остывает и уходит со всемирно-исторической сцены.

И вот тогда оказывается, что желание России развиваться не по правилам Модерна – это не прихоть, это не русская дурь. А это всемирно-историческое спасение! Потому что мир без развития чудовищен – это мир контрМодерна и постМодерна. А развиваться по законам Модерна становится все более и более невозможным.

НЕСВОБОДА ОТ МЕТАФИЗИКИ

Значит, Россия является источником знания – конкретного знания – о том, как развиваться не по правилам Модерна. И не только знания, у нее есть опыт, что намного важнее знания. Опыт, доказывающий, что это можно делать. Это бесценный опыт.

Именно сейчас на дне своего падения Россия является спасителем человечества, потому что именно сейчас возникла всемирно-историческая задача развития за рамками Модерна.

Или развитие за рамками Модерна – или неразвитие, то есть фашизм и смерть. Вопрос стоит так остро, как никогда.

И именно потому Россию и хотят убрать с исторической сцены, что она является живым хранителем знания о том, как надо обеспечить возможность развития в XXI-м веке.

Человек свободен и может использовать свою власть, как хочет. Именно поэтому он может использовать ее неправильно; неправильно, то есть ко злу и разрушению. Что гарантирует правильное использование? Ничего. ...

Человек Нового времени не подготовлен к чудовищному взлету своей власти. Не существует еще продуманной и действенной этики пользования властью; тем более не существует и соответствующего ей воспитания – ни для элиты, ни для массы.

Романо Гвардини

Игорь Максимычев

РОССИЯ – ГЕРМАНИЯ – ЕВРОПА

**ОТ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
К РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
НАШИ ДИПЛОМАТЫ В БЕРЛИНЕ
В 1990–1992 гг.¹**

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК
327

The tragic consequences of the Soviet Union disintegration that occurred 20 years ago are still not realized to the full. Those who in duty bound guarded the state interests (diplomats, the military, lawyers) suffered the most terrible blow. The author in his memoirs reconstitutes a picture of controversial emotions that the staff of the embassy in Berlin experienced in those years. The Soviet embassy in Berlin was one of the central points the drooping Soviet foreign policy activity. The Soviet concessions did not lead to reciprocal steps of the new-spring “winners” of the Cold War. Our hopes for a new place in the emerging post-confrontation world order proved to be mere illusions that burst as balloons. Creation of the Greater Europe promised to Gorbachev was moved to the misty future. The declaration of the state of siege imposed in Moscow by the State Committee for the state of emergency sounded as the trump of the forthcoming disaster.

Ключевые слова: проект Большой Европы; объединенная Германия; Гельмут Коль; Эрих Хонеккер; выход РСФСР на международную арену; Борис Ельцин; Западная группа войск; гуманитарная помощь для населения России; новый стиль дипломатии; путч августа 1991 года; дезинтеграция СССР; перетряска дипломатических кадров.

Key words: the Greater Europe project; unified Germany; Helmut Kohl; Erich Honecker; the RSFSR emergence at the international arena; Boris Eltsyn; the Western group of troops; humanitarian aid for Russia’s population; new style diplomacy; the August putsch of 1991; the USSR disintegration; shake up of diplomatic personnel.

E-mail: igormaxim@mtu-net.ru

¹ Из дневниковых записей советника-посланника Берлинского отделения посольства СССР/РФ в ФРГ.

Прощайте, иллюзии!

Перелом в европейской и мировой ситуации, датируемый обычно 1990–1991 годами, породил множество политических иллюзий на Востоке Европы. Пожалуй, главной из них

было представление о том, будто происходит рождение Большой Европы и СССР/Россия автоматически становится ее неотъемлемой частью. Первоначально у сотрудников Берлинского отделения посольства РФ в ФРГ сложилось убеждение, что влиятельные политические круги Германии, во всяком случае на среднем уровне, исходят из реальности движения к объединению общеевропейского типа. Нас приглашали на политические мероприятия наравне с представителями западноевропейских держав и США. Мы не чувствовали никакой дискриминации. Антироссийские настроения не исчезли, но были как бы «задвинуты» на тыловые позиции. Однако с течением времени они начали все более широким фронтом пробиваться в германские СМИ, принимая по большей части форму поддержки сепаратистских движений в СССР.

В апреле 1991 года мне поступило приглашение берлинского филиала Аспенского института (США) участвовать в пресс-конференции 2 мая, на которой заместитель директора этого филиала, гражданин ФРГ Марио Лемме, учившийся ранее в Москве, собирался доложить о своей поездке по республикам Прибалтики. На конференцию были приглашены ведущие журналисты прессы, радио и телевидения. Проще всего было бы отклонить приглашение, поскольку не приходилось ожидать, что Лемме будет объективно освещать сложившуюся в Прибалтике ситуацию. Однако в этом случае была бы упущена возможность попытаться еще раз как можно более убедительно изложить нашу точку зрения по затронутым проблемам. Я решил пойти на пресс-конференцию.

Отчет о ней, опубликованный на следующий день в «Тагесшпигеле», был озаглавлен «Республики Прибалтики станут независимыми через год». Ход дискуссии излагался следующим образом: Лемме «обосновал свой прогноз о скорой независимости [Прибалтики] тем, что Советскому Союзу вследствие экономических трудностей не остается иного выбора, кроме как договориться с прибалтийскими государствами. В настоящее время ничто не функционирует. Свобода действий президента Горбачева сильно ограничена из-за конфликта с Российской Федерацией и председателем ее парламента Ельциным. Но меняется и подход республик Прибалтики, – продолжал Лемме. – Теперь они готовы

учесть проблему русского меньшинства и интересы советской безопасности, а также согласиться на сохранение советских военных баз на своей территории. Латвия продолжит предоставление СССР своих портов, имеющих огромное экономическое и военное значение для него. Уже начались переговоры с начальником советского генерального штаба Моисеевым о статусе войск СССР в Прибалтике, их численности, ограничении их оснащения чисто оборонительным оружием, их снабжении и возможным сотрудничеством в целях обороны. Критически отозвался Лемме о политиках, составляющих окружение литовского президента Ландсбергиса, который именует "преступными" не только центральные власти, но и всех, кто ищет консенсуса или компромисса с ними. Посланник Берлинского отделения советского посольства Максимычев упрекнул Литву в том, что она отказывается разговаривать с правительством СССР. Слова Максимычева можно было понять как намек на то, что при оформлении новых отношений между союзными республиками и центральным правительством верх возьмут республики², в том числе и потому, что экономические трудности требуют быстрых действий. Лемме обвинил западные правительства, включая также Бонн, в "неверной" оценке ситуации в СССР: "Формирование национальных элит" в отдельно взятых республиках "неизбежно"; именно там открываются "политические перспективы"; однако Запад концентрирует свое внимание на Горбачеве и слишком считается с центральными властями. Максимычев, напротив, высказал благодарность Бонну за его "сдержанность"³.

Поначалу русофобия всячески маскировалась. Выдвигавшиеся мною тезисы не встречали явного отторжения у немцев. Иллюстрацией к ситуации, сложившейся в сфере взаимоотношений Европейских сообществ и России после объединения Германии, могут служить итоги совместной сессии Берлинского клуба и Французского института международных отношений 8–11 ноября 1990 года в Париже⁴. Тема сессии была сформулирована весьма остро: «Является ли объединенная Германия стабилизирующим фактором для безопасности и сотрудничества в

² Так автор информации интерпретировал мою уверенность в том, что запросы союзных республик будут учтены при окончательном урегулировании ситуации.

³ «Tagesspiegel», 3. Mai. 1991.

⁴ Я с большим удовольствием принял приглашение участвовать в ней, поскольку это была возможность вновь увидеть столицу Франции, где я в свое время проработал при Валериане Александровиче Зорине пять лет – с 1966 по 1971 год.

Европе?». Среди участников были эксперты из Франции, ФРГ⁵ (включая представителей бывшей ГДР и Западного Берлина), США, Австрии, Португалии, Венгрии, Польши, Югославии, Европейских сообществ.

В моем отчете об этом мероприятии для МИД СССР я констатировал следующие основные результаты обсуждения. Большинство выступавших считало, что «налицо преобладающее положение Германии в Европе. Хотят этого немцы или не хотят, дело идет к германской гегемонии на континенте. Единственный противодействующий фактор состоит в вовлечении Германии в более тесное европейское объединение (ЕС и "Большая Европа"). Выдвинутая концепция политического и экономического союза [в рамках ЕС] является попыткой лишить ФРГ ее главного оружия – Deutsche Mark. Это вряд ли удастся: немцы не пойдут на это. К тому же растворения Франции и Англии в намеченном конгломерате не допустят их парламенты. НАТО либо исчезнет, либо неузнаваемо трансформируется и станет общеевропейской системой безопасности. В ЕС еще не решили, что важнее – углубление (то есть наращивание наднациональных элементов) или расширение (то есть вовлечение стран Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) и Восточной Европы). Французы высказываются в пользу углубления; немцы – за одновременность обоих процессов».

Приоритеты германской политики вырисовывались по итогам дискуссии следующим образом (цитирую свои записи):

- «1) в центре внимания – германо-французские отношения;
- 2) углубление европейской интеграции ("Малая Европа") с привлечением стран ЕАСТ;
- 3) перестройка германо-американских отношений (с целью рассеять опасения США в отношении перспективы развала НАТО);
- 4) укрепление германо-советских отношений на основах Рапалло;
- 5) институционализация СБСЕ, создание европейской системы коллективной безопасности, продолжение процесса разоружения;
- 6) проблемы окружающей среды;
- 7) положение в "третьем мире";

⁵ От ФРГ в сессии участвовал один из ее ведущих дипломатов – Вольфганг Ишингер, занимавший в тот период пост посланника германского посольства в Париже и ставший позже статс-секретарем МИД ФРГ, а затем послом Германии в США (Вашингтон небезосновательно считается в Германии самой важной дипломатической точкой); в настоящее время Ишингер является руководителем Мюнхенской конференции по безопасности.

8) расширение возможностей ООН».

Дискуссия показала, что взаимоотношения Бонна и Парижа далеки от состояния безоблачности. Высказывались следующие мнения: «Франко-германские отношения стоят перед серьезными испытаниями. Париж должен по-новому определить свое место в мире и в Европе. Миттеран вел неудачную политику в ходе подготовки германского объединения, пытаясь "противопоставить Эриха Хонеккера Гельмуту Коллю". Этому немцы не забудут. Сейчас французы ушли в глухую оборону, оставив незаблокированным практически лишь одно направление – ЕС. Тем не менее все признавали, что тесное франко-германское сотрудничество является одним из основных элементов европейской стабильности, а также образцом построения отношений для других европейских стран. Американский представитель резко выступил против "французских иллюзий". Он указал на проблему французского ядерного оружия и подчеркнул, что Германия не потерпит нынешнего положения [в этой области]»⁶.

Относительно отношений с Советским Союзом наблюдался довольно сильный разбой. «Единство мнений проявилось лишь в том, что советской перестройке надо помочь, однако преобладали сомнения, созданы ли уже внутренние условия для обеспечения эффективности такой помощи. При этом большинство было едино в том, что советской угрозы больше нет. Обратила на себя внимание трогательная забота французов о том, как бы ФРГ не перенапряглась, помогая Востоку. У самих немцев такой заботы не было. Один из французов признал: Миттеран не понял значения визита М.С.Горбачева во Францию в 1985 году и не использовал его как надо. Иногда с французской стороны наблюдались попытки исподволь возродить страх перед Рапалло, перед советской военной угрозой в случае ухода Горбачева со своего поста, противопоставить визиты советского лидера во Францию и в ФРГ. Американец назвал такие высказывания "наглыми". У немцев по отношению к нам проявлялись понимание и готовность к самому широкому сотрудничеству. Высказывалась озабоченность возможными осложнениями в сфере отношения населения бывшей ГДР к военнослужащим Западной группы войск: граждане "второго сорта", какими еще долгое время останутся восточные немцы, могут начать вымещать свой комплекс не-

⁶ По-видимому, имелось в виду, что ФРГ будет настаивать на отказе Франции от самостоятельного характера ее ядерных сил.

полноценности на еще более бедных и слабых (иностранцы, солдаты ЗГВ)»).

Общий вывод из состоявшегося обсуждения я сформулировал тогда следующим образом: «Начался новый этап европейской и мировой истории, в ходе которого окажутся бесполезными прежние шаблоны и мерки (например, понятие "равновесия"). Германское единство – элемент европейской стабильности хотя бы уже вследствие тех надежд, которые возлагаются в Восточной Европе на немцев. Но его надо подкреплять и другими элементами стабильности – преодолением кризиса в СССР, прогрессом в западноевропейской и общеевропейской интеграции». Как оказалось в дальнейшем, эти оценки были слишком оптимистичными.

Углубление связей между СССР и Германией осложнялось ослаблением внутривнутриполитических позиций СДПГ в результате проигранных ею выборов в бундестаг в декабре 1990 года. Тогда же социал-демократы проиграли выборы и в городское собрание Берлина. Бывший шеф сенатской канцелярии Дитер Шредер говорил мне 23 января 1991 года, что «разделяет мнение специалистов о том, что на возрождение социал-демократического влияния можно реально рассчитывать лишь в первом десятилетии XXI века, когда закончится активная фаза развертывания рынка в Европе по горизонтали и по вертикали и начнется период определенного экономического застоя с его социальными проблемами».

13 марта 1991 года во дворце Кронпринцен-пале в Берлине состоялся организованный издательством Шпрингера «Форум для Германии», задуманный как своего рода интеллектуальная площадка для осмысления нового положения объединенной Германии в Европе и мире. Он открылся большой речью Гельмута Коля, в которой тот наметил основные направления развития политики ФРГ на ближайший период. Согласно моим заметкам, во внешнеполитической части речи Коль, в частности, сказал: «Война в Заливе⁷ показала: нам надо участвовать в строительстве нового мирового порядка. У новой Германии особое положение: она является одним из самых важных государств в Европе. Потребуется изменение в конституции; только участие в акциях ООН по поддержанию мира – это слишком мало, нас не поймут. Кстати, проект Европейского оборонительного сообщества был провален не нами [а французами]. Конечно, нужна профилактика, но к ней надо добавить:

⁷ Коль имел в виду начинающуюся 17 января 1991 года военную операцию США против Ирака («Буря в пустыне»).

защита от нападения. Свобода не бывает по нулевому тарифу. Нам солдаты бундесвера нужны будут и через 10 лет – способность к обороне должна быть обеспечена». Далее канцлер заявил: «Мы благодарны США, президенту Бушу за освобождение Кувейта, за борьбу против варварства. Теперь требуется выиграть мир. Нужно примирение всех трех мировых религий, нужна способность к миру. Должен быть разработан новый план Маршалла для Ближнего Востока после создания там системы безопасности». Относительно ситуации в Европе Коль отметил: «31 марта самораспускается Варшавский договор; это происходит почти незаметно, но означает коренное изменение обстановки. В то же время никто не собирается распускать НАТО, она остается сообществом, основанным на общих ценностях. У НАТО нет врага, она лишь выражает суверенитет своих членов. Без НАТО не было бы трансатлантического альянса. Нам НАТО нужна в такой же степени, как и Европа. США и Канада являются обитателями общеевропейского дома; это не вопрос количества солдат, стационарированных здесь, а вопрос принципа. Без НАТО не было бы германского единства. Альянс будет менять стратегию и структуры. Эти реформы надо продолжать, но учитывать, что военные угрозы не исчезают. Воинская повинность должна сохраниться. Нам нужна вооруженная сила в виде народной армии». Коль продолжал: «Только сильная Европа в лице Европейских сообществ сможет определять будущее континента. Необходимо политическое объединение Европы. Немцы больше других заинтересованы в нем: в единой Европе не будет страха перед Германией. ФРГ согласна только с таким решением, которое дополнит экономический и валютный союз политическим союзом. У нас нет оснований для пессимизма в европейских делах; никто не говорит больше о "евросклерозе". Нам нужен европарламент с расширенными полномочиями. [...] Европейские сообщества должны быть в принципе открыты для всех, если налицо необходимые предпосылки – никого не надо изолировать. У немцев необъяснимые симпатии к финнам, но и всей остальной Скандинавии предстоит вступление в ЕС. Готовиться к вступлению должна также Центральная и Восточная Европа. Сейчас страны СЭВ переходят на свободно конвертируемую валюту и нуждаются в помощи».

Обратило на себя внимание, что Коль упомянул о Советском Союзе лишь в заключительной части своего выступления, что наглядно свидетельствовало о снижении значения, которое ФРГ придавала его международной роли. Канцлер подчеркнул: «Мы помогаем Горбачеву не только советами, но и действиями. Разваливать СССР – не наша поли-

тика, но он должен понять, что будут исключения⁸. Горбачев это знает, я уверен. После падения Берлинской стены нам не нужны новые барьеры. Многие в ООН стало возможным благодаря новым отношениям между Германией и ее восточными соседями. Наша помощь Восточной Европе отвечает интересам всего Запада. Горбачев хочет победы нового мышления. Ратификация договора ["два плюс четыре"] – его большое достижение». Далее Коль вновь заговорил о желательности сократить и без того немислимо сжатые сроки вывода ЗГВ и выразил готовность действовать в данном направлении, «даже если это будет стоить дороже». Впрочем, добавил он, «хорош и 1994 год, когда вывод советских войск должен завершиться: пройдет ровно полвека с того момента, когда они вступили на германскую землю». Коль упомянул и другую историческую дату: «В этом году исполняется 50 лет со дня нападения [Германии] на Советский Союз. Нам нужно будет сделать жест материального и нематериального характера в сторону СССР».

Видимо, в порядке упомянутого «жеста» руководящие германские политики продемонстрировали прилив интереса к Западной группе войск. 26 апреля министр обороны ФРГ Герхард Штольтенберг посетил штаб ЗГВ в Вюнсдорфе, а 3 мая 1991 года в советском гарнизоне в Потсдаме побывал председатель СДПГ Ганс-Йохен Фогель, который встретился там с высшими чинами ЗГВ. О посещении главы германских социал-демократов корреспондент «Вельт» писал на следующий день: «Похоже, что германо-советский спор о масштабе катастрофы для окружающей среды, который будет проявляться по мере вывода советских войск с территории новых земель, превращается в политическую проблему. Этот момент был затронут и в ходе визита, который шеф СДПГ Ганс-Йохен Фогель нанес главнокомандующему Западной группы [войск] генерал-полковнику Матвею Бурлакову в бывшей казарме вермахта в Потсдаме. На наш вопрос, подвергает ли СДПГ критике позицию Бонна, который требует, чтобы Советы передавали находившиеся в их распоряжении участки чистыми как стеклышко и свободными от застарелых загрязнений, последовал ответ: "Нет, у нас не было до сих пор расхождений". Фогель рассказал командующему советскими войсками, "насколько существенной" является эта проблема, и добавил: "При передаче мест расположения [войск] Управлению федеральным имуществом определение степени загрязнения играет важную роль". Очевидно, принимающая сторона изложила конкретные денежные по-

⁸ Этот намек совершенно недвусмысленно относился к Прибалтике.

желания руководителю оппозиции из Бонна. Он сказал, что в связи с ущербом для экологии имеются "финансовые ожидания с советской стороны", однако "детали" еще не проговаривались».

Далее в заметке, которой был дан явно провокационный заголовок «Советы хотят еще больше денег?», говорилось: «В пятницу [то есть также 3 мая] эта проблема стоимостью в миллиарды обсуждалась также на высоком уровне между премьер-министром Бранденбурга Манфредом Штольпе и бывшим советским послом в Восточном Берлине Геннадием Шикиным. Долголетний посланник и эксперт по германским делам в Берлинском отделении [посольства] Игорь Максимычев сказал корреспонденту "Вельт": "Мы должны суметь выйти на подсчеты, с которыми согласны обе стороны"; в настоящее время германо-советские рабочие группы разрабатывают совместные решения»⁹.

В заметке содержание советско-германских дискуссий излагалось следующим образом: «Главное разногласие состоит в том, что Советы не намерены снимать своего требования о получении 10,5 миллиардов марок за дома и постройки, возведенные ими за свой счет с 1945 года, и отказываются при этом принять во внимание стоимость устранения причиненного ими ущерба для окружающей среды. В то же время эксперты-экологи в новых землях оценивают расходы по санации более 1000 участков, на которых размещены советские войска, в сумму, значительно превосходящую 10 миллиардов. Суть спора: боннское министерство финансов хочет произвести взаимозачет (на период до 1994 года выделено только 540 миллионов на первоочередные меры по ликвидации загрязнений вследствие утечки керосина, масел, диоксида); Советы настаивают на сохранении своих активов по возможности целиком. "И, может быть, получении чего-нибудь сверх того", – сказал на условиях анонимности один из советских представителей во время визита Фогеля. Советская сторона охотно объясняет свою твердую позицию ссылками на заявление канцлера Гельмута Коля 13 марта в Кронпринцен-пале: если русские уйдут до 1994 года, он "будет готов кое-что приплатить". Видимо, в последние дни между Советами и правительством земли Бранденбург имело место охлаждение вследствие критиче-

⁹ *Немецкий журналист сознательно предпочел не упоминать о моей ссылке на важнейший в этой ситуации факт: базы и казармы ЗГВ размещались, как правило, на участках, которые использовались в свое время вермахтом и даже кайзеровской армией; таким образом, загрязнение окружающей среды было вызвано отнюдь не только деятельностью советских войск.*

ских публикаций СМИ об "экологической бомбе", которую представляют собой гарнизоны ЗГВ. Государственная канцелярия Штольпе выступила с предостережением о недопустимости "клеветы" на советские войска»¹⁰.

Однако разногласия по поводу обещанных немцами выплат в пользу ЗГВ, при всей их значимости, не были главным раздражителем в наших отношениях с Германией. Коренные расхождения крылись в несовпадающих подходах к проблеме строительства Большой Европы. Если в период подготовки объединения Германии канцлер Коль неоднократно обещал всемерную поддержку реализации концепции общего европейского дома, то после объединения немцы предпочли забыть о своих обязательствах. Делалось это постепенно, чтобы труднее было схватить за руку, но уже 3 февраля 1992 года нам было ясно сказано, что Россия не войдет в Европу, которую создает Запад. Произошло это в Берлине, на посвященной перспективам европейского объединения сессии Международного общества мировой экономики, где с главным докладом выступил видный политик Свободной демократической партии (СвДП) Мартин Бангеман, занимавший пост вице-президента Комиссии европейских сообществ. Обращаясь непосредственно ко мне (почетных гостей усадили в первом ряду), Бангеман при перечислении возможных кандидатов на вступление в ЕС (первая группа – Польша, Венгрия, Чехо-Словакия, прибалты; вторая группа – Румыния, Болгария, наследники Югославии, страны СНГ) сделал многозначительную оговорку: «За исключением России – иначе Европейские сообщества перестанут быть европейскими». В качестве компенсации за «неприем» в ЕС Бангеман предложил «тесную кооперацию» не только между государствами, но и напрямую между экономиками (содействие трансферу частного капитала, открытие западноевропейских рынков для продукции из Восточной Европы, гармонизацию промышленного производства). Впрочем, и тогда и сейчас не вызывало сомнения, что никакая кооперация не может отменить новый раскол континента, вытекавший из противопоставления ЕС и России.

О том, что заявление Бангемана не было случайностью, свидетельствовал и доклад видного германского историка и политолога Арнульфа Баринга в Берлине на заседании правления Германского кредитного и торгового банка 20 февраля 1992 года. Баринг не в первый раз выступал в качестве теоретика политики руководящих кругов ХДС, с которыми

¹⁰ *Die Welt*, 4. Mai. 1991.

он был тесно связан. Содержание его доклада в Берлине сводилось к следующим тезисам: объединение Германии явилось «сопутствующим продуктом» крушения СССР; немцы призваны стать наследниками развалившегося восточного гиганта; на постсоветской территории возникает хаос, перспектив для демократического развития практически нет, неизбежны авторитарные режимы; Западной Европе предстоит справиться с восточноевропейским столпотворением, но силы для этого есть только у немцев, которых это в первую очередь и касается; ФРГ должна стать представителем восточноевропейцев подобно тому, как объединенная Германия представляет восточных немцев; помогать России начали слишком рано – это выброшенные на ветер деньги; в России возникает карикатура на капитализм, к власти пришло «второе звено» воспитанников коммунистического режима, опереться не на кого; в ФРГ ошибочно считают, что безопасность обеспечивается автоматически, но западные союзы слабеют, и немцам придется заботиться о защите своих интересов самим; к концу XX века в мире будет 15 ядерных держав; немцы еще будут вспоминать о спокойных временах «холодной войны», хотя тогда эти времена воспринимались совсем по-иному. Естественно, что при таком видении сложившейся на континенте ситуации не могло быть и речи о равноправном российском участии в Большой Европе и вообще о Большой Европе. Воздушные шарики иллюзий лопались один за другим.

Пожар на Ближнем Востоке Надежда умирает последней – и мы еще долгое время рассчитывали, что определенные предпосылки для активизации работы в пользу создания общеевропейских структур сохраняются. Однако обстановка не была статичной, и ее изменения происходили почти всегда со знаком минус. 17 января 1991 года США начали войну с Ираком с целью «вытеснения» Саддама Хусейна из недавно оккупированного им Кувейта. Значение этой операции отнюдь не исчерпывалось восстановлением статус-кво. Речь шла о демонстрации решимости Вашингтона завершить строительство «нового мирового порядка», основанного на изменившемся соотношении сил в мире. США доводили до сведения всех свое представление о том, кто ныне «хозяин» на планете. Немцы это сразу поняли. В подготовленной мной 18 января информации о том, как оценивается в Германии эта американская акция, указывалось, что местные радио и телевидение непре-

рывно и с нескрываемой нервозностью освещают события на Ближнем Востоке. Немцы фаталистически восприняли известие о «войне в Заливе», рассматривая решение США как нечто неизбежное («Мы ничего больше сделать не можем»), хотя и критикуют свое правительство, которое «не проявило достаточной настойчивости для предотвращения войны». Далее я писал: «Встречаются упреки в том, что Бонн является "слишком покорным вассалом" Вашингтона. В Берлине проходят разрозненные демонстрации учащихся старших классов школ под лозунгами "Нет войне за нефть!". В германских аэропортах приняты дополнительные меры безопасности. В адрес США открытой критики нет, но часто выражается озабоченность возможными последствиями войны как в политическом, так и экономическом плане. В то же время подчеркивается, что эта война, особенно в случае, если ей удастся придать локальный и скоротечный характер, открывает эру "*pax americana*". О возможной роли СССР почти ничего не говорится; упоминается лишь, что советские вооруженные силы в южных регионах страны приведены в повышенную боевую готовность». Действительно, в этот момент Советский Союз как бы отсутствовал на международной арене.

Однако советской реакции ждали. Английский посланник Доналд Ламонт говорил мне 6 февраля 1991 года: «Быстрый разгром армии Саддама Хусейна не вызывает сомнений; проблемы начнутся после окончания военных действий. Наибольшую опасность для будущего человечества представляла бы длительная конфронтация между Югом и Севером (то есть между исламом и христианством/иудаизмом). В предотвращение подобной перспективы большой вклад мог бы внести Советский Союз не в качестве противостоящей США силы, а в качестве связующего звена между США и арабским миром. В этом контексте серьезное значение приобрела первая поездка [нового министра иностранных дел СССР] А.А.Бессмертных в США и последующие инициативные шаги советской политики в отношении ближневосточного кризиса. Представления Вашингтона о послевоенном урегулировании в районе Персидского залива нуждаются в определенной корректировке. Такая корректировка может исходить только от Советского Союза (западноевропейцы окажут негласное содействие, но в одиночку они не будут в состоянии оказывать заметное влияние на линию США)». Естественно, продолжал Ламонт, СССР должен вначале найти «приемлемые пути решения» для своих внутривосточных проблем. Обстановку в Прибалтике он назвал «самым взрывоопасным элементом» этих проблем, «поскольку повторение осложнений, подобных январским собы-

тиям в Вильнюсе и Риге, может подорвать доверие между Востоком и Западом Европы. Ближневосточный и прибалтийский очаги кризиса оказались действительно как-то связанными между собой, и ухудшение положения в одном из них негативно сказывается на другом».

Представляли интерес оценки, которыми поделился со мной 21 февраля 1991 года проф. Герхард Базлер, бывший ведущий сотрудник Института политики и экономики ГДР, сотрудничавший затем с главой последнего правительства республики Лотаром де Мезьером. Он считал, что основные линии внешней политики объединенной Германии еще окончательно не определились: «Тот вызвавший удивление многих факт, что ни Геншер, ни Коль не поспешили в Вашингтон за инструкциями после начала войны в зоне Персидского залива, объясняется очень просто: Германия ищет для себя новое место в мире, более независимое, чем ранее, в том числе и от США. Опасность продолжать оставаться в определенном смысле "мальчиком на побегушках" у американцев вполне реальна, поскольку являющийся естественным противовесом США Советский Союз сейчас ослаблен и поглощен внутренними неурядицами. Кстати, именно с этим связана четкая линия Бонна на поддержку Горбачева, целостности Советского Союза, на содействие преодолению его экономических затруднений. Характерно также весьма широкое одобрение в ФРГ советской инициативы в отношении предотвращения эскалации войны против Ирака. К тому же население Германии, особенно в бывшей ГДР, настроено четко антивоенно, в значительной степени пацифистски. В этом смысле 40 лет ГДР не прошли бесследно».

Впрочем, в дальнейшем движение к мироустройству под руководством США (или, как выражались некоторые наши аналитики, «вашингтонского обкома») лишь ускорялось. О тенденциях развития обстановки свидетельствовали западноевропейские оценки, содержащиеся в докладе «Развитие стран Центральной и Восточной Европы – вызов для сообщества двенадцати», сделанном 18 февраля 1991 года в Берлинском деловом клубе Вальтером Шютце, управляющим делами исследовательского комитета Французского института международных отношений (Париж). Согласно моим заметкам, Шютце сказал тогда: «Полтора года назад Горбачев нечаянно начал революцию. Его трагедия в том, что он сейчас разрушает то, что создал. Право на самоопределение придется предоставить и советским народам. Возникновение кризиса в Персидском заливе осталось незамеченным в Европе. Тем горше было ее пробуждение. Европа не участвует в войне в Заливе и поэтому не

будет участвовать в определении дальнейшего положения на Ближнем Востоке. Год назад в Европе господствовала эйфория: говорили о новом мире, для которого потребуются новые структуры. Но это были лишь сигналы о приближающемся землетрясении. Европа не может существовать без СССР, но в то же время не в состоянии влиять на его развитие – экономические рычаги не действуют. В условиях внеевропейских кризисов страны Европы стали действовать вразнобой. Европейская интеграция замедляется. Привязки [восточноевропейских стран] к Германии не получается. Развитие за Бугом носит открытый характер. Парижская встреча в верхах [СБСЕ] означала новый этап строительства новой Европы с учетом того, что СССР "озападнился". Восточноевропейцы заявляют о своем желании "вернуться в Европу". Но дело в том, что та Европа, которой они хотят, не готова их принять. К тому же начались волнения в СССР. Возродился роковой лозунг "санитарного кордона". Наметился новый раскол Европы – теперь по Бугу. За Бугом лежит неопределившийся массив СССР, в составе которого есть республики, которые тоже хотят в Европу. Больше всего обеспокоены находящиеся ближе к Западу Польша, Чехословакия и Венгрия. Их беспокойство вызвано не страхом перед новой советской оккупацией или отказом Москвы вывести войска. Просто мы еще не в той Европе, построить которую мы хотим. Государственным интересам ФРГ соответствует сохранение Советского Союза с Горбачевым и только что заключенным договором с ФРГ. То же можно сказать и об интересах США и всего мира – никто не хочет дезинтеграции СССР. Но сможет ли СССР сохраниться как единое государство? Действия прибалтов нерациональны. Прибалтийские республики в одиночку нежизнеспособны. Западу придется им помогать. В результате на Западе возникает новый образ врага, причем на спусковой крючок нажимают именно прибалты. В состоянии ли Запад спасти Советский Союз? В Европейских сообществах борются две концепции – расширение, то есть прием в ЕС "новых демократий" Восточной Европы, или углубление, то есть продвижение по пути дальнейшей интеграции уже существующего состава ЕС. Северные страны ЕС выступают за расширение, южные – за углубление. Бонн предлагает реализацию обеих концепций одновременно, но придется все же выбирать приоритеты. Здесь заложен взрывной заряд большой силы. Экономическое развитие ФРГ представляет собой исключение для ЕС: оно характеризуется непрерывным бумом, начиная с 1982 года. Этим объясняется энтузиазм новых руководителей Восточной Европы. Однако в целом развитие Запада замедляется, на Востоке

господствует депрессия, в итоге экономическая мощь ЕС снижается. Для будущего решающий характер имеет фактор Советского Союза, остальные страны не столь важны. Судьба Европы зависит от СССР, в конечном счете от России. Поэтому мы рекомендуем советским республикам: договаривайтесь с Москвой».

РСФСР выходит из тени

Естественно, немцев (и западных, и особенно восточных немцев) интересовали в первую очередь перспективы экономического сотрудничества с СССР, причем на передний план

выдвигалось сотрудничество напрямую с РСФСР как наиболее мощной из союзных республик. 9 января 1991 года по приглашению председателя Восточного комитета германской промышленности Отто Вольфа фон Амеронгена в Берлин прибыла большая экономическая делегация из Российской Федерации во главе с первым заместителем председателя Верховного Совета РСФСР Р.И.Хасбулатовым для участия в симпозиуме «Германо-советские экономические отношения». В составе делегации были многие видные советские экономисты, в частности, академик О.Т.Богомолов. В группу ленинградских представителей входили советник А.А.Собчака по международным делам В.В.Путин и первый заместитель председателя горисполкома А.Б.Чубайс. Путин скромно держался в тени, на первые роли рвался В.С.Ягья, председатель комиссии по международным и внешнеэкономическим связям Ленинградского городского совета. Правда, кроме надувания щек, он ничего путного «выдать на гора» не смог. Материалы симпозиума оказались интересными для нас, поскольку позволили составить более или менее объективное представление о положении дома.

Основную информацию мы почерпнули из доклада Хасбулатова. Согласно моим записям, он сказал: «Возможность полнокровного сотрудничества между СССР и Западом обеспечена. Наряду с этим проходят сложные бюджетные переговоры между РСФСР и Центром. Впервые Россия составила свой нормальный бюджет. Центр требовал еще 27 миллиардов рублей, но их нет, и Россия не дала этих денег. Пусть сокращают армию, управленческий аппарат, кремлевское чиновничество. Россия экономически самодостаточна и самостоятельно осуществляет свою экономическую политику. Министерство внешнеэкономических связей России отстаило свою самостоятельность. Лицензии на внешнеэкономическую деятельность выдаются местным (областным) советам,

а те в свою очередь конкретным предприятиям. Таким образом, происходит децентрализация, передача прав регионам. Запад поддерживает Центр, мы тоже, но только через Центр западные фирмы не смогут работать. На потребительский сектор (Б) приходится лишь 24% экономики, 76% – на сектор тяжелой промышленности (А). На Западе пропорции обратные. У нас получается, что экономика – против человека. Надо менять структуры. Между тем в апреле 1985 года структуры были теми же самыми. Б.Н.Ельцин находится у власти [в РСФСР] всего полгода. За это время принято 150 законов и постановлений, которые создали базу для изменений в России. Первый этап бюджетной работы завершен. Налоги поступают только в российскую казну, и уже Россия передает часть средств в союзный бюджет. Россия отстояла свою позицию. Временное экономическое соглашение между республиками и Центром внесет элемент стабильности в нашу систему (главную роль играет соглашение Ельцин–Горбачев). Закон о принципах внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР был принят сразу: иностранные фирмы совершенно свободны в своей деятельности в рамках компетенции РСФСР. Российская промышленность преобразуется в фирмы, иностранные фирмы приравниваются в своих правах к ним. В области сельскохозяйственного производства создаются фермерские хозяйства, осуществляется выход из колхозов, вводится частная собственность на землю (продажа земли через 10 лет). Без частной собственности нет рынка. "Регулируемый рынок" – это попытка вернуться к старому. Надо взять курс на широкую приватизацию. Вряд ли появится массовая безработица, поскольку сейчас полностью отсутствует сектор мелкого хозяйства (здесь потребуется 1,5 – 2 миллиона предприятий). Прорицания безработицы – это такая же гнусная сказка, как и предсказания относительно голода. Голода нет и не будет (при этом нехватка товаров есть и будет). Говорят, что нужна "сильная власть". На самом деле власть должна быть нормальная, обеспечивающая функционирование государственных институтов. Мы в России строим именно такую власть. Мы создаем открытое общество. Принимаемые Россией меры всегда эффективны – пусть хотя бы косвенно, через влияние на политику президента [СССР]».

24 мая 1991 года в конгресс-центре самой «западной» из восточно-берлинских гостиниц (это был «Паласт-отель», построенный в свое время японскими фирмами по заказу правительства ГДР) состоялся германо-российский экономический форум «Деловые и кооперационные возможности в агропромышленности и агробизнесе». От предста-

вителей бизнеса ФРГ отбоя не было. Главным российским гостем форума стал министр внешних экономических связей В.Н.Ярошенко (на его визитной карточке вызывающе красовался еще не признанный официально российский триколор). Согласно моим заметкам, он сказал: «Россия и Германия занимают ведущее место в Европе: Германия в западной части континента, Россия – в восточной. В России происходит революция: мы возвращаемся к здравому смыслу, прекращаем идти тупиковым путем. Внешнеэкономические связи России и Германии составляют львиную долю советско-германских связей. Россия снова вводит право частной собственности на землю: уже сейчас насчитывается 10 тысяч фермеров, подано еще 20 тысяч заявок. Мешает так называемый "синдром зоопарка": три поколения земледельцев прожили жизнь в клетке, разучившись охотиться. Не все решаются выйти из клетки, фермеров нужно обучать их ремеслу. Одно из направлений сотрудничества – стажировки в развитых странах (150–200 стажеров уже обучаются за рубежом). 10 миллионов гектаров составляют заброшенные и запущенные земли; к ним добавляются "неочищенные" земли – пустыня и полупустыня. Иностранцы могут получить все эти земли в аренду на срок до 49 лет. Уже в этом году состоится приватизация таких направлений, как транспортировка, хранение, упаковка, продажа сельскохозяйственных товаров. Проблема в том, что у населения нет денег (их хватит на оплату лишь 5–7% государственной недвижимости). Нужен иностранный капитал, который может получить до 10–15% (больше нельзя по соображениям экономической безопасности). С 1 июля внешняя торговля СССР переводится на союзно-республиканский режим. По 11 наименованиям товаров союзные органы устанавливают квоты; остальное передается республикам (они будут сами решать – контингентировать или нет). Разрешается бартер, который равным образом входит в компетенцию республик. До 10% реализуются местными органами власти, которые также могут выходить на внешний рынок. Может быть, придется прибегать к клирингу, чтобы избежать безработицы. Таможенная служба тоже приобретает союзно-республиканский характер. Своей таможни у России не будет. Сохраняются единая таможенная территория и единое экономическое пространство. Каждая республика экспортирует то, что производит; реэкспорт запрещается. Россия должна быть сильной. Интересы России и Центра совпадают: необходимо сохранить СССР, возможно, на новом уровне. Будем проводить политику открытых дверей. Возможны полностью иностранные предприятия. Допускается торговля на рубли. Вся государственная собственность –

это огромные ценности. Рубль станет "тяжелым". У населения 400 миллиардов рублей, а государственная собственность составляет 3 триллиона. Правительство России может покупать товары за рубли по курсу выше официального. Все будет оформляться через специальные счета; "грязных денег" мы не пустим. Это относится к приобретению земли, ресторанов, магазинов. Правительство может покупать за рубли также продовольствие и инвалюту».

Доклад Ярошенко живо заинтересовал присутствующих. Они впервые были ознакомлены – хотя бы в общих чертах – с программой экономических реформ в самой крупной республике СССР. Сообщение Ярошенко представляло такой же, если не больший, интерес для нас, поскольку мы постепенно начали терять ориентацию под воздействием доходившей до нас различными путями противоречивой информации об обстановке в Советском Союзе. Присутствующие задали огромное количество вопросов, ответы на которые не всегда были исчерпывающими или убедительными. Запомнились просьбы разъяснить механизм поддержки обменного курса рубля (присутствовавшие ссылались на то, что в Таллине и Риге уже дают 35 рублей за доллар). Ярошенко рассказал о планах проведения валютных аукционов и заверил, что реальный обменный курс установится в диапазоне 5–10 рублей за доллар.

Внешнеэкономическая активность властей РСФСР бросалась в глаза. 4 июня я встретился с нашей делегацией на первую сессию российско-нижнесаксонской смешанной комиссии по экономическому сотрудничеству, работа которой должна была начаться на следующий день в Ганновере (ради экономии российские представители прибыли самолетом «Аэрофлота» в Берлин, отсюда их должны были на автомашинах забрать представители Нижней Саксонии)¹¹. В отличие от Ярошенко члены делегации не очень охотно говорили о ситуации дома. Они были заинтересованы главным образом в том, чтобы получить от нас информацию об экономической и политической об-

¹¹ В делегацию входили заместитель председателя государственного комитета РСФСР по экономике, заместители министра торговли и министра промышленности РСФСР, представитель референтуры Совета министров РСФСР по вопросам внешнеэкономических связей и международных отношений. Сопровождал их первый секретарь МИД РСФСР Д.Е.Любинский, который стал впоследствии одной из опорных фигур российской германистики.

становке в ФРГ. По мере сил и возможностей мы предоставили им интересующие их сведения.

9 июня 1991 года по приглашению президента Экономической академии Восток–Запад профессора Клауса-Генриха Штандке в Берлин прибыла большая делегация исполкома Моссовета¹². Состоявшиеся переговоры с руководством академии и берлинскими городскими властями подготовили почву для реализации в дальнейшем ряда совместных проектов, в том числе прохождения начинающими сотрудниками московской городской администрации стажировки в Экономической академии. Сотрудничество между Москвой и Берлином начинало приобретать осязаемые формы.

1 августа 1991 года открылось прямое сообщение между Берлином и Москвой самолетами «Люфтганзы». Это событие рассматривалось как завершение реализации давнишней мечты главного авиаперевозчика ФРГ о подключении к «берлинскому гешефту»¹³. Был приглашен участвовать в этом мероприятии и связанных с ним приемах также и я. Помню, я очень порадовался неожиданной возможности хотя бы на три дня посетить Москву, проконсультироваться с коллегами в МИД СССР, проверить, как живут наши дети, ставшие уже взрослыми и самостоятельными. На пути в столицу СССР меня неприятно поразило высокомерие Станкевича, который подчеркнуто держался особняком и не стал разговаривать ни с кем из пассажиров самолета. У меня же состоялась длительная и подробная беседа с Штольпе, с которым мы были знакомы еще с кризисных времен 1989–1990 годов. Штольпе рассказал, что запланирована его встреча с Ельциным, в ходе которой он собирается обсудить возможности восстановления хозяйственного сотрудничества, существовавшего ранее между РСФСР и округами ГДР, вошедшими в состав Бранденбурга; он упомянул, в частности, поставки женской одежды из Котбуса, швейных машинок из Виттенберга, оправ для очков из Ратенова – товары, действительно пользовавшиеся у нас большим спросом. (На обратном пути в Берлин выяснилось, что у Ельцина не нашлось

¹² В ее составе находились представители комитета экономики, комиссии по науке и технике, управления зарубежных связей, исполкома Волгоградского района города Москвы.

¹³ Первым самолетом «Люфтганзы» в столицу СССР вылетели бургомистр Берлина Кристина Бергман, премьер-министр Бранденбурга Манфред Штольпе, президент «Люфтганзы» Хайнц Рунау, государственный советник РСФСР по связям с общественностью С.Б.Станкевич, а также цвет делового мира Берлина.

времени, чтобы принять Штольпе, и тому пришлось разговаривать с советниками председателя Верховного Совета РСФСР; не более успешной оказалась встреча Штольпе с заместителем министра иностранных дел СССР В.Ф.Петровским, в ходе которой затрагивался вопрос об ускорении вывода советских войск из Потсдама, ставшего столицей земли Бранденбург.) По прибытии в Москву Рунау с гордостью провел нас по завершающейся стройке гостиницы «Балчуг-Кемпинский», которой предстояло стать опорной базой «Люфтганзы» в Москве (наименование гостиницы также должно было подчеркнуть взаимосвязь между Берлином и Москвой: «Кемпинский» – это один из старейших и известнейших отелей Берлина).

9 августа 1991 года состоялась торжественная церемония по случаю отправления первого пассажирского поезда по маршруту Берлин-Кенигсберг/Калининград. Организатором новой линии были железные дороги бывшей ГДР, которые все еще пользовались известной самостоятельностью (первое время сохранялось даже их традиционное название «Deutsche Reichsbahn» – «Германские имперские дороги», в отличие от «Deutsche Bahn» ФРГ – «Германские дороги»). Здесь уровень официальных представителей был пониже. Сообщение с Калининградом не предполагалось делать ни ежедневным, ни даже регулярным; собирались отправлять составы по маршруту по мере поступления заявок. Впрочем, организаторы были уверены, что заявок будет много – прежде всего от немцев, бежавших из Восточной Пруссии во время военных действий или выселенных оттуда после войны: возможность посетить родные места появилась только сейчас.

Между тем ситуация в «новых землях» была далека от того процветания, которое было обещано восточным немцам накануне воссоединения (Гельмут Коль говорил тогда о «цветущих ландшафтах», которые ожидают в будущем граждан ГДР). О трудностях, с которыми сталкивается Восточная Германия, много говорилось на лекциях, которыми открылся 11 августа 1991 года так называемый «Летний университет», проводившийся издательской группой «Хандельсблатт» на базе восточноберлинского университета им. Гумбольдта. В частности, министр экономики Саксонии Кайо Шоммер сообщил, что за 10 месяцев после объединения саксонские предприятия потеряли почти все внешние рынки, причем Европейские сообщества, то есть Запад Европы, вступили в открытое экономическое соревнование с «новыми землями». Он подчеркивал, что восточные немцы совершенно не знают законов рынка, поскольку социалистическое государство приучило их к пассивно-

сти. Необходимая реструктуризация и интенсификация бьет в первую очередь по трудящимся женщинам, которые оказываются без работы. В связи с этим растет обида на западных немцев, которые постоянно учат восточных: «Надо работать!» Шоммер повторил популярную в бывшей ГДР шутку: в то время как лозунг восточного немца гласит «Мы – единый народ!», западные немцы отвечают «Мы – тоже». Другой выступавший, профессор Хайнер Тиммерман из Европейской академии в Отценхаузене, предлагал поднимать настроения восточных немцев при помощи формулы: «Мы живем плохо, но на хорошем уровне».

5 сентября 1991 года влиятельный берлинский сенатор по финансам Эльмар Пирот, член руководства объединения средних и мелких предпринимателей ХДС, обратился ко мне с просьбой передать в Москву его соображения по вопросу оказания срочной помощи советским реформаторам в деле обеспечения теплоснабжения столицы СССР в предстоящий осенне-зимний период. По словам Пирота, сенат Берлина мог бы уже в ближайшие две–три недели направить в Москву группу специалистов из БЕВАГ («Берлинское общество производства электричества»), которая могла бы определить, какие срочные меры следует принять, чтобы подстраховать работу теплоэлектроцентралей даже в условиях ожидавшейся суровой зимы. Возможно, продолжал Пирот, реализация предложений, которые выработает группа экспертов из Берлина, выйдет за рамки финансовых возможностей столицы Германии. Поэтому было бы желательным, чтобы советская сторона обратилась с соответствующей просьбой сразу непосредственно к канцлеру. Пирот, располагающий хорошими контактами с Гельмутом Колем, подготовит его. Предложение Пирота послужило исходной точкой для организации сотрудничества между БЕВАГ и Мосэнерго, которое принесло немало пользы московским энергетикам.

В рамки поддержания существовавших при ГДР связей укладывались и контакты, связанные с определением дальнейшей судьбы Музея капитуляции фашистской Германии (в берлинском районе Карлсхорст), который до сих пор входил в систему политического просвещения Западной группы войск. В рамках предстоящего вывода советских войск из ФРГ наши генералы готовились перевезти экспонаты из Карлсхорста в Советский Союз, тем более что речь шла об имуществе, находившемся на балансе Центрального музея вооруженных сил и других военных музеев СССР. Однако немцы вовремя спохватились: если бы это произошло, в Берлине остались бы только стены здания, где был подписан Акт о капитуляции, и в результате Германия лишилась бы одного из

самых памятных мест своей новейшей истории. ФРГ внесла предложение оставить музей в Карлсхорсте, сделав его советско-германским: вклад СССР состоял бы в предоставлении уже имеющихся экспонатов (вся постоянная экспозиция); правительство ФРГ взяло бы на себя обязательство содержать здание и небольшой штат сотрудников. 14–15 апреля 1991 года в Берлине состоялась первая встреча историков и музейных работников СССР и ФРГ по этому вопросу¹⁴. Советская сторона согласилась рассмотреть предложение ФРГ и попросила детализировать его.

Два месяца спустя прошел второй раунд переговоров на уровне экспертов; на этот раз с немцами встретились сотрудники отдела культуры Берлинского отделения посольства и я. Возглавлявший группу немецких экспертов Гельмут Тротнов (он стал позже директором Музея союзников на Клей-аллее в Берлине) изложил представления немецкой стороны о том, каким должен быть будущий совместный музей в Карлсхорсте. Он подчеркнул, что музей должен быть безусловно сохранен: после ухода Западной группы войск возникнет опасность, что люди просто забудут и о капитуляции, и о заслугах Красной Армии в деле разгрома фашизма. Стоящая перед музеем задача шире, чем можно подумать, если исходить только из его нынешнего названия. Экспозицию нельзя ограничивать лишь темой капитуляции: нужно показать то, что предшествовало дню 8 мая 1945 года (то есть рассказать о подготовке и ходе Второй мировой войны), а также последовало за ним (то есть отразить основные моменты политики советских оккупационных властей – в Карлсхорсте долгое время размещались центральные органы Советской зоны оккупации Германии – и показать становление дружбы СССР с ГДР); необходим и заключительный раздел об объединении Германии и перспективах дружественных отношений между ней и Советским Союзом. Со своей стороны мы отметили, что соображения немецких экспертов идут в целом в правильном направлении; на их основе могут начаться полномасштабные советско-германские переговоры по музею в Карлсхорсте. Впоследствии на

¹⁴ *Немецкую сторону представляли генеральный директор Германского исторического музея (Берлин) профессор Кристоф Штольцль и эксперты ряда музейных учреждений ФРГ, в первую очередь входящих в систему бундесвера. Советскую делегацию возглавлял генерал-майор В.И.Якимов, начальник отдела культуры Главного политического управления Советской Армии и Военно-морского флота. От МИД СССР во встрече участвовал заместитель начальника Историко-дипломатического управления Г.П.Кынин, один из наиболее компетентных знатоков истории отношений с Германией.*

основании наших рекомендаций, направленных в Центр, состоялось несколько туров переговоров официальных делегаций обеих сторон, в результате которых был разработан устав музея и созданы его руководящие органы на двусторонней основе. В мае 1995 года обновленный и отремонтированный музей Берлин–Карлсхорст (стороны согласились в конечном счете с таким «нейтральным» названием) принял первых посетителей.

Германо-российский музей Берлин-Карлсхорст.
Зал, где в ночь на 9 мая 1945 года представители нацистской Германии подписали Акт о безоговорочной капитуляции. Здесь закончилась в Европе Вторая мировая война.

Августовский «путч»

19 августа 1991 года весь мир был взбудоражен известием из Москвы о введении чрезвычайного положения, отстранении Горбачева от власти и передаче всех властных полномочий «Государственному комитету по чрезвычайному положению» во главе с и.о. президента Г.И. Янаевым. Это сообщение вызвало настоящее землетрясение в политических кругах ФРГ. Сокращение советского военного присутствия в объединенной Германии еще не началось по-настоящему, и возможные изменения в политике Кремля серьезно испугали немцев.

20 августа в Берлине по призыву практически всех германских политических партий (за исключением ПДС¹⁵) состоялся «марш молчания» в поддержку Горбачева, закончившийся митингом на Паризер-плац у Бранденбургских ворот, в непосредственной близости от нашего отделения посольства. По сообщениям СМИ, в марше и митинге приняли участие около 5 тысяч человек. На транспарантах были лозунги «Свободу Горбачеву!» и «Никогда больше коммунизма!». Однако заявления официальных лиц носили сдержанный характер. В своей речи на митинге правящий бургомистр Берлина Эберхард Дипген апеллировал к чувству ответственности советского руководства и призывал к продолжению политики мирных компромиссов. Он подчеркнул, что лишение людей возможности самостоятельно принимать решения, навязывание им своего мнения, угнетение являются тупиковым путем для человечества. Он заявил: «Мы презираем реакционеров, но остаемся верными союзниками всех людей в СССР, которые, как и мы, не хотят возвращаться в мир вчерашнего дня». Дипген заверил в солидарности берлинцев со свергнутым президентом Горбачевым. Глава берлинской организации СвДП Карола фон Браун высказалась против крикливых требований ввести санкции против Советского Союза: по ее мнению, санкции вряд ли повредят путчистам, но сильно осложнят положение сил, выступающих в СССР за свободу. Председатель фракции СДПГ в бундестаге Ганс-Йохен Фогель обратился к советским солдатам с призывом не прибегать к силе: «Не стреляйте в ваших сограждан, солидаризируйтесь с ними!» Новых людей во власти он призвал не пытаться повернуть колесо истории вспять: право и логика на стороне демократически настроенных сил.

Для сотрудников Берлинского отделения первые два дня чрезвычайного положения в Москве стали серьезным испытанием. Конечно, авторитет и популярность Горбачева среди нас уже давно приблизились вплотную к нулевой отметке. Было немислимо, чтобы ему простили безвозмездную сдачу всех позиций, какими только располагал Советский Союз. Однако решение ГКЧП ввести войска в мирную Москву граничило с безумием, поскольку содержало риск, что все закончится массовой бойней. Танки на московских улицах – такое не могло прийтись даже в самых горячечных снах! Перед каждым из нас во весь рост встал вопрос, можем ли мы как ни в чем не бывало продолжать

¹⁵ *Партия демократического социализма.*

служить власти, которая так явно не ставит ни в грош жизнь своих сограждан?

Днем 19 августа у меня состоялись три встречи. В 11.00 я принял уже упоминавшегося заместителя директора берлинского филиала Аспенского института Марио Лемме, который примчался жаловаться на наш консульский отдел, отказавший ему в выдаче въездной визы для посещения Прибалтики, хотя все документы были налицо. Пришлось разъяснять ему, что одним из следствий введения чрезвычайного положения является запрет на въезд в СССР всех иностранных граждан и надо будет дожидаться нормализации ситуации, прежде чем появится возможность продолжить поездки по Советскому Союзу.

В 12.00 пришел Ганс-Йохен Виллердинг, руководитель комиссии по международным связям при президиуме ПДС, с которым мы дружили еще с докризисных времен. Он поделился сомнениями и опасениями, которые вызвало у него и его коллег по партии создание ГКЧП. Виллердинг проявил понимание причин, вынудивших московских товарищей пойти на такой шаг, но считал шансы на успех минимальными. Он подтвердил, что в любом случае ПДС заинтересована в продолжении обмена мнениями с руководством КПСС, как только для этого появится возможность. Договорились, что я при случае передам его слова в Москву.

На 15.00 ко мне срочно запросился Марам Штерн, представитель для Европы Всемирного еврейского конгресса с резиденцией в Брюсселе. О содержании беседы я доложил в МИД СССР следующее: «Президент Всемирного еврейского конгресса Бронфман мог бы прибыть в ближайшие дни в Москву для встречи с [главой правительства СССР] В.С.Павловым. Целью такой встречи было бы прояснение отдельных аспектов программы и политики нового советского руководства, прежде всего под углом зрения положения евреев в СССР. Беседа с Павловым дала бы Бронфману возможность провести затем встречи с лидерами США, ФРГ, Франции и Англии для оказания сдерживающего влияния на политические решения европейских стран и США. Штерн заявил, что Бронфман опасается, что приход нового руководства в СССР может побудить Запад к необдуманным и поспешным шагам, которые вернут мир к противостоянию времен холодной войны. Штерн просит срочного ответа».

Ответа на это обращение после краха ГКЧП, естественно, не последовало. 25 октября 1991 года Штерн вернулся к вопросу о поездке в Москву – на этот раз своей собственной для установления контакта с представителями РСФСР. В информации для МИД СССР я сообщил о

его просьбе к российскому руководству разрешить ему поездку в Москву на 3–4 дня в начале декабря. Он «хотел бы быть принятым для беседы А.В.Рущким, Р.И.Хасбулатовым, Г.А.Явлинским, С.Б.Станкевичем, С.М.Шахраем. Цель бесед – выяснить, в какой форме и каком объеме Всемирный еврейский конгресс сможет помочь процессу консолидации демократических порядков в России. Поскольку конгресс располагает достаточно серьезным влиянием в США и ЕС, совет с его стороны будет там услышан». Штерн добавил, что собирается обсудить также установление прямых контактов между Европейскими сообществами и РСФСР. В число собеседников, с которыми он хотел бы пообщаться в Москве, он включил политологов С.А.Караганова, А.С.Ципко и О.Т.Богомолова. Поездка Штерна в конце концов состоялась. Не берусь судить, насколько успешной она была, но во всяком случае Всемирному еврейскому конгрессу удалось вовремя установить прямой контакт с людьми, которые стали определять лицо новой России.

Боюсь, что при первой встрече с Штерном мне не удалось соблюсти необходимую дипломатическую сдержанность. Помню круглые глаза моих собеседников (Штерн пришел в сопровождении знакомого мне сотрудника из числа бывших граждан ГДР), когда у меня вырвалась резкая оценка действий ГКЧП, демонстрирующих презрение к мнению простых людей. Я не стал скрывать, что считаю введение чрезвычайно опасной и заранее обреченной на провал попыткой вернуться назад. Не знаю, пошел бы я защищать Белый дом, если бы был в это время в Москве, но наша дочка со своими друзьями присоединилась к его защитникам (мы узнали об этом позже из ее письма, исполненного молодежного максимализма и ярких подробностей произошедшего). Большинство советских дипломатов в Берлине решило не пороть горячку и выждать, как будут выглядеть на практике действия новых руководителей.

Нечего и говорить, что мы самым внимательным образом следили за пресс-конференцией вождей ГКЧП. Уважения к ним не прибавили показанные крупным планом трясущиеся руки Янаева. Тем большей была всеобщая радость, когда на третий день весь балаган «путча» рассыпался в прах. Его единственным реальным результатом стало неудержимое возвышение президента РСФСР Ельцина, который превратился в фигуру, абсолютно доминирующую на политическом небосклоне СССР и пользующуюся практически всеобщей народной поддержкой. Его фотография в тот момент, когда он, стоя на танке, зачитывал свой указ о

непризнании ГКЧП, стала чем-то вроде иконы для масс, жаждущих порядка и справедливости.

В интервью берлинской газете «Шпандауэр фольксблатт» 4 сентября я следующим образом ретроспективно охарактеризовал свои чувства и отношение к «путчу»: «Мы испытывали сильнейшее беспокойство по поводу того, что происходит в Москве. Танки на улицах доказывали: до добра дело не дойдет. С самого начала было ясно, что без кровопролития и восстановления ГУЛАГа путч своей цели не достигнет. Первые известия о российском сопротивлении, о баррикадах у Белого дома вызвали тревогу за близких. Мы знаем наших детей и подозревали, что они не останутся в стороне. Как позже выяснилось, мы оказались правы. Очень трудно было определить свое поведение в этой ситуации. Трудность была не в том, чтобы разобраться с симпатиями и антипатиями: ни Янаев, ни Павлов, ни Крючков симпатий вызвать не могли, и сомнений в конечном крахе их предприятия не было. Мучил вопрос о цене, которую истерзанная страна заплатит за попытку неисправимых остановить историю. Международное осуждение и решения о санкциях воспринимались как само собой разумеющиеся. Но как это скажется на народе? Ведь голодать пришлось бы не Павлову, а человеку с улицы. Известие о том, что путч провалился, вызвало не удивление, а огромную радость и облегчение. И восхищение москвичами, не давшими себя запугать. И совершенно непривычное ощущение победы, уверенности в том, что огненные уже никто не сможет поставить нас на колени». Закончил я интервью так: «Что дальше? Пока мы еще здесь, мы будем делать все, что в наших силах, чтобы помочь нашему народу – и Центру, и республикам, которые нуждаются в наших услугах. Если мы окажемся ненужными на этом посту, то всегда найдем себе сферу применения в том же направлении, потому что долг каждого перед своим народом неоплатен». Сегодня – после развала Советского Союза, после расстрела парламента в 1993 году и безумной свистопляски единоличного ельцинского правления в 90-е годы – я склонен признать наличие благих намерений у создателей ГКЧП, но одобрить их действия я не могу и сегодня.

23 августа 1991 года состоялась встреча Горбачева с депутатами российского парламента, во время которой Ельцин объявил о приостановке деятельности КП РСФСР и КПСС на территории России. Накануне в советских СМИ был опубликован призыв ранее вышедшего из КПСС А.Н.Яковлева ко всем честным коммунистам выйти из партии. Эти события оказали сигнальное воздействие на настроения в нашей

среде: старые порядки стали рушиться и в берлинском отделении посольства. Вскоре в соответствии с указом Ельцина о «департизации» государственных учреждений, подписанным еще 20 июля, выпустил соответствующий циркуляр и МИД СССР. Внутренняя жизнь большого коллектива в Берлине входила в иные берега.

День пятницы 23 августа выдался для меня хлопотным не только из-за обрушения привычных устоев бытия. В 11.00 в берлинском районе Шпандау открывалась выставка-продажа продукции подмосковной фарфоровой фабрики «Гжель». Я придавал особое значение выходу «Гжели» на германский рынок: он мог стать началом нашего присутствия в сфере сбыта регулярных товаров широкого потребления (до сих пор «русскими» в Германии были лишь матрешки и изготавливаемые в Польше солдатские шапки-ушанки на диких базарах в людных местах). Поэтому я решил присутствовать на торжественном открытии выставки и произнести там приветственную речь. У меня сохранился краткий конспект этой речи, составленный в автомашине по пути в Шпандау: «Сегодня для нас радостный день. Народ России защитил демократию. Русские, где бы они ни были, гордятся, обоснованно гордятся своей страной, москвичами, остановившими путчистов. Наверняка среди защитников Белого дома были и жители Гжели, расположенной совсем близко от Москвы. Дополнительным знаком надежды является то обстоятельство, что демократию отстаивала молодежь, которая вышла на баррикады. Нам предстоит путь в рынок. Успех и здесь будет зависеть от того, поддержит ли молодежь реформаторов».

Между тем ситуация дома все более осложнялась. 13 сентября 1991 года перед дипсоставом выступил С.М.Шахрай, один из влиятельных советников президента РСФСР. Согласно моим записям, он сказал: «К последствиям путча относится то, что многое рухнуло совершенно неожиданно. Обошлось без особого мародерства. Чрезвычайная сессия Верховного Совета РСФСР состоялась, факсы работали, но междугородняя телефонная связь была отключена. Сейчас Ельцин отменил свои указы, изданные во время путча. Была напряженность накануне съезда народных депутатов СССР. Предстоят важные решения – принятие конституционного закона об упразднении съезда и о переходном периоде до заключения нового союзного договора. Официально Советский Союз еще не распущен».

Отпуск за два года (кризис ГДР и ее включение в состав ФРГ делали мою отлучку из Берлина в 1990 году невозможной) был использован мной для того, чтобы попытаться понять направление радикального

развития событий дома. За месяц с 17 сентября по 17 октября 1991 года у меня было около двух десятков встреч и бесед на самом различном уровне в МИД СССР, МИД РСФСР, Моссовете, Верховном Совете РСФСР (в частности, я присутствовал на встрече Р.И.Хасбулатова с главой Восточного комитета германской промышленности Отто Вольфом фон Амеронгеном), в научных институтах Академии Наук (тогда я впервые посетил Институт Европы, которому было суждено через полтора года стать моим вторым домом). Участвовал в работе общественного Форума СССР–ФРГ, который проходил в гостинице «Октябрьская». За этот месяц я укрепился в мнении, что руководство РСФСР во главе с Ельциным стало доминирующим фактором внутривнутриполитической ситуации в СССР. У меня, как и у большинства населения России, сложилось убеждение, что только Ельцин с его неукротимой волей к победе способен вывести страну из кризиса, покончить с бесконечной болтовней и перейти к делу, осуществить народные ожидания, пробужденные и в конечном счете обманутые горбачевской перестройкой. Надежды на лучшее будущее страны и ее народа все более четко концентрировались на России и ее лидере, которым бесспорно являлся Ельцин, ставший в глазах людей «победителем дракона». Что же касается упорных слухов об алкоголизме Бориса Николаевича, то они не могли нанести ущерб сиявшему вокруг его головы нимбу сильного человека – действительно, про какого русского можно сказать, что он трезвенник?!

По всему было видно, что новая Россия готовится к полномасштабному выходу на международную арену. Убедительной демонстрацией этой готовности должен был стать запланированный на ноябрь визит президента РСФСР в Германию по приглашению канцлера Коля. В основном в связи этим я дважды (3 и 16 октября) побывал у Д.Б.Рюрикова, помощника Ельцина по внешнеполитическим вопросам. Как опытный дипломат, Рюриков тщательно готовил поездку шефа и интересовался прежде всего закулисными деталями политической жизни ФРГ и, в частности, ситуацией в «новых землях».

30 октября 1991 года состоялся прощальный прием на Унтер-ден-Линден по случаю отъезда руководителя Берлинского отделения посольства Г.С.Шикина, назначенного послом СССР в Югославии. 2 ноября утром он вылетел в Москву из Шперенберга, главного аэродрома ЗГВ. Для меня мероприятия, связанные с отбытием руководителя отделения, оказались несколько смазанными из-за того, что буквально в эти же дни (29–31 октября) в Берлине проходила европейская конференция

министров внутренних дел по вопросам сдерживания нелегальной миграции¹⁶. Поскольку у Шикина уже не оставалось времени, на меня легло сопровождение наших делегаций, участие в заседаниях и протокольных мероприятиях. Немцы придавали теме конференции огромное значение, небезосновательно опасаясь, что главной целью нелегальных мигрантов наверняка станет как раз экономически и социально процветающая Германия. Министры заседали в торжественной обстановке в отреставрированном здании бывшего рейхстага, которое в перспективе должно было принять бундестаг. Достигнутые договоренности в общем и целом сработали: в конечном итоге ФРГ принимала только тех мигрантов, которым она сама разрешала оставаться.

5 ноября 1991 года я уже в качестве и.о. руководителя отделения посольства созвал совещание дипломатического состава, главной темой которого стала организация работы коллектива на предстоящий период. Для того чтобы люди легче могли ориентироваться в усложняющейся обстановке, надо было хотя бы частично возродить практику утренних «летучек». Я обратился к коллегам со следующим призывом (привожу сохранившиеся тезисы выступления): «Нас ждут потрясения. Об этом свидетельствует, в частности, обращение Коллегии МИД к работникам, достигшим пенсионного возраста, с призывом выходить на пенсию. Этим дело не ограничится. И все же нельзя размагничиваться. Пока нам платят зарплату, мы должны ее отработать. Конечно, много эмоций, но не стоит забывать, что все мы сыны России. И если Родина будет в нас нуждаться, то мы должны найти в себе силы, без обид и задетого самолюбия служить ей в том качестве, в каком понадобится. Руководство постарается делать все с наименьшей болезненностью для людей. Но все мы должны понять, что болезненные операции неизбежны». Некоторая пафосность моей речи отнюдь не была напускной: предгрозовое ощущение надвигающихся бурь испытывали все.

(Окончание следует)

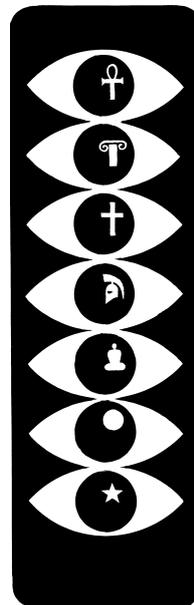
¹⁶ На ней присутствовали делегация СССР во главе с министром внутренних дел В.П.Баранниковым, а также министр внутренних дел Украины А.В.Василишин (прибыл в Берлин на автомашине) и заместитель министра внутренних дел Белоруссии В.С.Изотов (белорусы прилетели 28 октября и возвратились в Минск 1 ноября).

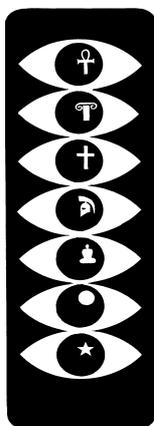
Люди, наконец, стали сознавать, что они – лишь винтики бюрократической машины и не хотят больше мириться с этим отчуждением от участия в решении их собственных проблем, с бюрократическим взглядом на «управляемых» как на вещи, предметы обладания и распоряжения в руках «компетентных органов» и должностных лиц.

Эрих Фромм

Человек, как духовное существо, всегда ищет лучшего, ибо некий таинственный голос зовет его к совершенству. Он, может быть, и не знает, что это за голос и откуда он... Он, может быть, чувствует бессилие своей мысли и своего слова каждый раз, как пытается сказать, в чем же состоит это совершенство и какие пути ведут к нему. Но голос этот внятн ему и властен над ним...

Иван Ильин

Владимир Никитин

ЗАКОН И РЕАЛЬНОСТЬ

**«ПОЛОЖЕНИЕ О МОРСКОМ ЦЕНЗЕ
ДЛЯ ОФИЦЕРОВ ФЛОТА» 1885 ГОДА**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
93/94

The article is devoted to the problem of Russian reforms at the turn of the 19th and the early 20th centuries. The reform of naval officers' promotion to higher ranks (its principal points were presented in the "Regulation on naval qualification requirement for the Naval officers" of 1885) is in focus of the author. The author reveals mechanisms that distort innovative ideas and integrate them into the existing system losing their novelty and efficiency in result of such adaptation. The author demonstrates peculiarities of the Russian Navy officers' service during the period of the Regulation operation, analyzing the documents of the Ministry of the Navy (1885-1907).

Ключевые слова: «Положение о морском цензе для офицеров флота»; закон; морской ценз; реформа; Морское министерство.

Key words: "Regulation on naval qualification requirement for the Naval officers"; law; naval qualification requirement; reform; Ministry of the Navy.

E-mail: kizilbash@yandex.ru

Явился пресловутый ценз... Явился какой-то бухгалтерский и чисто коммерческий взгляд на службу; всякая посредственность, бездарность и наглость высоко подняла голову, и затем мало-помалу молодым поколением овладел тот торговашеский дух, который стал руководящим принципом. Моряки почти разучились плавать и почти не плавали. Всякий старался зашибить копейку и поскорей «выплавать ценз», а где и на чем – на пароходе ли, делающем рейсы между Петербургом и Кронштадтом, или на броненосцах, отстаивающихся на трандзундском рейде, – не все ли равно?

К.М.Станюкович

В России любят писать и читать о реформах. О больших и совсем незаметных, о проектируемых и действующих, об успешных и неудавшихся. Тема эта необъятна и всегда будет актуальна. Актуальна, а значит, и современна. Все мы живем в состоянии «реформ» – прошлых или будущих. Реформы формируют нашу жизнь, и, к сожалению, за редким исключением, этот процесс односторонний. Какой бы ни была стройной и гениальной реформаторская идея, когда она встречается с действительностью, начинают происходить удивительные вещи. Оказывается, разработчики нововведений не учли многие обстоятельства, мешающие их реализации, и начинается процесс «подгонки платья по фигуре» в основном за счет подзаконных актов (ведомственных правил, служебных инструкций и т.д.). При этом реформируемая структура и среда оказывают активное и пассивное сопротивление, поскольку численность сторонников сохранения status quo всегда составляет солидную величину. Результат преобразований в итоге оказывается далеким от задуманного, а иногда даже бросает тень на репутацию их проводников. Первоначальная идея в процессе своей материализации в законодательный акт проходит через множество рук, попадает под влияние интересов большого количества людей, что неизменно приводит к ее искажению. Процесс рождения закона – отдельный и чрезвычайно интересный сюжет, но в рамках данного исследования предлагается сфокусировать внимание исключительно на правоприменении.

В 1885 году было принято «Положение о морском цензе для офицеров флота», оказавшее такое влияние на развитие отечественных военно-морских сил, что время его действия не без оснований назвали «эпо-

хой морского ценза»¹. Этот документ кардинально изменил принципы службы командного состава флота. Его же считают одной из важнейших причин разгрома при Цусиме. Однако так ли страшен был морской ценз, как его малюют? Не в худую ли землю упало зерно реформы?

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Вторая половина XIX века была периодом крупномасштабной модернизации вооруженных сил России. Деревянные парусные корабли уступили место железным паровым.

Этот переход был крайне болезненным – слабая промышленная база, недостаток финансирования и неопределенность в концепции судостроительных программ. Дело в том, что все морские державы в этот период испытывали трудности в выборе, что и как строить. Появление практически неуязвимых броненосцев-мониторов обесценило все существовавшие до того корабли. Однако они оказались малопригодны для действия в открытом море, им на смену пришли высокобортные собратья, способные выдержать океанскую волну. Австрийский флот таранными ударами отправил на дно два итальянских корабля, и все флоты охватила «таранная лихорадка»: носовые части всех кораблей стали конструировать в расчете на столкновение с противником. Удачное боевое применение торпед позволило их поклонникам заявлять, что время бронированных монстров с десятками орудий уже миновало. Были свои сторонники и у крейсеров, поскольку корабли такого класса отвечали стратегии борьбы за морские коммуникации². Выработать долгосрочную судостроительную программу в этих условиях было очень трудным делом, усложненным к тому же отсутствием единой морской доктрины. На всех трех морях у русского флота были разные задачи. На Балтике главной считалась позиционная оборона наиболее важных приморских районов. На Черном море важнейшей целью было обеспечение десантной операции по захвату Босфора. На Тихом океане единственно возможным способом действий русских морских сил считалась так называемая «крейсерская война»³. В конце 1870-х годов появляется некоторая ясность в перспективности различных типов боевых

¹ *Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. XVI. С. 440. Стб. 2.*

² *Обзор деятельности Морского управления в России 1855–1880. СПб., 1880. Ч. 1. С. XV–XVI.*

³ *Там же.*

судов и определенность в задачах флота. В 1881 году великий князь Константин Николаевич (1827–1892) после смерти Александра II вынужден был оставить пост главного начальника флота и Морского ведомства. Его место занимает великий князь Алексей Александрович (1850–1908). Управляющим Морским министерством становится вице-адмирал И.А.Шестаков (1820–1888).

В 1879 году Морское ведомство создает Особое совещание для разработки плана строительства броненосного флота. В апреле 1882 г. морской министр И.А.Шестаков докладывает Александру III о проекте 20-летнего плана развития флота. Основные пункты плана были обусловлены международной обстановкой начала 80-х годов. Вследствие захвата Египта англичанами возникла угроза взятия ими Константинополя. Первоочередной задачей признавалось возрождение Черноморского флота, а Балтийский флот следовало сделать конкурентоспособным на фоне флотов других держав на Балтике, и прежде всего флота Германии. Двадцатилетний план (1882–1903) предусматривал создание сбалансированного флота «открытого моря» и отражал идеи планомерного создания морской силы⁴. В 1885 году политическая обстановка в Европе изменилась. Возникла угроза со стороны Англии вследствие конфликта в Афганистане. Изменившаяся внешнеполитическая обстановка вынудила Морское министерство вернуться к вопросу об укреплении Балтийского флота. Было принято решение об усилении оборонительного и минного флота⁵.

Строительство крупного броненосного флота потребовало усовершенствования системы управления им. В 1884–1886 годах проводятся серьезные преобразования Морского ведомства, основанные на принципах строгой централизации хозяйственных функций и отделения их от технических и от «боевых и строевых». Новая структура высшего управления включала два новых самостоятельных органа – Главный морской штаб (ГМШ) и Главное управление кораблестроения и снабжений (ГУКиС)⁶. В ГМШ было сосредоточено управление боевыми силами и личным составом флота. На ГУКиС возлагалось «общее заведывание хозяйством Морского ведомства»⁷. Новое устройство центральных учреждений Морского министерства было законодательно

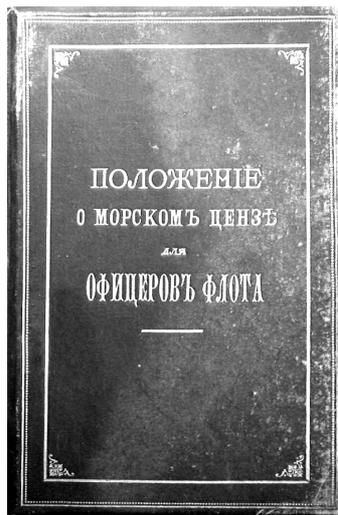
⁴ Там же. С.259.

⁵ Бескровный Л.Г. *Русская армия и флот в XIX веке*. М., 1973. С.518.

⁶ *Три века российского флота* / Под. ред. Ф.Н.Громова. СПб., 1996. Т.1. С.260.

⁷ Там же. С.260–261.

закреплено в 1885 году «Положением об управлении Морским ведомством». Впоследствии введенная этим «Положением...» структура управления получила название системы 1885 года⁸.

Однако реформирование Морского ведомства не ограничилось структурными изменениями. Новое флотское руководство особое внимание уделило проблеме, связанной с карьерой морских офицеров. Система прохождения службы во флоте, существовавшая в 80-е годы XIX века, предусматривала производство в следующий чин по старшинству или за отличие⁹. В каждом чине необходимо было пробыть определенное количество лет, а производство происходило в порядке очереди. Даже наличие или отсутствие «морской» должности практически не влияло на карьеру. Возникла попросту скандальная ситуация: в списках личного состава флота значились офицеры, которые

находились на службе в других ведомствах или плавали на коммерческих судах, продолжая получать чины как военные моряки. Так, в 1880 году из 146 служащих адмиралов во флоте были только 47, в 1884-м из 140 адмиралов лишь 34 командовали боевыми кораблями¹⁰. В списках личного состава были офицеры, не выходившие в море в течение 20 лет или командующие в штаб-офицерских чинах самыми незначительными судами. «Морские волки», к коим принадлежал управляющий Морским ведомством адмирал И.А.Шестаков, видели флот и его задачи совсем по-другому, нежели большинство.

Для них море – это их жизнь. Для большинства же море – это карьера, а Морское ведомство – одно из многих мест государственной службы, куда их «занесло» и где необходимо было с как можно меньшими потерями выслужить себе пенсию.

⁸ Назаренко К.Б. Мозг флота России. От Цусимы до Первой мировой войны. СПб., 2006. С.23.

⁹ Общій морской список. СПб., 1885. Ч.1. С.XXXIV.

¹⁰ Отчет по Морскому ведомству 1879–1883. СПб., 1884. С.3–4.

Для изменения ситуации по инициативе И.А.Шестакова при Морском министерстве была создана, под председательством вице-адмирала П.А.Перелешина, комиссия, целью которой была разработка проекта новой организации личного состава флота¹¹. Результатом деятельности комиссии стало «Положение о морском цензе»¹². В основу новой системы прохождения службы были положены принципы штатной дисциплины, строгого отделения строевой корабельной службы от береговой и инженерно-технической. Производство флотского офицера или инженер-механика в следующий чин стало возможным только при наличии выполненного морского ценза – определенного количества дней плавания. Производство осуществлялось только при назначении на соответствующую чину свободную вакансию (должность).

«ПОЛОЖЕНИЕ О МОРСКОМ ЦЕНЗЕ» – КУРС НА БЮРОКРАТИЗАЦИЮ?

Сразу после введения в законную силу «Положения о морском цензе» (1885) начали возникать проблемы с его применением на практике. Главным критерием, которым предполагалось оперировать в рамках новой системы службы, были «цензовые дни», определенное количество которых давало право офицерам претендовать на повышение в чине, занятие должности и получение тех или иных пособий. До 1885 года для определения старшинства и повышения по службе было совершенно неважно, где и в какой должности прослужил офицер, важен был лишь его реальный срок службы. С введением Закона о цензе ситуация меняется. Все стадии карьеры офицера – чинопроизводство, получение должностей, пенсии – стали зависеть от количества цензовых дней.

Одной из главных задач «Положения о морском цензе» была «очистка» флота от офицеров, не соответствующих служебным требованиям.

¹¹ Огородников С.Ф. *Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования (1802–1902)*. СПб., 1902. С.222.

¹² *Положение о морском цензе для офицеров флота*. СПб., 1885.

Поэтому, прежде всего, необходим был подсчет «ценза» для всех офицеров флота, находившихся на службе к моменту введения нового закона, для того, чтобы по результатам этого подсчета отсеять лишних и оставить только «действующих» моряков.

Проблемы, возникшие при подсчете служебного ценза, были различного порядка. Так, например, критерии для определения величины цензовых плаваний едва ли могли применяться к плаваниям, совершенным в конце 60-х – начале 70-х годов из-за несоответствия рангов судов. Кроме того, основные документы, информация из которых использовалась для расчета ценза, – шканечные журналы¹³ и выписки из них – сохранились не в полном объеме, поэтому было решено использовать для определения сроков плавания тех или иных офицеров послужные списки¹⁴. Реальная жизнь гораздо разнообразнее, чем законодательные рамки, поэтому появляется множество вопросов по разным случаям применения Закона о цензе. Все эти «цензовые вопросы» рассматривались в ГМШ, который с переменным успехом давал на них ответ¹⁵. Главному морскому штабу приходилось заниматься толкованием Закона о цензе, так как многие положения в нем не были прописаны или были прописаны плохо. Приведем один из примеров запроса в ГМШ по вопросу расчета ценза¹⁶: «...обер-офицеру-механику заграничное плавание на военном судне к чинопроизводству считается в половину; как поступить, если это заграничное судно находилось в то же время и в учебном отряде, в заграничных водах, так как на учебных отрядах обер-офицерам три дня считается в четыре¹⁷»¹⁸. ГМШ выработывает «формулу» и дает ответ: «...если заграничное плавание учебное, то половину утраивать»¹⁹. Таким образом, если офицер пробыл в заграничных водах в составе учебного отряда, например, 120 календарных дней, то в ценз ему будет записано 180 цензовых дней. Однако логика подобных расче-

¹³ Вахтенные журналы.

¹⁴ Российский Государственный архив военно-морского флота (далее – РГАВМФ) Ф.417. Оп.4. Д.86. Л.12. О разъяснении законоположений о зачете офицерам в морской ценз времени нахождения в плавании. 1886–1887 гг.

¹⁵ Там же.

¹⁶ К сожалению, автора установить не удалось.

¹⁷ Правописание в цитатах приведено в соответствии с правилами современного русского языка.

¹⁸ РГАВМФ. Ф.417. Оп.4. Д.86. Л3. О разъяснении законоположений... 1886–1887 гг.

¹⁹ Там же.

тов не вполне ясна, так как в самом законе об этом не сказано. Вопрос о принципах и практиках расчетов цензовых дней пока для нас еще остается открытым.

Как уже было сказано выше, подсчет «ценза» был делом чрезвычайно трудоемким, так как необходимо было учесть множество факторов: ранг судна на время расчета, статус его плавания, пребывание в составе отрядов и прочее²⁰. Современник описываемых событий вице-адмирал К.В.Стеценко, в 1886 году состоящий в мичманском чине, писал в своем дневнике: «...считаю ценз для разных офицеров, и, Боже мой, сколько путаницы в объяснении, как и что считать, что считать за ½ дня, что за три, и т.д. ...»²¹. И действительно, путаница была невероятная. Тот же К.В.Стеценко в своих дневниках приводит случай, произошедший с его сослуживцем лейтенантом Л.Г.Фелькерзамом. Фелькерзам не нашел себя в списке лейтенантов, которые должны были быть зачислены на капитан-лейтенантский оклад, хотя в этом же списке числился другой офицер – лейтенант Лоудон, низший по списку и меньше плававший, чем Фелькерзам. Подозревая, что его обошли неслучайно, Фелькерзам собрал документы о своих плаваниях и, посчитав свой ценз, обратился к одному из делопроизводителей отделения личного состава ГМШ с требованием дать ему возможность сверить свои вычисления с вычислениями штаба. Рассказ о том, что происходило далее, мы считаем нужным процитировать: «Долгов²² встретил его очень важно, как обыкновенно встречаются чиновники, и даже начал читать что-то вроде морали, и отказал. Ф²³. это очень раздражило, и он заметил Д., что тот забывает, что говорит хотя и с младшим в чинах, но с офицером и командиром судна 3 ранга. Д. стих, но пришел в рассерженное состояние и отправился доложить начальнику Штаба громко, так что Ф. слышал»²⁴. Д. заявил начальнику Штаба, «что если позволить одному, то явится весь Кронштадт. Д. просил начальника штаба хорошенько, для примера, пробрать Ф., но начальник штаба приказал Д. проверить с Ф. его список»²⁵. В результате проверки оказалось, что Долгов совершил заведо-

²⁰ Необходимо отметить, что среди всех этих расчетов не было места самому офицеру, оценке его качеств, как личных, так и профессиональных.

²¹ РГАВМФ. Ф.24. Оп.1. Д.134. Л.33–33 об. Дневник К.В.Стеценко. 1886 г.

²² Фамилия делопроизводителя Главного Морского Штаба. Далее «Д».

²³ Л.Г.Фелькерзам.

²⁴ РГАВМФ. Ф.24. Оп.1. Д.134. Л.3. Дневник К.В.Стеценко. 1886 г.

²⁵ Там же.

мый подлог, не проверив поданные ему сведения. К.В.Стеценко пишет, что, когда эта информация дошла до начальника штаба, тот очень рассердился и сказал, что «... и так Кронштадт возбужден, а поступками, подобными настоящему, раздражение против ценза и начальства вызывается искусственно»²⁶.

В итоге дело закончилось тем, что Фелькерзаму пообещали исправить недоразумение и в ближайшее время внести его в списки, однако обещание не сдержали, и он очутился в лейтенантах, тогда как другие офицеры, младше него, уже были произведены в капитаны 2-го ранга²⁷. На наш взгляд, Фелькерзама просто не очень хотели продвигать по карьерной лестнице, а нововведенная система давала простор для подобных махинаций. Чтобы быть более объективными, приведем еще один подобный пример, только уже основываясь не на материалах личного характера, а на материалах делопроизводства Морского ведомства.

В 1889 году Главный командир портов Черного и Каспийского морей направил запрос в Главный Морской Штаб о том, на каком основании мичмана Шейх-Ашри не включают в списки выполнивших ценз для получения чина лейтенанта. На этот запрос пришел ответ, что время, проведенное вышеназванным офицером на шхуне «Ингул», которая по информации штаба являлась лоцмейстерским судном III ранга, должно считаться не как 22 цензовых дня, а только как 11, так как время, проведенное на судах данного типа, считается в два дня за один. В результате этих подсчетов выяснилось, что до полного ценза мичману Шейх-Ашри не хватает 8 цензовых дней, поэтому в следующий чин он произведен быть не может²⁸.

Главный командир портов Черного и Каспийского морей так дело не оставил и опротестовал результаты подсчетов ГМШ, заявив, «что шхуна "Ингул" вовсе не лоцмейстерское судно и только в редких случаях исполняет лоцмейстерские функции, когда отсутствует специально для этого назначенная шхуна, поэтому плавание на "Ингуле" исчислялось и исчисляется полным числом дней»²⁹. В результате ценз мичмана Шейха-Ашри был пересчитан, и он был включен в список лиц, выполнивших ценз для производства в лейтенанты³⁰. Таким образом, мы видим, что,

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ РГАВМФ. Ф.417. Оп.4. Д.216. Л.376. Сведения о времени нахождения офицеров в плавании для зачета в морской ценз. 1884–1893.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л.378.

находясь в одинаковых условиях ошибочного расчета, сделанного Главным Штабом, офицер, не имевший поддержки начальства, не смог доказать своего права на производство в следующий чин, другой же офицер без проблем был продвинут по службе. Уже на закате «цензовой эпохи» автор одной из статей, посвященной морскому цензу, иронически называл этот процесс «ворожкой бабушек»³¹. «Ворожба бабушек, – писал он, – сказала, несмотря на строгость и автоматичность законов: одним давали выполнить ценз скорее и поприятнее, лица же, лишённые "бабушек", тянули ляжку потруднее»³².

Тезис о важности для некоторых офицеров места службы отлично иллюстрируется следующим примером. В 1895 году Главный командир Черноморского флота, аргументируя обоснованность производства нескольких офицеров в контр-адмиралы, приводит следующий любопытный довод: «... производством их отстраняется весьма важное неудобство – необходимость назначения в Черное море адмиралов Балтийского флота, которые с неохотой принимают это назначение, так как там они отрываются от семьи, а здесь попадают в совершенно непривычные им климатические условия, которые, как показал опыт, представляют настолько разную перемену, что здоровье многих из них не переносит этой разницы в климате»³³.

ЗАКОН ЧТО ДЫШЛО...

В Законе о морском цензе, на наш взгляд, существовало множество слабых мест, примечаний и оговорок, которые можно было трактовать «по обстоятельствам».

В 1886 году, в соответствии с Законом о морском цензе³⁴, ГМШ направляет в Адмиралтейств-Совет представление об исчислении ценза контр-адмирала Петрова. В этом документе предлагаются плавания, проведенные контр-адмиралом Петровым на речных пароходах, а также на

³¹ РГАВМФ. Ф.466. Оп.1. Д.58. Л.5. Статья неизвестного автора «Заметки о морских делах».

³² Там же. Л.6.

³³ РГАВМФ. Ф.417. Оп.4. Д.494. Л.405. Рапорт Главного командира черноморского флота.

³⁴ Согласно статье, в которой говорится, что все недоразумения в исчислении ценза должен решать Адмиралтейств-Совет (Положение о морском цензе для офицеров флота. Ст.15. Л.6).

гребных судах, и экспедиции на собаках засчитать полным числом дней, на основании того, что цель этих «плаваний» – промер и опись новых территорий. Адмиралтейств-Совет соглашается с доводами ГМШ и утверждает это представление³⁵. Формально все законно, так как, согласно статье 12 «Положения», плавание на судах в целях описи или промера засчитывается полным числом дней³⁶. Однако нам кажется, что время, проведенное в экспедиции на собаках, не прибавляет морской опытности офицеру, участвующему в ней. Таким же образом при желании, посредством статьи 12, можно было аргументировать любое другое времяпрепровождение офицера, будь то езда на тройке с бубенцами или путешествие на оленях, лишь указав, что оно совершалось с целью описи или промера.

Мы бы не стали заострять свое внимание на подобных эпизодах, однако отступления от «идеи ценза» в рамках «Положения о цензе» были не единичными. Цензовые дни стали разменным товаром и часто становились не индикатором времени, реально проведенного офицером в море, а «знаком отличия»: их можно было «приплюсовать» за определенные заслуги на совершенно законных основаниях, что являлось автоматически сигналом к повышению по службе, или не дописать, что, в свою очередь, могло привести офицера к отставке.

Способов для вольного толкования «Положения» было множество. Например, суда флота специальным решением Морского ведомства временно переводились из одного ранга в другой исключительно в связи с «необходимостью возможно большего поощрения офицеров и команд этих судов в условиях предстоящего трудного плавания»³⁷. Служба на брандвахтах³⁸ и пароходах, которая давала мало дней для ценза, временно могла приравниваться к службе на военных судах в заграничных

³⁵ РГАВМФ. Ф.417. Оп.4. Д.67. Л.1–2. Об изменении и дополнении отдельных статей положения о морском цензе. 1886 г.

³⁶ Положение о морском цензе для офицеров флота. Л.4. Ст.12.

³⁷ РГАВМФ. Ф.410. Оп.3. Д.222. Л.102, 135. Журнал Адмиралтейств-Совета. 1893 г.

³⁸ Брандвахта (от голл. *brandwacht* – сторожевой корабль): 1) судно, поставленное при входе на рейд, в гавань или канал и предназначенное для выполнения сторожевых обязанностей, регулирования и учета движения судов и других плавающих объектов, наблюдения за выполнением ими таможенных, карантинных, рейдовых и других правил; 2) пост на берегу или на судне для наблюдения за пожарной безопасностью в районе порта; 3) несамоходное судно, служащее жильем для личного состава изыскательских партий, портовых рабочих, обслуживающих земснаряды, водолазные станции и др.

походах и засчитываться полным числом дней в связи с «трудностью и особыми условиями службы»³⁹. Например, всем офицерам, участвующим в переходе четырех землечерпательных машин из Кронштадта в Либаву осенью 1892 года, по решению Адмиралтейств-Совета ценз был засчитан день в день, в связи с трудностью выполненного перехода, в то время как обычная служба на данном виде судов засчитывается как 1 к 6⁴⁰.

Становится очевидным, что реальные и вымышленные трудности легко уравнивались пером чиновника. Переход на землечерпалках, в принципе не приспособленных к дальним плаваниям, по штормовой осенней Балтике действительно мог быть проверкой на флотское мастерство. Это не прогулка летом по Средиземному или Черному морю, хоть бы и на крейсере 1-го ранга! Но проблема в том и заключалась, что все эти поправки и служили инструментом «подгонки под нужный ответ».

На практике цензовые дни, которые должны были стать мерилom морской опытности, далеко не всегда приобретались в море. Так, время, которое провел капитан 2 ранга Егорьев на берегах Японии (1877–1878), охраняя имущество разбившейся шхуны «Алеут», было зачтено ему в ценз плавания⁴¹. В 1884 году лейтенант А.С.Шамов (будущий участник Цусимского боя) был командирован для охраны Тюленьего острова⁴² от браконьеров. Время, проведенное им на острове, также было засчитано в морской ценз⁴³. А лейтенантам Андрееву 5-ому и Володковскому время в экспедиции на Новой земле на основании мнения Адмиралтейств-Совета было решено засчитать полным числом дней, «как при гидрографических работах на судах флота»⁴⁴.

Нисколько не умаляя трудов вышеозначенных офицеров и трудностей их службы и полностью понимая, что описанные выше случаи являются особенными уже в свете того, что они были рассмотрены на заседании Адмиралтейств-Совета, позволю себе отметить: согласно Закону о морском цензе, ценз приобретается только плаваниями на

³⁹ РГАВМФ. Ф.410. Оп.3. Д.315. Л.73. Журнал Адмиралтейств-Совета. 1896 г.

⁴⁰ Там же. Д.222. Л.90. Журнал Адмиралтейств-Совета. 1893 г.

⁴¹ Там же. Л.80–81. Журнал Адмиралтейств-Совета. 1893 г.

⁴² Тюлений остров – остров в юго-западной части Охотского моря, в 12 км к юго-западу от мыса Терпения (южной оконечности полуострова Терпения, остров Сахалин).

⁴³ РГАВМФ. Ф.417. Оп.4. Д.86. Л.12. О разъяснении законоположений... 1886–1887 гг.

⁴⁴ РГАВМФ. Ф.410. Оп.3. Д.2. Л.127 об. Журнал Адмиралтейств-Совета. 1886 г.

судах и никак более⁴⁵. Практика генерирования «особенных» случаев говорит, с одной стороны, о мнимой объективности «ценза», а с другой, – об ошибках в разработке закона. Очень метко описал эту ситуацию в своем дневнике вице-адмирал К.В.Стеценко: «Никакие звания и служебные отличия меня не тянут, т.к. их не приходится добиваться трудом или брать знанием, а они вполне зависят от того, кто в настоящее время сидит на министерском месте»⁴⁶.

Нередко отдельные положения из Закона о морском цензе являлись благодатной почвой для различных махинаций. Так, статья 13 гласит: «Ценз плавания исчисляется для каждого офицера отдельно, со дня вступления его на судно, начавшее кампанию, до дня списания с оногo включительно»⁴⁷. Таким образом, если офицер не находится на судне по каким-либо причинам, но с этого судна не списан, считается, что ценз ему начисляется. В 1887 году мичман Братцев направляет рапорт командиру 3-го флотского экипажа, в котором он выражает недовольство тем, что время, которое он пробыл в отпуске по болезни, ему не было засчитано в ценз, приводя тот аргумент, что с судна на время отпуска он списан не был⁴⁸.

Временами сюжеты, связанные с расчетом ценза, носили откровенно комический характер. В 1892 году командир миноносца «Кодор» выразил недовольство тем, что в его послужной список, составленный в ГМШ, не было внесено одно из совершенных им плаваний. По этому вопросу он писал всевозможные бумаги командиру экипажа, посылал запросы в архивы портов. В результате проверки вахтенных журналов оказалось, что недовольный офицер в погоне за цензовыми днями хотел прибавить к своему цензу время нахождения на судне в качестве пассажира!⁴⁹

Изучив даже небольшое количество документов об офицерах, служивших в период действия Закона о цензе, и некоторые практики применения этого закона, можно сделать вывод о том, что понятие «ценза» как величины, определяющей морскую опытность и профессиональную пригодность морского офицера, не оправдало себя. О том, насколько морской ценз соответствовал морской опытности, пишет в своем рапорте главному командиру Кронштадского порта вице-адмиралу Шварцу

⁴⁵ Положение о морском цензе для офицеров флота. Л.4. Ст.11–12.

⁴⁶ РГАВМФ. Ф.24. Оп.1. Д.133. Л.75. Дневник К.В.Стеценко. 1885 г.

⁴⁷ Положение о морском цензе для офицеров флота. Л.5. Ст.13.

⁴⁸ РГАВМФ. Ф.417. Оп.4. Д.216. Л.259. Сведения о времени нахождения... 1884–1893.

⁴⁹ Там же. Л.245–247.

мичман 2-го флотского экипажа Римский-Корсаков 4-й: «В 1881 году тотчас после производства в гардемарины я был назначен в заграничное плавание на корабль "Петр Великий", как выпущенный из Морского училища одним из первых. Благодаря этому, имеемый мною ценз, исчисленный по положению пункта 3 ст.2. временных правил, высочайше утвержденных 25 февраля сего года, Положения о морском цензе, оказался 55 месяцев. Тем не менее такое большое число месяцев плавания показывает, что я вполне удовлетворил требованиям ценза для мичманского чина, и считается, что я получил вполне достаточное практическое образование, чтобы исполнять обязанности, возлагаемые на следующий лейтенантский чин и требующие в большей части случаев значительной доли ответственности. На самом деле плавание на корабле "Петр Великий" при его исключительности и многочисленности офицеров давало очень мало средств молодому офицеру приобрести наинедоступнейшие для каждого моряка практические сведения, особенно если принять во внимание, что в продолжение 16-ти месячной кампании набралось едва 75 ходовых дней, считая в этом числе переходы по несколько дней. Если ко всему этому прибавить мое последнее и единственное внутреннее плавание в офицерских чинах на канонерской лодке "Буря" в 1883 году в охране Петергофского рейда, то окажется, что, выполнив уже свой мичманский ценз я, в сущности, нисколько не подготовлен, чтобы удовлетворительно нести обязанности, присущие лейтенанту. Желая продолжить службу во флоте и после льготного времени, причем мой ценз намного уменьшится, я осмеливаюсь просить ваше превосходительство по ходатайствовать мне заграничное плавание на рангоутных судах, дабы этим самым иметь возможность пополнить значительный пробел моего специального образования и приобрести морские познания, которые восполнили мои товарищи, выпущенные из училища гораздо ниже меня по списку»⁵⁰.

На наш взгляд, представленный документ полностью подтверждает мысли по поводу невозможности применения средних показателей в оценке службы офицеров, таких как «цензовый день», которые встречались как на этапе критики Закона о цензе, так и в критических статьях о цензе в периодической печати. Ситуация, которую описал в своем рапорте Римский-Корсаков 4-й, отражает общие тенденции, существовавшие в

⁵⁰ РГАВМФ. Ф.417. Оп.4. Д.18. Л.21–22. Рапорт мичмана 2-го флотского экипажа Римского-Корсакова 4-го Главному командиру Кронштадтского порта вице-адмиралу Шварцу.

русском военно-морском флоте в конце XIX – начале XX века. Дело в том, что паровые суда находились в плавании очень мало времени. Происходило это от экономии угля и ресурса механизмов, очень дорогих в эксплуатации. Получался парадокс: офицер, служивший на броненосце или на крейсере, приобретал на самом деле меньшую опытность, чем тот, который вертелся целыми днями на портовом буксире! В связи с этим можно поставить вопрос о соответствии положений, легших в основу Закона о цензе 1885 года, реальному состоянию русского флота.

Вряд ли существует такой порядок службы, который удовлетворял бы всех. В любой организации есть люди, для которых «титульные» задачи их организации в целом совпадают с их собственными жизненными стратегиями. В нашем случае это офицеры флота, небезразличные к карьере, к наградам, к материальным благам, но служащие при всем при том не за страх, а за совесть. Для них понятие честь связывается с профессионализмом, с правом считаться моряком не только на основании прерогативы носить черную шинель. Других интересует лишь карьера. Если в организации лидирующие позиции занимают представители первой группы (или сохраняется разумный баланс между первыми и вторыми), то такая организация проявляет особую жизнеспособность, она может успешно решать поставленные перед ней задачи, опираясь не только на нормативные акты, но и на неформальные механизмы внутреннего регулирования. Если же процент «карьеристов» оказывается недопустимо высок, то организация превращается в структуру, их обслуживающую, а ее титульная функция все в большей степени превращаются в фикцию. Закон о морском цензе был нацелен на то, чтобы во флоте появилось как можно больше «настоящих» моряков, но вместо того способствовал значительному увеличению «карьеристов» среди офицеров, что не преминуло сказаться на боевой готовности флота. По меткому выражению одного из современников, морская служба, вследствие введения морского ценза, превратилась для моряков «в какую-то слепую скачку к адмиральскому флагу»⁵¹, а «суда флота, сделавшись орудием для цензования, превратились в какие-то станции для кратковременного пребывания расчетливых цензаторов»⁵². О каком успешном развитии морских сил можно говорить, когда фактически флот существовал для службы, а не служба для флота...

⁵¹ Суворин А.С. Наш морской ценз // Новое время. 1893. №6368. 19 ноября. С.2.

⁵² То же // Новое время. 1893. №6370. 21 ноября. С.3.

В результате действия Закона о цензе в корне изменилась система комплектования судов офицерами. Ранее командиры имели возможность подбирать себе состав офицеров и в полной мере пользовались этим правом. Существовала строгая система отбора кандидатов на различные судовые должности. Каждого офицера командиры знали лично. В этих условиях лучшим командирам и адмиралам удавалось создавать целые «школы», такие как «школы» М.П.Лазарева, Г.И.Бутакова, А.А.Попова, которые были в авангарде развития флота. После введения ценза «исключительное право на распределение офицеров в плавание перешло к чиновникам, которым было решительно все равно, кто будет плавать на том или другом судне; им было важно лишь одно, чтобы назначенные в плавание высшей властью суда могли в это плавание пойти, а для этого на них должно было [быть] назначено определенное число офицеров, совершенно не соображаясь с их качеством, служебной опытностью и т.д.»⁵³. Это привело к тому, что состав офицеров на судах оказывался случайным. Перемещения офицеров с судна на судно не имели никакого практического значения и производились только с целью достижения внешней видимости укомплектования кораблей⁵⁴. Были случаи, когда на корабле в течение 4–6 месяцев плавания состав офицеров менялся полностью, в результате чего «такой корабль представлял собой что угодно – гостиницу, постоянный двор, место получения жалованья, но только не военное судно»⁵⁵. Пример таких беспорядочных перемещений приводит Р.М.Мельников, рассказывая об истории крейсера «Дмитрий Донской»: «20 декабря отдали якорь в Нагасаки, а 27 января 1893 г. корабль был уже на пути из Сингапура в Коломбо. Здесь получили телеграфное предписание ГМШ придти в Порт-Саид 1 марта, где командира, капитана 1 ранга Гессена, сменил капитан 1 ранга Н.А.Зеленой. Установленные И.А.Шестаковым правила о морском цензе продолжали действовать неумолимо: командирская должность уже была нужна следующему претенденту на продвижение по службе»⁵⁶. Офицерам «было уже совершенно все равно, где выплавать свой ценз – на боевом ли судне или на яхте, в учебном отряде или на транспорте, – было бы лишь нужное количество месяцев, а как они проплаваны, что

⁵³ Вердеревский Д.Н. *Причины упадка личного состава нашего флота и пути к его возрождению*. СПб., 1907. С.60.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С.61–62.

⁵⁶ Мельников Р.М. *Крейсер 1 ранга «Дмитрий Донской»*. СПб., 1995. С.26–27.

делал офицер за это время, какие он знания приобрел и насколько продвинулся на пути изучения боевого дела, это никого не касалось – начальство в рассмотрение этих вопросов не входило: ценз выплаван, очередь подошла, офицер из кармана не крадет, значит, производство обеспечено»⁵⁷.

Совершенно очевидно, что частые перемещения офицеров с судна на судно, предусмотренные Законом о морском цензе с целью дать возможность каждому моряку «выслужить ценз», не были полезны ни офицерам, ни судам, на которых им приходилось служить. Офицер в ходе своей кратковременной службы на судне не успевал не только создать из подчиненных ему моряков сплоченную команду, но даже не имел возможности в достаточной мере ознакомиться с возможностями вверенного ему судна.

В одной из заметок корреспондент газеты «Новое время» справедливо отмечал: «...нужно несколько плаваний, чтобы вполне освоиться с судном, узнать его устойчивость против ветра, быстроту на поворотах, быстроту его полного хода, сопротивление удару волны и т.д. На каждом судне все это разное, на каждом судне все это надо начинать с азбуки, а есть ли на это время?»⁵⁸

Эта же идея присутствует в некоторых документах делопроизводства Морского министерства. Так, например, Начальник Владивостокского порта в своем рапорте Начальнику ГМШ указывает на то, что он затрудняется в выборе командиров на пароход-ледокол «Надежный» и транспорт «Камчадал». По его мнению, командование этими судами, кроме знаний, требует еще значительной опытности, выносливости и верности глаза, в то время как те офицеры, которых присылают согласно Закону о цензе, могут лишь занимать вакансии, при невозможности назначить их на ответственные должности⁵⁹. В одном из следующих рапортов на эту же тему начальник Владивостокского порта отмечает, что «командование пароходом-ледоколом "Надежный" требует большой опытности, которая может быть приобретена только продолжительным командованием означенным ледоколом, а при условиях морского ценза флотские офицеры командуют судами III ранга недостаточно долго, [так что] является желательным назначение на ледокол "Надежный" коман-

⁵⁷ Вердеревский Д.Н. Указ. соч. С.55.

⁵⁸ Снегсарев Н. К крушению русалки // Новое время. 1893. №6365. 16 ноября. С.1–2.

⁵⁹ РГАВМФ. Ф.417. Оп.4. Д.469. Л.421. Рапорт командира Владивостокского порта начальнику Главного штаба от 12 ноября 1899 г.

дирами таких офицеров, которые могли бы командовать ледоколом в течение нескольких лет, как, например, старые офицеры корпуса флотских штурманов, не имеющие в будущем расчета на повышение в должности и потому могущие отдаться всецело своему делу»⁶⁰. Этот случай – более чем наглядный пример того, как искусственно выработанные критерии оказывают пагубное влияние на процессы, которые с их помощью пытаются регулировать.

Разумеется, в один миг весь морской офицерский корпус не пришел в такое состояние, что среди офицеров не находилось кандидатуры для квалифицированного командования портовым ледоколом. Несомненно, образованные и квалифицированные офицеры были, но закон ставил их перед выбором: или карьера, или опыт. Портовые и речные суда флота были причислены к III и IV рангу судов, служба на которых с точки зрения «ценза» была для офицеров крайне невыгодна, поэтому они предпочитали там долго не задерживаться.

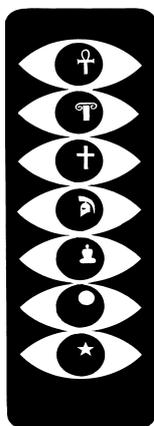
О недостатках комплектования судов офицерами флота, проявившихся в ходе применения на практике Закона о морском цензе, в своей докладной записке пишет и начальник Гидрографической экспедиции восточного океана М.Ф.Жданко. Он справедливо замечает, что «успех гидрографических работ, поручаемых гидрографическим экспедициям и отдельным съемкам, бесспорно, зависит, и в весьма высокой степени, от выбора лиц на должности командиров описных судов»⁶¹. Однако «весьма часто случается, что командирами таких судов назначаются лица, не только не знакомые хотя бы с существеннейшими требованиями, необходимыми для правильного хода гидрографических работ, но и относящимися к ним вполне индифферентно, если не враждебно»⁶².

Приведенные примеры свидетельствуют, что Морское министерство испытывало большие трудности, пытаясь втиснуть в рамки строго формальных требований многочисленные особенности морской службы. Применение Закона о морском цензе показало: бюрократическая унификация и формализация мешает «оживлению» деятельности, направленной на удовлетворение потребностей государства и общества.

⁶⁰ Там же. Л.426. *Рапорт Командира Владивостокского порта Начальнику Главного штаба от 31 декабря 1899 г.*

⁶¹ РГАВМФ. Ф.417. Оп.4. Д.646. Л.195. *Докладная записка начальника гидрографической экспедиции восточного океана Жданко М.Ф. 30 марта 1899 г.*

⁶² Там же.

Михаил Горинов

**ЕВГЕНИЙ
ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ:
БОЛЬШЕВИК
ИЗ ПОПОВИЧЕЙ¹**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
929

The author deals with views of E.A.Preobrazhensky, one of the Bolsheviks' leaders, on the genesis of the Soviet bureaucratic ways and styles, red-tape, and measures needed for the overcoming of the red-tape, and on reasons of the Soviet power's bureaucratic degeneration. The author notes that, according to Preobrazhensky's conception, the bureaucracy dominance was a regular result of the state (non-commodity) Socialism, the effect of the centralized economy and not a result of cultural and historical backwardness of Russia as, for instance, V.I.Lenin supposed. According to Preobrazhensky, the basic character of the red-tape required unprecedented efforts the Russian Communist Party had to employ in order to neutralize this phenomenon. Preobrazhensky called for the following measures: membership in the Party had to bring no economic advantages, penalties for misdeeds committed by the Party members should be more though than penalties for similar misdeeds committed by other citizens etc.

Ключевые слова: советский бюрократизм; формы диктатуры пролетариата; борьба с бюрократизмом.

Key words: the Soviet red-tape; forms of the proletarian dictatorship; struggle against red-tape.

E-mail: cniipaf@mail.ru

¹ Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2011. №5. С.88.

«ПРОКЛЯТЫЙ» ВОПРОС

В настоящей работе мы остановимся на очень значимом, на наш взгляд, вкладе Преображенского в марксистскую социологию: его анализе бюрократизма как родовой особенности государственного (бестоварного) социализма. Концепция Преображенского была ответом на «проклятый» вопрос, который встал перед большевиками после прихода к власти.

Напомним важнейший аспект большевистских, а скорее ортодоксальных марксистских, дооктябрьских представлений на тип организации коммунистического (включая социализм как его первую фазу и переходный период диктатуры пролетариата) общества. Согласно марксистской ортодоксии, коммунизм есть ассоциация свободных граждан, «в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». На стадии диктатуры пролетариата свободами обладают не все граждане, а только рабочие, свергнутые эксплуататорские классы их лишены².

И Марксом, и Лениным посткапитализм виделся как общество рабочего самоуправления, самостоятельности трудящихся. Правда, Ленин в некотором противоречии с идеями «Государства и революции» в более ранних своих работах («Что делать?» и др.), а также в реальной политической практике разрабатывал и зачастую осуществлял далеко не самоуправленческую, а «элитарную» концепцию перехода к социализму. Согласно последней, рабочий класс самостоятельно способен дорасти лишь до тред-юнионистского сознания – необходимости борьбы за свои непосредственные экономические интересы в рамках капитализма.

Идеи же свержения капитализма, замены его коммунизмом способна выработать только революционная интеллигенция, организованная в коммунистическую партию (в состав которой входят и передовые рабочие), которая должна «внести» эти «крамольные» идеи в рабочее движение. Правда, данная концепция допускала двоякую интерпретацию. Первая: революционная партия единожды оплодотворяет социалистическим сознанием пролетарские массы, после чего последние сами (по крайней мере, преимущественно сами) творят коммунизм. Интерпретация вторая: «оплодотворение» является перманентным – рабочему дви-

² Маркс К., Энгельс Ф. *Коммунистический манифест*; Ленин В.И. *Государство и революция*.

жению необходим «вечный двигатель» в виде руководящей компартии, что явно противоречит марксистской ортодоксии о коммунизме как самоуправленческом обществе.

И вот оказалось, что не прошло и полугода после Октябрьской революции, как от рабочего самоуправления не осталось и следа, а буквально все государственные и социальные структуры «нового общества» (советы, профсоюзы, хозяйственные органы, партия...) были поражены проказой бюрократизма. Почему это произошло? И, главное, что делать?

На этот-то вопрос, как и на многие другие, и попытался ответить Евгений Алексеевич Преображенский. На наш взгляд, его ответ оказался весьма убедительным.

ФОРМЫ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

В преддверии VIII съезда РКП(б)³ Евгений Алексеевич инициирует на страницах «Правды» внутривнутрипартийную дискуссию⁴. Ее цель – поставить и обсудить наиболее острые

политические проблемы.

В контексте нашей статьи рассмотрим две из них.

• **Советская работа.** По его мнению, вопрос имел две стороны: о формах пролетарской диктатуры, наиболее целесообразных для данного момента, и о язвах советской организации и мерах борьбы с ними.

• **Кризис в партии.** Преображенский предлагал осуществить «коренную чистку партии» от лжекоммунистов. Определить «причины отмирания партийной жизни, бывшей ключом в былое время», и способы «использования живого партийного опыта по мере его накапливания, а не раз в год на очередном съезде». Провести «реформу в организации Ц.К. партии»⁵.

В соответствии с заявленной «повесткой дня» Преображенский публикует на страницах «Еженедельника "Правды"»⁶ серию статей. Центральное место среди них занимает работа «О формах пролетарской диктатуры»⁷. В ней Преображенский выделяет три этапа (формы) развития диктатуры пролетариата:

³ Прошел 18–23 марта 1919 г.

⁴ Преображенский Е. *Надо готовиться к съезду* // *Правда*. 1919. 1 февраля.

⁵ Эти идеи были развиты Преображенским год спустя.

⁶ Издавался в 1919 г. как воскресное приложение к центральному партийному органу.

⁷ Преображенский Е. *О формах пролетарской диктатуры* // *Еженедельник «Правды»*.

полновластные советы;
централизованная форма пролетарской диктатуры;
государство-коммуна.

По его мнению, они различаются по своим задачам, а также международным, внутривластным и экономическим условиям существования.

Первая форма пролетарской диктатуры – «полновластные Советы». Она существовала со времени возникновения Советов до первых месяцев 1918 г.⁸ В этот период Советы «обладали полнотой власти по всем почти вопросам, и местным и общегосударственным», а «массы на местах могли диктовать свою волю Советам»⁹. Решения Советов считались законом, «которому все беспрекословно повиновались без всякого внешнего принуждения, всеми вопросами, обсуждавшимися в Советах, массы глубоко интересовались, и заседания Совета посещались тысячами толпами... Все вопросы решались быстро, не было никакой канцелярщины и бюрократизма, и массы как бы были зачарованы новой формой власти, в которой не чувствовалось власти как органа принуждения. На защиту Советов все в любой момент готовы были подняться как один человек, потому что защищать их – значило защищать самих себя».

По мнению Преображенского, полновластие Советов оказалось возможным, в первую очередь, потому, что они были заняты решением относительно простых – разрушительных «в отношении к пережиткам буржуазно-дворянского строя» – задач. «Советы этого периода были органами организованного разложения институтов самодержавно-дворянского, а затем и буржуазного строя. Они умеряли пыл низов, вносили известную стройность в стихийный процесс...». «Работа разрушения – веселая, легкая работа, между словом и делом, в такие периоды дистанция не особенно большого размера».

Кроме того, сложились крайне благоприятные для рабочего класса международные, экономические и внутривластные условия.

Практически отсутствовала внешняя угроза¹⁰.

Во-вторых, рабочий класс мог воспользоваться доставшимися ему в наследство от старого мира ресурсами. А «работа перераспределения в интересах трудящихся – легкая и веселая работа для трудящихся. [...]

1919. 2 марта.

⁸ Там же.

⁹ Там же. 9 февраля.

¹⁰ С 25 октября 1917 года до немецкого наступления февраля 1918 года.

Потребовалось рабочим увеличение заработной платы – эта мера проводилась потому, что, в конце концов, было еще пока из чего взять. Потребовался крестьянам казенный лес – его рубили с согласия Совета, без размышлений об интересах государства. Надо было задержать продовольственный поезд в Петроград где-либо по дороге, потому что в данном месте хлеба мало, – это делали, отмахиваясь от последствий. Одним словом, вся власть Советам на местах и только».

В-третьих, политические противники диктатуры пролетариата внутри страны оказались на какое-то время почти полностью деморализованными и дезорганизованными¹¹. Характеристику первого этапа Преображенский заканчивает элегически: «Счастливая, невозвратная пора детства, – писал Толстой. Детство Советов – счастливая пора, но для нас самое важное теперь, что это не в о з в р а т н а я пора»¹².

Второй этап диктатуры пролетариата в России, по Преображенскому, – «централизованная форма пролетарской диктатуры». Ее основные черты – «усиление централизации и... ограничение самостоятельности советской демократии»¹³, а главная задача – «с невероятным напряжением духовных и физических сил народа строить регулярную армию гражданской войны»¹⁴.

Эта форма пролетарской диктатуры сложилась в результате резкого ухудшения международных, внутривнутриполитических и экономических условий существования Советской России. Не произошло ожидавшегося краха капиталистических отношений в передовых странах. Внутренняя контрреволюция оправилась от шока. «В области экономической приходится производить и создавать запасы при чрезвычайно тягостных условиях вместо того, чтоб распределять уже произведенное»¹⁵.

Ограничение полномочия Советов было также связано с тем, что диктатуру пролетариата приходилось осуществлять в крестьянской стране: «Для иллюстрации приведу живой пример, – пишет Преображенский. – На Урале есть один уезд, в котором пролетарскую диктатуру пришлось вводить путем насилия меньшинства пришлых рабочих и меньшинства местной бедноты над большинством кулацкого и идущего за кулаками среднего крестьянства. В довершение беды пришлые

¹¹ *Еженедельник «Правды». 9 февраля.*

¹² *Там же.*

¹³ *Еженедельник «Правды». 16 марта.*

¹⁴ *Там же. 2 марта.*

¹⁵ *Там же. 16 марта.*

"диктаторы" из рабочих сами разложились в результате безответственности и удаленности от крупных партийных центров, которые их посылали. Чем помочь здесь беде? "Развернутой формой рабоче-крестьянской диктатуры"? Это значило бы создать "развернутые формы" для кулацкой контрреволюции. Усилением партийного контроля, усилением диктатуры над диктаторами? Это единственно возможное средство, но оно означает концентрацию, а не ослабление диктатуры. Уничтожить резкие формы диктатуры, подчас единоличной или узкогрупповой, со всеми ее опасностями, с проявлением извращения и гниения советского организма в данном месте и в других аналогичных условиях по всей России, можно лишь после окончательной победы нашей в гражданской войне»¹⁶.

Но, кроме временных, существовала еще одна, фундаментальная, причина усиления в советском обществе централизации и связанного с ней бюрократизма. По мнению Преображенского, она порождалась экономической природой советского общества: была следствием того, что «социализм есть централизованное общественное хозяйство»¹⁷.

Иными словами, Преображенский высказывает пророческую мысль о централизме и порождаемом им бюрократизме как родовой черте социализма (по крайней мере, той его формы, в которой представляли первую фазу коммунизма тогдашние ортодоксальные марксисты – государственного бестоварного социализма). Это объективный фактор, коренящийся в самой сути экономической организации нового общества.

О третьей форме диктатуры пролетариата – «государстве-коммуне», «развернутой форме рабоче-крестьянской демократии», «рассчитанной на отмирание государственных учреждений вообще», Преображенский пишет совсем немного, как о перспективе, к которой «теперь же необходимо готовиться»¹⁸.

Изучение трех этапов (форм) диктатуры пролетариата в России не было для Преображенского самоцелью. Это прелюдия для анализа главной проблемы – «какие стороны диктатуры второго периода являются более или менее случайными, уродливо лишними и преодолимыми и какие связаны с самим существом этого периода и с самим существованием советской власти в данных условиях вообще»¹⁹.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. 2 февраля.

¹⁸ Там же. 16 марта.

¹⁹ Там же. 2 марта.

ИЗЪЯНЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ Статьи Преображенского²⁰ этого периода – острый памфлет, оставивший для истории нелицеприятный портрет «Советской» власти в России на втором году ее существования. Ана-

лизируя современную ему «централизованную форму пролетарской диктатуры», Преображенский выделяет целый ряд «уродливостей и извращений» советского организма, а именно:

- тенденцию «заменить самодеятельность масс бюрократическим попечением там, где это попечение излишне, где оно вредно, где массы лучше справляются с теми или иными задачами через свои регулярно переизбираемые органы»;

- политику «игнорирования пленумов Советов, уклонения от регулярного их созыва»;

- полную бесконтрольность «избранников от масс»; превращение «революционеров в совершенно оторванных от масс и психологически отчуждившихся от них чинушей»;

- исчезновение практики отчетов народных избранников перед массами;

- рождение «у нас привилегированной советской бюрократии, как **экономически** более обеспеченного слоя. Эту язву я считаю самой серьезной из всех», – говорит Преображенский. Он призывает «открыто и честно признать: советская бюрократия и советские работники, включая и коммунистов, имеют тенденцию превратиться в привилегированную касту, пользующуюся рядом преимуществ, недоступных рядовым рабочим». «...Эти привилегии в сравнении с рядовыми рабочими выражаются и в более высокой оплате труда, и в более выгодных квартирных условиях и продовольственных условиях, и в большей легкости использовать средства передвижения, а также добиться необходимого в различных советских учреждениях». «В нашей программе поэтому необходимо специально упомянуть о наметившемся у нас образовании социалистической привилегированной, редко сменяемой бюрократии и о необходимости решительной борьбы с этим злом».

Таким образом, Е.А.Преображенский фактически первым (задолго до Белла и Джилласа) указал на формирование в советском обществе «нового класса» – привилегированной касты бюрократии, которая явля-

²⁰ См.: Там же. 9 февраля; О формах пролетарской диктатуры. Недостатки Советской власти // Еженедельник «Правды». 1919. 16 марта.

лась порождением самого экономического базиса социализма как централизованного хозяйства.

Отметим, что голос Преображенского не был услышан. В.И. Ленин в то время сводил проблему бюрократизма исключительно к культурной отсталости России в целом и пролетариата в частности, а ее решение – к области воспитания рабочих. Выступая на VIII съезде РКП(б) по вопросу о бюрократизме, вождь большевиков отмечал: «Тут мы страдаем от того, что Россия была недостаточно развита капиталистически. Германия, по-видимому, переживает это легче, потому что у нее бюрократический аппарат прошел большую школу, где выжимают все соки, но где заставляют делать дело, а не просиживать кресла, как бывает в наших канцеляриях». И далее: «Здесь перед нами выступают прежде всего задачи организационные, культурные и воспитательные. Бороться с бюрократизмом до конца, до полной победы над ним можно лишь тогда, когда все население будет участвовать в управлении. В буржуазных республиках это было не только невозможно: этому мешал самый закон. [...] Мы сделали то, что этих помех у нас не осталось, но до сих пор мы не достигли того, чтобы трудящиеся массы могли участвовать в управлении, – кроме закона, есть еще культурный уровень, который никакому закону не подчинишь. Этот низкий культурный уровень делает то, что Советы, будучи по своей программе органами управления через трудящихся, на самом деле являются органами управления для трудящихся через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы. Здесь перед нами задача, которую нельзя решить иначе, как длительным воспитанием»²¹.

Соответственно и в принятой на восьмом съезде РКП(б) новой программе партии проблема бюрократизма формулировалась исключительно как организационно-культурно-воспитательная²².

Ряд делегатов VIII съезда не устраивало подобное объяснение корней бюрократизма. В частности, Н.Осинский (В.В.Оболенский) отмечал: «Есть другие, не менее важные причины. Надо считаться с общей обстановкой, в которой до сих пор происходит наше государственное строительство. Во-первых, оно происходит в обстановке острой гражданской войны, во-вторых, строительство нового государственного механизма должно было совершаться крайне быстро. То и другое требовало

²¹ *Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М.: Политиздат, 1959. С.61, 62.*

²² *Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1970. Т.2: 1917–1924. С.44–45.*

диктатуры военного образца. Наша диктатура приобрела военно-командный характер, приходилось сосредоточивать полномочия в руках небольшой коллегии, которая должна была быстро, без трений, обсуждать законопроекты и т.д. Мы должны были быстро построить новую государственную машину. Раз пролетариат взял в свои руки власть, ему надо было закрепить ее созданием прочного аппарата, прочной государственной машины. Ясно, что это можно было сделать только в том случае, если из центра давались быстрые директивы. В значительной мере этим объясняется то явление, что нам приходилось сосредоточивать в руках небольшой коллегии, иногда даже отдельных лиц, исполнительные и законодательные функции. Это должно было привести к укреплению... бюрократизма...»²³.

Как мы видим, и Н.Осинский, хотя и расширял проблему корней бюрократизма, все же сводил ее к конъюнктурным причинам: необходимости ускоренного создания нового аппарата власти, военной обстановке.

РЕЦЕПТ БОРЬБЫ С БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНЬЮ

Как же бороться с угрозой бюрократического вырождения советского общества? Преображенский видел три «лекарства»: контроль трудящихся масс, чистки партии (вплоть до расстрела властных преступников), ликвидацию зарождающейся системы привилегий, в первую очередь, внутри правящей коммунистической партии.

«Никаких привилегий! Вот лозунг, который необходимо осуществить, и осуществить **самой советской власти**. С этой стороны было бы весьма целесообразно издание специального декрета, который предоставлял бы любому гражданину трудового класса привлечь к народному суду, быть может, специально для этого образованному, выбранному суду, любого человека, стоящего у власти, который изобличен в создании для себя лично привилегированных условий существования благодаря своему ответственному посту»²⁴.

Следует отметить, что о народном контроле как одной из главных форм борьбы с «язвой бюрократства», о карательных мерах в отношении разложившихся партийно-советских «верхов» Преображенский

²³ *Восьмой съезд РКП(б). С.189.*

²⁴ *Еженедельник «Правды». 1919. 9 февраля.*

говорил и раньше. Еще 15 ноября 1918 г. (в это время Евгений Алексеевич возглавлял уральскую областную большевистскую организацию) он с горечью констатировал: «Партийная работа в [Пермской] губернии находится в плачевном состоянии... Еще хуже обстоит дело с советской работой, за которую наша партия, как партия правящая, несет ответственность перед трудящимися массами страны. Многие хорошие коммунисты, уйдя в советскую работу, превратились в плохих чиновников. Но случается нечто неизмеримо худшее. Многие плохие коммунисты или люди, примазавшиеся к партии ради выгод, которые дает власть, попали в советские учреждения по уездам и волостям и творят величайшие безобразия, используя аппарат власти для обделывания своих личных дел. Расхищение советского имущества, пьянство, издевательство и глумление над беззащитным населением – вот преступления, с которыми очень часто приходится встречаться при ревизии деятельности местных Советов»²⁵.

Главное средство оздоровления советов Преображенский видел в партийном контроле: «Только партийный контроль может спасти советскую власть от разложения и гниения там, где нет свободного контроля пролетариата, где советские работники висят в воздухе (так в тексте. – М.Г.) и не отчитываются перед массами. Контроль партии – это и есть контроль пролетариата в лице его передовой и организованной части»²⁶. Напомним, что сами большевики, вследствие логики политической борьбы, к лету 1918 г. лишили Советы «свободного контроля пролетариата».

Но и у правящей партии хватало проблем. Выступая на Пермской губернской конференции РКП (б), Е.А.Преображенский отмечал: «...Из центра на Урал было послано для организационно-агитационной работы 200 товарищей. Их надо было испытать и распределить соответственно способностям. Кроме них, пришлось распределять еще эвакуированных партийных работников, которых оказалось в общем до 600 человек»²⁷.

Особенно много возни было с эвакуированными. Они часто не являлись для регистрации и спокойно проживали советские деньги, выданные им авансом при эвакуации. Мы приняли строгие меры против таких

²⁵ Преображенский Е.А. К губернской конференции РКП // *Уральский рабочий*. 1918. 15 ноября.

²⁶ Там же.

²⁷ Речь идет о коммунистах с их семьями, которых Уральский областной совет эвакуировал в Пермь из Екатеринбурга после занятия города белыми войсками.

коммунистов, мы ввели контрольный аппарат, вошли в соглашение с Советом о том, чтобы ни один коммунист не мог уехать без разрешения обл[астного] ком[итета] партии из Перми. Таким образом, удалось взять на учет всех эвакуированных работников, распределив их по фронту и тылу. Значительную роль в розыске укрывавшихся по вагонам и пароходам коммунистов сыграла наша партийная столовка, заставив явиться в комитет тех из них, которые хотели в ней обедать»²⁸.

Но если работники местных советов «глумятся над беззащитным населением», а многие призванные контролировать их партийцы разбежались по углам и появились в партийном комитете только привлеченные партийной столовкой, то где же выход: как повысить эффективность «революционной власти»?

Лидеры уральских коммунистов применили два средства: попытались поставить местных большевиков под контроль беспартийных масс и прибегли к карательным мерам²⁹. Была создана особая следственная комиссия для расследования дел над коммунистами, совершающими злоупотребления, и выпущено «Воззвание ко всем рабочим и крестьянам Урала»³⁰.

Ко всем рабочим и крестьянам Урала

Волею рабочего класса и беднейшего крестьянства России партия коммунистов является правящей партией Советской республики. Все важнейшие места в советских органах заняты членами нашей партии. Поэтому на партию коммунистов ложится вся ответственность за деятельность и поведение ее членов, занимающих те или иные посты.

Между тем некоторые члены партии, занимающие иногда ответственные положения, уличаются последнее время в ряде неблагоприятных поступков, злоупотреблении властью и в особенности в пьянстве, которое особенно сильно распространено в уездах, где контроль партийных органов над своими членами наиболее слаб.

²⁸ Преображенский Е.А. Доклад на Пермской губернской конференции РКП // Уральский рабочий. 1918. 21 ноября.

²⁹ «Мы не остановимся даже перед расстрелами тех товарищей, которые своим поведением пятнают партию» (Там же).

³⁰ Опубликовано: Уральский рабочий. 1918. 23 октября.

Партия коммунистов не намерена прикрывать или замалчивать проступки своих порочных членов, но она не в силах уследить за деятельностью их всех. Уральский областной комитет РКП обращается поэтому ко всему трудовому населению Урала и дает ему под надзор и контроль всех коммунистов, несущих советские обязанности. Пусть о всех злоупотреблениях членов партии рабочие и крестьяне доводят до сведения областного комитета партии. Действительным виновникам не будет пощады. Они будут изгнаны из партии, отстранены со своих постов, если того заслужат, будут преданы революционному суду.

Настоящее объявление все без исключения партийные организации и ячейки коммунистов обязаны опубликовать и расклеить по всем населенным местам области.

*Уральский областной комитет коммунистов
(Пермь. Сибирская, 16)*

Абсурдность ситуации, когда беспартийные массы призываются контролировать работу политической партии, можно объяснить только одним. Ко второй половине 1918 г., в условиях безвластия Советов, большевистская партия огосударствовалась: превратилась из союза политических единомышленников в аппарат власти со всеми присущими государственному аппарату качествами: иерархичностью, единоначалием, бюрократизмом, оторванностью от народа и т.д. В этом случае призыв к усилению контроля за партией со стороны беспартийных масс был вполне резонным. Этот контроль являлся как бы перенесением части норм прямой советской демократии (слежение за работой избранных депутатов с правом их отзыва и др.) на реально сложившийся аппарат власти – большевистские ячейки. Но этот контроль вряд ли мог быть эффективным. Ведь на обширных территориях малонаселенного Урала, тем более в условиях транспортной разрухи, «до сведения областного комитета партии» известия о преступлениях на местах могли идти неделями. Даже если запуганные большевистскими репрессиями обыватели и осмеливались их посылать.

Но главный рецепт борьбы с изъянами советской власти Преображенский все же видел не в народном контроле, чистке и репрессиях. Евгений Алексеевич полагал, «что никакая чистка не окажется действительной, если не будет уничтожена главная причина, заставляющая всех проходимцев лгнуть к нам в партию, как досадливо упорно лгнут мухи к

меду. Надо уничтожить все экономические привилегии, связанные с пребыванием в нашей партии, более того, *надо сделать пребывание в партии даже несколько экономически невыгодным*. (Курсив мой. – М.Г.)»³¹.

Столь радикальный рецепт наш герой выдвигал не впервые³².

Более подробно Е.А.Преображенский обосновал свою позицию в статье «Господа-ташкентцы». Она заканчивалась следующими выводами: «Все привилегии в области оплаты труда должны быть уничтожены, и никаких отступлений от нашей программы не должно впредь допускаться.

Определение вознаграждения всех трудящихся республики, начиная с председателя Совнаркома и Высшего военного совета, кончая последним мальчиком-рассыльным, должны устанавливать профессиональные союзы и по одному общему принципу, провозглашенному Октябрьской революцией»³³.

Итак, в конечном счете, решающее средство (кроме апелляции к реально малопродуктивному контролю снизу) борьбы с нарастающей бюрократизацией «советского» общества, формированием того, что позже назовут «новым классом», Преображенский видел в аскетизме большевистской партии. В мотивации членов этой «когорты избранных» должна отсутствовать материальная заинтересованность. Более того, их принадлежность к «ордену» должна быть «экономически невыгодна».

Заметим, что последующее окостенение большевистской партии, полный запрет в ней права не только на обличающее слово, но и на свободу мнений, на наш взгляд, стало одним из важнейших, если не главным, фактором краха социализма в СССР.

ДРУГОЙ МИР ВОЗМОЖЕН!

Прецедент нестяжательства был в русской истории (Нил Сорский). Почему бы не попытаться наполнить его новым, коммунистическим, содержанием? Тем более, что Преображенский за свою в общем-то небольшую к 1919 г. жизнь неоднократно сталкивался с реальным существованием очагов «нестяжательского»,

³¹ Еженедельник «Правды». 1919. 16 марта.

³² См.: Преображенский Е.А. Никаких привилегий // Уральский рабочий. 1918. 27 октября.

³³ Преображенский Е.А. «Господа-ташкентцы» // Правда. 1918. 26 декабря.

самоуправленческого коммунистического мира, альтернативного пронизанному корыстью иерархическому буржуазному обществу.

Первый раз это произошло в декабре 1905 г. в Москве, во время ожесточенных боев на Красной Пресне, в которых Преображенский принимал самое непосредственное участие. На территории Пресни революционеры установили свою власть, очень похожую на Парижскую Коммуну. Здесь были сняты все полицейские посты. За поддержанием порядка следили избранный на основе прямой демократии районный Совет и штаб боевых дружин во главе с большевиком З.Я.Литвиным-Седовым. Рабочая власть заставила перепуганных булочников печь хлеб, а торговцев – торговать; были закрыты винные лавки, пивные и трактиры; за время революционной власти не было ни одного случая воровства. По словам очевидца, царило настроение «необычайной общности интересов и готовности помочь друг другу»³⁴.

Второй аналогичный «экзистенциальный» опыт – участие Преображенского в коммуне заключенных революционеров в Александровской пересыльной тюрьме в 1910 г.

Осенью 1909 г., после очередного суда, Е.А.Преображенский был направлен по этапу в Александровскую центральную пересыльную тюрьму, находившуюся в 70 верстах от Иркутска. Она являлась своего рода резервуаром, куда со всей России стекались ссыльные, направлявшиеся в Якутскую область и северные уезды Иркутской губернии. Сохранился целый ряд воспоминаний и исследований 1920-х – начала 30-х годов, посвященных этому центру сибирской «каторги и ссылки». Судя по ним, Е.А.Преображенский сыграл важную роль в истории Александровской пересылки: отстаивание прав заключенных перед тюремной администрацией, налаживание жизни узников на основе коммунистических принципов.

Борьба за создание очага коммунизма в Александровской тюрьме началась с отмежевания **всех** политических от уголовных. Дело в том, что «в Александровской пересылке было три разряда политических ссыльных: административно-политические, политические ссыльные по суду с лишением прав и отбывавшие сроки каторжных работ, были и уголовные, причем административные содержались отдельно от уголовных, на особом дворе, имели "права": носили свое платье, не были огра-

³⁴ 1905 год в Москве (Историко-революционный очерк. Ход событий и памятные места). М.: Московский рабочий, 1955. С.202–203; Горинев М.М., Пушкова Л.Л. История России XX века. М.: Росмэн, Просвещение, 2004. С.24–25.

ничены в расходовании денег и выбирали своего представителя для переговоров с администрацией»³⁵.

В свою очередь, политические ссыльные-«лишенцы» «никаких прав по закону не имели», и тюремная администрация стремилась, разумеется, по приказу «свыше», смешать их с уголовными. Поэтому «лишенцы» содержались на особом пересыльном дворе, в одних бараках с уголовными, и к ним применялся уголовно-каторжный режим. В Александровской пересылке был и каторжный двор, где содержались краткосрочные уголовные каторжане.

После упорной борьбы политическим удалось добиться того, чтобы уголовные были переведены в другой барак, «политики» стали жить отдельно³⁶.

Затем политические приступили к очищению собственных рядов. Это объяснялось тем, что среди политссыльных «было немало разложившихся элементов, повинных в неблагоприятных поступках»³⁷: подаче прошения о помиловании, сотрудничестве с жандармами и тюремной администрацией и др.

Начали с создания ядра кристаллизации, вокруг которого впоследствии смогли бы объединиться все здоровые силы «политиков». Таким ядром стала Томская коммуна³⁸. Коммуна сложилась еще в Томске в декабре 1909 г. (откуда название) и снова восстановилась в Александровской пересылке. Затем в нее вошел целый ряд ссыльных нетомичей: Г.И.Шпилев, Артем (Сергеев), Е.А.Преображенский, А.М.Галкин, П.А.Коваленко³⁹.

Вначале участники Томской коммуны стремились к тому, чтобы преобразовать на коммунальных началах **всю** политссылку – своеобразная попытка создания коммунизма в одном отдельно взятом бараке.

³⁵ Виноградов (Ягодин) Ф. Борьба за коллектив в Александровской пересылке в 1910 году // Иркутская ссылка. Сб. иркутского землячества. М., 1934. С.11–12.

³⁶ Там же. С.15.

³⁷ Там же. С.19–20.

³⁸ В нее вошли большевики, один меньшевик-партиец и один эсер: Д.А.Шамишурин, И.И.Шейн, К.А.Гедрейц, Д.М.Кафанов (Митяй Длинный), Кундашкин, Чумаков, Н.П.Александров (Поликарпыч), Ф.Виноградов (Ягодин). Эсер В.И.Шамишин убит белыми в 1918 г. (О трагической судьбе семьи В.И.Шамишина см.: Коваленко П. Мученицы за коммунизм // Правда. 1921. 1 января).

³⁹ Там же. С.20–21.

«Так как в наше распоряжение, – вспоминает Ф.Виноградов (Ягодин) был отдан целый барак, состоявший из двух небольших комнат и одной большой (половина барака), на 80–90 человек, то нам пришлось организовать полное самообслуживание: уборку и отопление помещения, получение пищи и воды. В работу были взяты все: не было ни одного живущего в бараке без обязанностей, кроме больных. Организация была проста: все были разбиты на секции⁴⁰.

«Политики» усиленно занимались самообразованием, устраивали шахматные турниры, на нарах кипели философские споры, отражавшие шедшую в то время на воле борьбу «Ленина и Плеханова против Богданова, Базарова и других сторонников философии Маха»⁴¹.

Однако эта идиллия продолжалась недолго. Коммунизма оказались достойны не все. Политических раздирали споры о том, как относиться к «запятнавшим честь мундира» революционерам. Тем более, что поступали новые ссыльные. Среди них были и подававшие прошение о помиловании («подаванцы»). Встал вопрос: принимать их в свои ряды или нет. А если нет, то что делать: отправлять к уголовным? Страсти накалялись. Зондаж мнений, проведенный участниками Томской коммуны, показал, что за дальнейшее очищение рядов: создание единого фронта против квазиполитиков – выступает примерно 80 человек из 200 политических⁴².

После безуспешных попыток добиться большинства «непримиримые», с согласия администрации, переселились в освобожденную от уголовных половину барака.

Но как организовать жизнь истинных коммунаров? Было проведено общее собрание, на котором Виноградову, Артему и Преображенскому поручили разработать устав коллектива. Что они с успехом и сделали⁴³. Приведем этот любопытнейший документ – одновременно конституцию и кодекс чести политзаключенных.

«Всего устав содержал 12 параграфов, – отмечает Ф.Виноградов. Последний из них не был опубликован по конспиративным мотивам, так как в нем говорилось о содействии и активной помощи товарищам, коим необходимо было бежать из тюрьмы или с пути следования на место ссылки.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Виноградов (Ягодин) Ф. Указ. соч. С.23.

⁴³ Там же. С.23–24.

В I параграфе устанавливались цели и задачи коллектива, причем они определялись следующим образом:

"Цель коллектива заключается:

- а) в выделении политических из общей массы заключенных;
- б) в борьбе против вредных, разлагающих изнутри революционные ряды элементов;
- в) в борьбе против произвола господствующего режима;
- г) в дальнейшем моральном и духовном образовании членов коллектива (путем докладов, лекций и проч.);
- д) в экономической помощи членам;
- е) в единстве выступлений против администрации и единении друг с другом." [...]

Во II параграфе устанавливалось, кто может быть членом коллектива... «Членом коллектива может быть всякий политический, который действовал не по эгоистическим собственным целям, но совершил деяние из революционных побуждений»⁴⁴. Дело в том, что после революции 1905 г. многие грабители выдавали себя за политических, анархистов и т.д.

«В III параграфе устанавливалось наше отношение к квазиполитическим элементам.

" Членом коллектива не может быть:

- а) кто свою политическую честь запятнал провокацией или изменой;
- б) подавал прошение царю о помиловании или таковое заявление, посланное родственниками, оставил без протеста;
- в) выступал с уголовными арестантами против политических;
- г) доносчики по начальству;
- д) предающиеся азартным играм и пьянству;
- е) растратившие средства общественных организаций и не реабилитировавшие себя перед этими организациями" [...]

В дальнейших параграфах излагалась структура коллектива. Верховным органом являлось общее собрание коллектива. Коллектив имел своего представителя в лице старосты для сношений с администрацией. Никто помимо старосты не имел права вступать в сношение с администрацией. Староста был ответствен перед общим собранием. Устав далее предусматривал экономическое единение в виде общей коммуны, которая имела своего экономического старосту. [...] Все средства, получаемые каждым членом коммуны с воли, становились общими и расходовались

⁴⁴ Там же. С.25.

лись на закупку продуктов для коммуны. На каждую коммуну отпускалась определенная сумма денег, в зависимости от количества ее членов. Коммуна не была богата, но не было внутри нее и вопиющего неравенства, когда одни товарищи в изобилии имели все, а другие ничего...»⁴⁵.

Внутри коллектива революционеры принадлежали к разным политическим партиям. Социал-демократы, разумеется, создали свою фракцию, в которую вошли и большевики, и меньшевики. Секретарем избрали Ф.Виноградова. Из конспиративных соображений фракционное бюро постановили не выбирать. Однако оно «создалось само собой, ибо во всех случаях не всегда было возможно и даже нужно созывать общее собрание фракции, приходилось во всех затруднительных случаях обращаться за советом к т.т. Артему (Сергееву) и Евгению Преображенскому. Таким путем сложилось бюро социал-демократической фракции из трех лиц, а так как эта тройка была неразлучна, то все решения партийного и коллективного характера обязательно обсуждались и выносились этой тройкой». Отметим, что Артем (Сергеев) станет одним из ближайших соратников Е.А.Преображенского. Судьба еще не раз сведет их вместе⁴⁶.

Итак, коммунизм в отдельно взятом бараке состоялся? Не исключено, пишу без всякой иронии, этот опыт укрепил Преображенского в его коммунистических убеждениях. Почему коммунизм возможен в Александровской пересыльной тюрьме и невозможен в стране и в мире в целом? Надо только действовать по отработанной модели:

- создать ядро «рыцарей без страха и упрека» (большевистскую партию);
- постоянно очищать ее от квазиреволюционеров;
- сплотить вокруг ядра всех «чистых и честных»;
- отделиться от пораженных скверной.

Правда, возникал один большой вопрос: что делать с изгоями? Ведь в реальной жизни от них не отгородишься барачной стеной. У Преображенского, вероятно, был ответ на данный вопрос: «переварить» некоммунистическое большинство поможет мировая революция. В реальности же от «нечистых» попытались именно отгородиться. Сталинский СССР строился по «модели Александровской пересылки»:

⁴⁵ Там же. С.25–26.

⁴⁶ Там же.

- «орден меченосцев» (партия);
- постоянное его очищение от квазиревольюционеров;
- сплочение вокруг ВКП(б) «чистых и честных» (большинства пролетариата, части интеллигенции и части крестьянства);
- изоляция пораженных скверной либо в лагерях, либо в деревне, где население было лишено паспортов.

Наконец, третий реальный опыт возможности коммунизма на практике Преображенский пережил в 1919 г. на Орловщине, куда был направлен ответственным представителем ЦК РКП(б) и уполномоченным ВЦИК.

Одним из творческих плодов орловской поездки нашего героя стала серия статей в «Правде» «Островки социализма», написанных под непосредственным впечатлением от знакомства с жизнью орловских сельских коммун и совхозов.

В первом очерке⁴⁷ Преображенский рассказывает о 6 коммунах и 52 артелях Карачевского уезда Орловской губернии. Отметим здесь только один аспект, имеющий непосредственное отношение к проблематике нашей статьи.

Преображенского поразило следующее обстоятельство: «Как правило, религия отстаивает позицию отживающего строя, который отводил служителям церкви почетное место за своим обеденным столом. Но вот вам монашеская коммуна под Карачевым. Коммуна образцовая и в хозяйственном отношении, и по внутреннему устройству. В этой коммуне разделение труда проведено очень оригинально: старики, неспособные работать в поле, назначаются молиться и за себя, и за других. Способные работать обрабатывают землю».

Итак, образцовой коммуной в уезде оказалась монашеская. То есть к коммунистическим формам труда были наиболее способны иноки, люди, которые путем длительного духовного воспитания и самовоспитания преодолели в себе страсть стяжания. Данный факт подводил Преображенского к осознанию важности воспитания «нового человека», как необходимого условия создания нового, коммунистического, общества – проблема, которая встанет перед советской страной во весь рост в начале 20-х годов и найдет в его трудах очень интересное осмысление.

⁴⁷ *Правда. 1919. 1 июня.*

Во втором очерке⁴⁸ Е.А.Преображенский знакомит читателя с деталями быта одной из среднерусских сельских «утопий», расположенной недалеко от Орла. Приведем фрагменты этих живых зарисовок увиденного:

«Деревянный дачный дом битком набит коммунарами. Раньше здесь жила одна помещичья семья. Теперь живет сорок душ. Чтобы избавиться от тесноты, коммунары уже начали строить новый, добавочный дом.

Входим внутрь. Внутри очень тесно, очень бедно, но не грязно. Подмечаю вместе с тем что-то, напоминающее наши сибирские коммуны ссыльных. Хуже, несомненно, чем было при помещике, [но] несравненно лучше, чем в любой крестьянской избе. Проходим ряд комнат, занимаемых отдельными коммунарами, и заглядываем в кухню. Видим большой артельный котел. У печки – "вечная дежурная", старуха, предпочитающая стряпню всем другим работам. В отношении пищи у коммунаров очень скудно. Муки почти нет. Едят главным образом овсянку, кислую капусту и доедают остатки картофеля. Большую поддержку оказывает молоко, которого хватает не только детям. Особенно улучшилось в этом отношении дело, когда уездный исполком передал коммуне корову-симменталку, экспропрированную у одного городского купца.

В верхнем этаже помещаются несемейные и пара новобрачных. В самой большой и светлой комнате, служащей читальней, конторой и местом для собраний комитета коммуны и всех коммунаров, развешаны портреты т. Ленина, Троцкого, Либкнехта».

«Попутно узнаем, что на общих собраниях коммуны женщины, как принципиальные противницы ее с самого основания, не пользуются решающим голосом и вообще не бывают. Они лишь посылают через каждые полчаса узнавать, "что мужики решили".

Мужская часть коммуны живет чрезвычайно дружно, за все время существования коммуны не было случая, чтоб при наряде на работы, который делает комитет коммуны, кто-либо не подчинился постановлению. Самая мысль о возможности неподчинения кажется коммунарам дикой. Женская половина живет менее дружно, и нередко комитету приходится разбирать различные женские ссоры и конфликты.

Детишек в коммуне много. Чтоб не оставлять их без обучения, в коммуну в качестве равноправного члена коллектива приглашен учитель.

⁴⁸ Там же. 5 июня.

После осмотра дома идем на веранду, построенную на высоком крутом берегу реки и окруженную огромными старыми липами. Коммунары рассказывают о своих планах и надеждах. Уже строят новый дом. Построили мост через реку. Думают, нельзя ли восстановить на реке когда-то бывшую здесь водяную мельницу, так как нигде в окрестности близко мельницы нет. Из разговоров с заведующим отделом они узнают, что одна из коммун уезда в хлебной, но безлесной волости нуждается в двуколках и в обмен предлагает хлеб. Наши коммунары страшно обрадованы. Они сидят без хлеба, а двуколок могут надевать сколько угодно.

Мелочь, но эта мелочь характерна, как начало нового мира взаимоотношений переходного периода: товарообмена внутри коммун».

Собственный опыт показал Преображенскому возможность жизни на коммунистических началах основных слоев трудящихся: рабочих (Красная Пресня), крестьян (Орловщина), интеллигенции (Александровская пересылка). Правда, во всех трех случаях речь шла лишь об их небольшой части – авангарде. Но важен был сам принцип – иной мир возможен! Теперь дело, как вероятно представлялось Преображенскому, оставалось за «малым» – надо ликвидировать технико-экономическую отсталость Советской России, и тогда «героем сможет стать любой»: коммунизм из надежды человечества превратится в реальность. Но неперемное условие такого превращения, по Преображенскому, – предотвращение бюрократического перерождения советского общества. А потому и в следующем, 1920-м, и в последующие годы он продолжает непримиримую борьбу на антибюрократическом фронте.

**ДИСКУССИЯ
О «ВЕРХАХ»
И «НИЗАХ»**

Весной 1920 г. Е.А.Преображенского избирают в Организационное бюро ЦК РКП(б), одновременно он становится одним из трех секретарей ЦК (наряду с Н.Н.Крестинским и

Л.П.Серебряковым). Преображенский использует важнейший в большевистской иерархии пост для отстаивания своих заветных идей.

В июне 1920 г. (более чем за полгода до известных Кронштадтских событий) он обращается к Пленуму ЦК с острым обращением «Симптомы разложения нашей партии», инициировав так называемую дискуссию о «верхах» и «низах».

В президиуме IX съезда РКП(б). На первом плане – А.И.Рыков. Сидят (справа налево): В.И.Ленин, Л.П.Серебряков, Е.А.Преображенский, Л.Б.Каменев, М.М.Лашевич, М.П.Томский(?), Н.И.Бухарин, М.И.Калинин, А.С.Енукидзе. Стоят: в центре снимка в полувоенном френче, в очках, с негустой шевелюрой, с усами и бородкой И.Т.Смилга.

«На целом ряде губернских конференций... – пишет Преображенский, – обнаружилась резкая борьба так называемых низов партии с верхами. [...] Борьба принимает часто и другие формы, например: массовый выход из партии (200 человек городской организации Великого Устюга), нежелание перерегистрироваться со стороны ряда рабочих-коммунистов (Самара), требование перерегистрации для членов губкома и т.д. Наконец, наиболее резкое и опасное выражение этой борьбы можно видеть в восстании дивизии Сапожкова в Бузулуках, где подавляющее большинство руководителей восстания принадлежит к коммунистам (замешано до 130 человек)... Если оставить в стороне кулацкие и анти-семитские лозунги сапожковского восстания, то в остальном оно выдвигает те же самые требования, которые объединяют так называемые низы нашей партии в борьбе с верхами на перечисленных конференциях и внутри почти всех организаций РКП ("Долой обуржуазившихся лжеком-

мунистов-генералов, шкурников", партийных бюрократов, " Долой привилегированную касту коммунистической верхушки"). Можно смело утверждать, что последние лозунги встречают сочувствие у большей части рядовых членов нашей партии и раздвоение наших рядов по этой линии увеличивается с каждым днем. В той же Москве среди коммунистов районов слово "кремлевский" произносится с враждой и презрением»⁴⁹.

Далее Преображенский с озабоченностью пишет о том, что партия обнаруживает «все данные внутреннего раздвоения, которое может в один прекрасный момент поставить коммунистов против коммунистов». Он призывает с пониманием «отнестись к протесту рядовых коммунистов против систематического их отстранения от влияния на дела партии, реального участия в партийной жизни, к протесту против оберкомиссарского хамства и нечувствительности известной части партийных верхов к тяжелому положению пролетарских масс, от которых они оторвались, наконец, к протесту против безмерного, до издевательства, материального неравенства в среде самих коммунистов».

В отношении центральных ответственных работников Евгений Алексеевич считал необходимым:

- поручить МК взять их на особый учет, завести для каждого личный дневник с обязательством давать сведения о работе за каждый проведенный день;
- поручить МК произвести статистическое обследование материальных условий жизни и питания московских коммунистов и коммунистов, связанных с Кремлем, и урезать последних в пользу первых,
- отобрать все именные автомобили, обслуживающие обыкновенно в большинстве личные потребности товарищей, и излишние отдать фронту, Совнархозу и Наркомпочтелю,
- обязать каждого наркома и каждого члена коллегии не менее двух раз в году выезжать на места,
- чаще менять состав коллегий путем привлечения выдвигающихся работников с мест.

⁴⁹ *Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.17. Оп.86. Д.203. Л.3–3 об. См. подробнее в: Преображенский Е.А.: Архивные документы и материалы: 1886–1920 гг. М.: Изд-во Главархива Москвы, 2006. С.364–365. – При публикации неточно указана дата документа, надо – июнь 1920 г., а также его название, надо – Обращение Е.А.Преображенского «Симптомы разложения нашей партии» к Пленуму ЦК РКП(б).*

- Создать специальную комиссию с участием представителей ЦК для срочной выработки всех необходимых мер борьбы с разложением в рядах нашей партии»⁵⁰.

Такая комиссия, с участием Е.А.Преображенского, действительно, была создана. К 24 августа 1920 г. ею, за подписью Преображенского, был подготовлен проект циркулярного письма ЦК РКП(б) по вопросу борьбы с бюрократизмом и материальным неравенством в партии. В него вошли, а в кое-чем и были развиты основные идеи июньского обращения Преображенского. В частности, появился дополнительный пункт о необходимости создания при губкомах специальных контрольных комиссий. Чуть позже они были сформированы и возглавлены Центральной контрольной комиссией (ЦКК), в первый состав которой вошел и Е.А.Преображенский. Правда, пункт о персональном транспорте формулировался более мягко: «поручить ЦК произвести обследование условий пользования транспортными средствами со стороны ответственных работников с целью борьбы с расточительностью и бесконтрольностью в этой области»⁵¹.

На основании представленного проекта по поручению ЦК Г.Е.Зиновьев подготовил окончательный текст циркулярного «Письма Центрального Комитета РКП всем партийным организациям, всем членам партии»⁵².

Однако злоупотребления продолжались. Тогда ЦКК инициировала принятие двух постановлений Совета Народных Комиссаров⁵³. СНК поручал Центральной комиссии по снабжению рабочих при Народном комиссариате продовольствия установить в трехдневный срок норму снабжения продовольствием особо ответственных и незаменимых работников центральных учреждений по установленным твердым спискам с тем, чтобы эта норма не превышала нормы рабочего снабжения. Все установленные ранее Советом Народных Комиссаров, Советом Труда и

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Преображенский Е.А.: *Архивные документы и материалы: 1886–1920 гг.* С.367.

⁵² Опубликовано в: *Известия ЦК РКП(б).* 1920. №2. 14 сентября.

⁵³ От 4 января 1921 г. «Об отмене привилегированных пайков для отдельных категорий советских служащих и о снятии с фронтового и тылового красноармейских пайков всех как состоящих, так и не состоящих на действительной военной службе военнослужащих учреждений, управлений и заведений военного ведомства, не расположенных на фронтах» и от 8 февраля 1921 г. «О сокращении выдач привилегированных продовольственных пайков».

Обороны и Комиссией по снабжению особые повышенные нормы продовольственных пайков для служащих отдельных предприятий и учреждений отменялись. СНК обязывал Народный комиссариат Рабоче-Крестьянской инспекции немедленно принять меры к недопущению незаконных выдач предметов продовольствия и широкого потребления, а виновных в подобных выдачах следовало привлекать к судебной ответственности⁵⁴.

Но Преображенский не успокаивается на достигнутом. Накануне IX Всероссийской конференции РКП(б), рассматривавшей в том числе вопрос о «верхах» и «низах», он публикует двумя частями в «Правде» резкую статью «Коммунист-средняк» – настоящий гимн рядовым коммунистам, а также анализ причин «замирания партийной жизни» и предложения по «лечению» партии, более радикальные, чем в циркуляре ЦК.

Именно коммунист-средняк, пишет Преображенский, цементирует крестьянскую, по преимуществу, Красную Армию. «Красноармеец может податься назад – коммунист обязан оставаться последним на поле битвы. Красноармеец может быть взят в плен и не всегда расстреливается врагом. Коммунистов в плен не берут. Это, по прекрасному выражению т.Троцкого, наш орден красных самураев, которым нет пощады у врага и которые не сдаются. [...] Коммунист должен быть тверд и несокрушим, как бы ни страдало его усталое, измученное тело, он должен быть железным. Потому что он коммунист.

Это он, исчисляемый десятками и сотнями тысяч, стоит впереди на фронте трудовой борьбы. [...] Сегодня он должен быть тверд как кремько всем упрекам, ко всем нападкам, к разочарованию и отчаянию подавленных нуждою масс, к своей собственной нужде. Ему нельзя пошатнуться и отступить хоть на шаг, потому что он коммунист. Рядовой рабочий идет в субботу отдыхать, коммунист именно в субботу должен работать усердней, чем за всю неделю. Ведь именно в субботу бывают те четыре часа, в течение которых просачивается в нашу жизнь луч свободного, бесплатного, для всех производимого коммунистического труда, который должен поднять человечество из пропасти капиталистических бедствий»⁵⁵.

Проанализировав далее симптомы болезни партии (замирание партийной жизни, бюрократизм, засилье карьеристов, невнимание к вос-

⁵⁴ Там же. С.864.

⁵⁵ Правда. 1920. 19 сентября, 20 сентября.

питанию партийных резервов, разницу в условиях жизни, отрыв верхов от общения с рабочими и др.), Преображенский предлагает партии сделать новое усилие, начало которому положено циркулярным письмом ЦК:

«Мне кажется, следовало бы немедленно начать проводить в жизнь решение 8-го партийного съезда о периодическом возвращении к станкам ответственных рабочих-коммунистов. Мы не провели этого решения по крайней нашей бедности в силах, но опыт показал, что экономией на этом мы потеряли больше. Мне кажется далее, что было бы весьма полезно и нужно хоть раз в год ответственных работников-не рабочих на месяц-полтора переводить на физическую работу в качестве чернорабочих. Надо попробовать. Я глубоко убежден, что эти меры оправдают себя целиком. Наконец, ответственных товарищей, неспособных к физическому труду, необходимо временно переводить на губернскую и уездную работу. В частности, необходимо на первый раз третью часть членов коллегий наших центральных комиссариатов послать в провинцию, заменив их работниками с мест»⁵⁶.

И последняя в 1920 г. из радикальных мер была предложена Преображенским на IX партконференции: «...я предложил бы меру, которая очень целесообразна – это большая подсудность партийных работников перед обыкновенным гражданским судом за те преступления, которые они делают. Было бы очень желательно, если бы пяток или десяток безобразников нашей партии мы судили бы публично, об этом писали бы и таким образом показали отношение партии к таким проступкам. Когда мы брали власть в Октябрьские дни, у нас ничего подобного не было, и только постепенно стали нарождаться эти безобразия, но теперь мы говорим: "Довольно, будет!"»⁵⁷.

В конечном счете, ряд предложений Преображенского по преодолению замирания партийной жизни был претворен в жизнь, хотя и ненадолго. Например, был введен «партмаксимум», в соответствии с которым коммунист не мог получать зарплату выше определенного уровня: все «излишки» перечислялись в партийную кассу. Были, как мы видели, ликвидированы наиболее вопиющие злоупотребления в распределении пайков. Однако проблему «верхов» и «низов» кардинально так и не решили. В результате «красный самурайский орден», в конце концов,

⁵⁶ Там же. 21 сентября.

⁵⁷ Девятая конференция РКП(б). Сентябрь 1920 г. Протоколы. М.: Политиздат, 1972. С.174.

превратился в дряблую иерархичную геронтократию, погубившую великую страну.

Возможности же Е.А.Преображенского по борьбе за идеалы Октября постепенно сходили на нет. На X съезде Е.А.Преображенского не избирают не только в Секретариат, но и в ЦК, даже в качестве кандидата. На том же X съезде принимается пресловутая резолюция «О единстве партии», запретившая в РКП(б) существование фракций, предоставив, в частности, «ЦК полномочия применять в случае (-ях) нарушения дисциплины или возрождения или допущения фракционности все меры партийных взысканий вплоть до исключения из партии...»⁵⁸. В 1920-е годы Е.А.Преображенский в составе левой («троцкистской») оппозиции отстаивает идеи внутривнутрипартийной и рабочей демократии. В 1927 г. его, как и других сторонников Л.Д.Троцкого, исключают из партии, которой он отдал всю свою сознательную жизнь.

В 20-е годы центр изысканий Преображенского перемещается в область экономической проблематики.

ВЫВОДЫ

Итак, Е.А.Преображенский первым из большевиков выявил глубинные объективные корни бюрократизма в советском обществе. Он выводил их не из культурной отсталости рос-

сийского пролетариата, как Ленин, не из императивов гражданской войны, как Осинский, а из особенностей базиса социализма как централизованной экономики. А поскольку бюрократизм есть порождение базиса, то борьба с ним, по мнению Евгения Алексеевича, требовала экстраординарных усилий. Главное средство противодействия бюрократическому перерождению советского строя Преображенский видел в коммунистической партии, которая, по его мнению, должна была быть одновременно и внутри системы организации нового общества (ее члены занимают в ней ключевые посты) и находиться как бы вне ее, живя по иным, альтруистическим, законам.

Чтобы нейтрализовать объективную тенденцию к возникновению экономически привилегированной касты советской бюрократии, партия должна была постоянно бороться за чистоту своих рядов. Как заслон проникновению в нее карьеристов и мздоимцев, пребывание в партии должно было быть экономически невыгодным; за совершенные престу-

⁵⁸ Десятый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С.573.

ЕВГЕНИЙ ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ: БОЛЬШЕВИК ИЗ ПОПОВИЧЕЙ

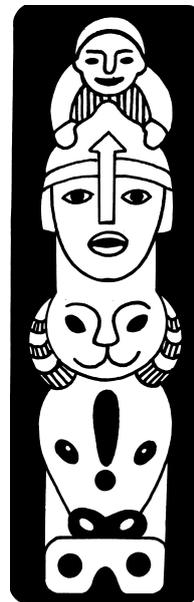
пления коммунистов должны были наказывать по суду строже, чем прочих граждан; руководители-коммунисты должны были периодически очищаться от налипшей бюрократической скверны работой в низах: на рабочих должностях на заводах, на партийной работе в глубинке, на субботниках вместе с простыми тружениками. Были необходимы периодические чистки партии. Но партия призвана была быть не только «честью и совестью» народа, но и его «умом». Для этого внутри нее следовало поддерживать атмосферу свободных дискуссий, в ходе которых рождалась бы истина. Лишь при помощи этих и им подобных мер коммунисты, по мнению Преображенского, могли сохранить в себе пламенный дух Октябрьской революции («духа не угашайте!»), постепенно выжигая им язву бюрократизма.

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

Формой знания современной цивилизации о прошлом является не миф, но критическое научное мышление. Нынешняя культура, которая довольствуется мифическими концепциями (что она проделывает ежедневно), впадает в детский самообман. ... Форма понимания прошлого, отвечающая нашей культуре, внутренне ей присущая, являющаяся ее зрелым плодом, может быть только научно-критической.

В нашей культуре ... качество исторического знания может быть сочтено наивысшим в том случае, когда науке удастся поставлять критически очищенный продукт, обладающий настолько очевидной жизненной ценностью, что широкая образованная публика интересуется им, стремится к нему и усваивает его. Чем больший отклик вызывает историческая наука среди читателей, которых уже не пугает строгая деловитость, трезвость подхода и чисто научная направленность изложения, тем больше это свидетельствует о здоровье культуры...

Йохан Хейзинга

Анастасия Готовцева, Оксана Киянская

«ЧЕЛОВЕК, ЗАСЛУЖИВАЮЩИЙ ДОВЕРИЯ»:

КНЯЗЬ СЕРГЕЙ ТРУБЕЦКОЙ
В ЗАГОВОРЕ И НА СЛУЖБЕ

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
929

The article deals with official performance of Prince Trubetskoy, a prominent figure in the secret societies of the 1820s. Analyzed is his trip to England in 1819, his service as aid-de-camp in the General Staff of the Russian army, as well as execution of military-police duties in his capacity of on-duty staff officer of the 4th Infantry Corps quartered in Kiev (1825). The conclusion is reached that his official activities were often associated with performance of special missions for the government. The experience gained in the service, Trubetskoy used to organize an anti-government plot, as well as to neutralize the enemies of this conspiracy.

Ключевые слова: С.П.Трубецкой; Главный штаб; российско-персидские отношения; Абуль Хасан-хан; И.А.Каподистрия; 4-й пехотный корпус; масонская ложа; кормчество; генерал-полицеймейстер; Ф.Ф.Эртель; восстание на Сенатской площади.

Key words: S.P.Trubetzkoy; General Staff; the Russian-Persian relations; Abul Hassan Khan; I.A.Kapodistrias; 4th Infantry Corps; the Masonic Lodge; kormchestvo; the general of police; F.F.Ertel; uprising at Senate Square.

E-mail: kianoks@inbox.ru

Введение

Казалось бы, биография князя Сергея Трубецкого логична, стройна и типична для офицера 1820-х гг., «декабриста».

Представитель знатного княжеского рода, он участвовал в Отечественной войне и Заграничных походах, был ранен и награжден многочисленными орденами. После войны служил в самых привилегированных гвардейских полках – Семеновском и затем Преображенском, исполняя при этом должность старшего адъютанта Главного штаба. 14 декабря 1825 г. он встретил в чине полковника гвардии. Основатель Союза спасения, один из руководителей Союза благоденствия, восстановитель общества, названного Северным, в 1823 г., он был одним из лидеров конспирации 1820-х гг.

Однако в биографии Трубецкого остается еще немало «белых пятен». М.Н.Покровский называл Трубецкого «северным Пестелем по занимаемому им в заговоре положению»¹. Но лидер Южного общества Павел Пестель много лет единолично руководил тайной организацией; свое право на главенствующую роль в заговоре он подтверждал и «Русской правдой» – проектом законов, которые следовало принять после победы революции. Пестель планомерно разрабатывал конкретный план захвата власти, и эта его деятельность была известна многим членам тайных обществ. Наконец, большинство заговорщиков признавали за южным лидером превосходство в уме и необходимых политическую познаниях.

Заслуги Трубецкого перед тайным обществом были намного скромнее. И тем не менее переписка и следственные дела арестованных членов тайных обществ, а также мемуары современников свидетельствуют: авторитет князя в глазах его товарищей был очень высоким. Один из самых искушенных в политике заговорщиков, подполковник Гавриил Батеньков утверждал: «Обращая все внимание на Трубецкого, я полагал, что прочие составляют неважное звено и сами собою без решения и подкрепления из других мест ничего делать не могут, а может быть, и не знают истинного состояния дела»². А искренне презиравший Трубецкого мемуарист Николай Греч признавал, что князь «вошел в славу и почет у наших либералов»³. Недаром именно его накануне 14 декабря избрали диктатором восстания.

¹ Покровский М.Н. Предисловие к 1-му тому серии «Восстание декабристов» // Восстание декабристов. Документы и материалы: в 21 т. (далее – ВД). М., Л., 1925. Т.1. С.1Х.

² ВД. М., 1976. Т.18. С.86.

³ Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 2002. С.318.

Для того, чтобы понять, почему князь играл в столичном заговоре центральную роль, следует привлечь к анализу не только его конспиративную деятельность, которая на сегодняшний момент достаточно хорошо изучена исследователями. Следует понять, чем Трубецкой занимался по роду своей службы, почему участники заговора считали его столь влиятельной персоной. Обнаруженные в архивах документы позволяют сделать вывод: именно служба князя предопределила его исключительное место в среде заговорщиков.

**Дело «первостепенной
важности»: дипломатическая
деятельность Трубецкого**

В мае 1819 г. Трубецкой, тогда капитан лейб-гвардии Семеновского полка, становится старшим адъютантом Главного штаба русской армии.

Главный штаб был организован в ходе послевоенной перестройки армии, 12 декабря 1815 г. «Главный штаб есть сосредоточие, в котором соединяются все части военного управления в высшем их отношении», – гласил императорский указ⁴. Начальник Главного штаба, генерал от инфантерии князь Петр Волконский, был докладчиком императору по всем вопросам военного управления. Фактически вторым лицом в штабе – после Волконского – был дежурный генерал; в 1815 – 1823 гг. эту должность занимал генерал-лейтенант Арсений Закревский. Ему подчинялись Инспекторский департамент, ведавший кадровым составом армии, а также судная часть (Аудиторский департамент) и старшие адъютанты штаба⁵. Собственно, именно подчиненным Закревского стал Трубецкой.

Среди дел Инспекторского департамента сохранилось «Дело по представлению генерал-адъютанта Потемкина о помещении в Главном штабе в число старших адъютантов л[ейб]-г[вардии] Семеновского полка капитана князя Трубецкого».

Дело это состоит всего из двух листков. На первом из них – отношение командира Семеновского полка, генерал-майора и генерал-адъютанта Якова Потемкина, датированное 6-м мая 1819 г. Адресат этого отношения неизвестен, но очевидно, что адресовано оно Волконскому: «Государь император приказать изволил доложить Вашему Сиятельству, чтоб напомнить Его величеству лейб-гвардии Семеновского полка о капитане князе Трубецком. Генерал-адъютант Потемкин».

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. (далее – ПСЗРИ). СПб., 1830. Т.33 (1815–1816). С.400.

⁵ Там же. С.401.

«ЧЕЛОВЕК, ЗАСЛУЖИВАЮЩИЙ ДОВЕРИЯ»

Далее следуют еще три записи: «Высоч[айше] повелено поместить в Глав[ный] штаб Е[го] и[мператорского] в[еличества] в число старших адъютантов. 6 мая 1819»; «Немедля!»; «Испол[нено] приказом 14 мая 819»⁶. Таким образом, 14 мая 1819 г. Трубецкой стал старшим адъютантом Главного штаба.

Из этого короткого дела следует: инициатором назначения Трубецкого в Главный штаб был лично император Александр I, просивший «напомнить» ему о капитане-семеновце. При этом назначение князя в адъютанты происходило в спешке – по-видимому, в том, чтобы Трубецкой быстрее получил новую должность, император был крайне заинтересован.

Не прослужив в этой должности и двух недель, Трубецкой стал вдруг проситься в заграничный отпуск. Согласно его собственным показаниям, он «был уволен в отпуск за границу и выехал в июне месяце», жил в Париже, а возвратился «в С. Петербург в сентябре месяце 1821-го года»⁷. В воспоминаниях Евгения Оболенского также находим подтверждение истории с «отпуском»: по мнению мемуариста, Трубецкой приехал в Париж, «сопровождая больную свою двоюродную сестру княгиню Куракину»⁸.

Но официальные документы противоречат показаниям и мемуарам. Согласно им, в 1819 г. Трубецкой действительно просился в отпуск, но не получил его: соответствующая запись отсутствует в формулярном списке князя. Согласно хранящемуся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) делу «Об увольнении в отпуск за границу старшего адъютанта Главного штаба князя Трубецкого», про-

Сергей Трубецкой

⁶ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф.395. Оп.66. Д.201. Л.1–2об.

⁷ ВД. Т. I. С.73.

⁸ Оболенский Е.П. Воспоминания о 1826-м и 1827-м годах князя Евгения Петровича Оболенского // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. С.101.

шение об отпуске, которое он подал «по команде», выглядело следующим образом:

«Всепресветлейший державнейший великий государь император Александр Павлович, самодержец Всероссийский, государь всемилостивейший.

Просит старший адъютант Главного штаба Его императорского величества лейб-гвардии Семеновского полка капитан князь Сергей Петров сын Трубецкой о нижеследующем:

1-е.

Я, нижепоименованный, имею необходимую надобность быть в отпуску за границу для излечения болезни, почему, прилагая при сем свидетельство, данное мне от главного по армии медицинского инспектора Виллие, всеподданнейше прошу, дабы Высочайшим Вашего императорского величества указом повелено было сие мое прошение принять, а меня, именованного, в отпуск за границу уволить.

Всемилоостивейший государь, прошу Ваше императорское величество о сем моем прошении решение учинить. Мая [...] 1819 года. К поданию надлежит по команде, прошение сие писал Лейб-гвардии Семеновского полка баталионный писарь Алексей Слободин 1-й. К сему прошению старший адъютант Главного штаба Его императорского величества лейб-гвардии Семеновского полка капитан князь Сергей княж Петров сын Трубецкой руку приложил». Рядом с этим документом – приписка другим почерком: «Записку к докладу. 26 мая 1819»⁹.

Следующий документ в деле – «свидетельство» о состоянии здоровья Трубецкого:

«Свидетельство

При освидетельствовании лейб-гвардии Семеновского полка г. капитана князя Трубецкого нашел я, что он страдает сильною грудною болью с кровохарканием и изнурением всего тела, оказавшимся после раны под Лейпцигом ядром в лядвию. Хотя и не возможно думать, чтобы рана сия была единственною причиною означенной болезни, но я, однако же, полагаю, что она без сомнения несколько к тому способствовала, и нахожу, что едва ли возможно будет возвратить ему здоровье без увольнения от дел службы на несколько месяцев, ибо как строевая, так и канцелярская служба для него вредны. Во уверение чего и дано ему от меня сие за моим подписанием и печатью в С. Петербурге 15 мая 1819. Главный по армии медицинский инспектор Яков Виллие»¹⁰.

⁹ РГВИА: Ф.36. Он.1. Д.841. Л.1, 1об.

¹⁰ Там же. Л.2.

Далее следует записка, подготовленная, очевидно, «к докладу» императору 26 мая: «Старший адъютант Главного штаба Его императорского величества лейб-гвардии Семеновского полка капитан князь Трубецкой просит об увольнении в отпуск за границу для излечения одержимой его болезни, испрашивая при том позволения ему отправиться на том фрегате, который назначается к отъезду в Англию. Санкт-Петербург. 26-го мая 1819». На том же листе приписка: «Переговорить с Вилле на словах о болезни к[нязя] Трубецкого. 28 мая 1819»¹¹.

Последний документ в этом деле – черновик отношения дежурного генерала Главного штаба Арсения Закревского к Трубецкому от 5 июня 1819 г: «Старшему адъютанту Главного штаба Его в[еличест]ва, л[ейб]-г[вардии] Семеновского полка капитану князю Трубецкому. На поданное от вас прошение об увольнении вас за границу до излечения болезни г[осударь] и [мператор] не изъявил всеподданнейшего соизволения, предоставляя вам лечиться здесь, о чем сим вас и уведомляю. Подписал: дежурный генерал Закревский»¹².

В документах этих много непонятного. Во-первых, на прошении Трубецкого об отпуске отсутствует точная дата, а в таком виде документы «на высочайшее имя» подавать было не принято. Во-вторых, в мае прошения об отпуске подавать было запрещено: лето, время интенсивной строевой подготовки войск, постоянных маневров и парадов, требовало присутствия всех офицеров на своих местах.

Следующая странность – это подпись на свидетельстве о болезни Трубецкого знаменитого русского военного врача, баронета Якова Вилле. В 1819 г. он отнюдь не только «главный по армии медицинский инспектор». Знаменитый военный врач, он в 1819 г. был уже действительным статским советником, лейб-медиком императора Александра I, начальником медицинского департамента военного Министерства, президентом Медико-хирургической академии. Естественно, что у него было много дел и далеко не каждый капитан, пусть и гвардеец, мог получить от него такое свидетельство. Тем более, что в 1819 г. в Семеновском полку, где числился Трубецкой, служили трое лекарей¹³.

Однако, как следует из дела, те, кто подготавливал справку о Трубецком для императора, баронету не поверили и решили «переговорить» с ним «на словах о болезни к[нязя] Трубецкого». Сама справка тоже выглядит странно: согласно ей, Трубецкой собирался ехать вовсе

¹¹ Там же. Л.3.

¹² Там же. Л.4.

¹³ *Месяцеслов с росписью чиновных особ или Общій штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1819: в 2 ч. СПб., 1819. Ч.1. С.169.*

не во Францию, а «на том фрегате, который назначается к отъезду в Англию». Название фрегата в деле не фигурирует – очевидно, император был в курсе, какой корабль имеется в виду.

5 июня, как следует из дела, Трубецкой узнал об отказе императора отпустить его в отпуск. Но, что самое удивительное во всей этой истории, спустя еще три недели капитан покидает Петербург. 26 июня он написал письмо своему хорошему знакомому Алексею Оленину, директору Публичной библиотеки и президенту Академии художеств. В письме, явно написанном в спешке, он сообщал: «Я сам весьма захлопотался, ибо в обед получил повестку приготовиться к отъезду; почему сомневаюсь, чтобы вы имели время прислать ваши письма. В одиннадцать часов мы будем на пароходе, и как скоро взойдем на фрегат, то эскадра примет якорь»¹⁴. В 1819 г. паровое сообщение в России осуществлялось только между Петербургом и Кронштадтом. Соответственно, пароход из Петербурга должен был доставить князя на некий фрегат, стоявший на Кронштадтском рейде и готовый к отплытию в составе эскадры.

Конечно же, князь не был дезертиром или преступником, не исполнившим указание императора. Спешка с назначением старшим адъютантом, «свидетельство», подписанное лично Виллие, устные «переговоры» с ним, отказ императора предоставить князю отпуск, затем срочная «повестка» к отъезду заставляют подозревать в путешествии князя тайную государственную надобность. Известно, что старшие адъютанты Главного штаба нередко выполняли секретные поручения командования, в том числе и дипломатического свойства. Очевидно, в данном случае эту надобность вначале хотели оформить как отпуск, однако потом – по соображениям тайны – решили отпуска не оформлять.

Из архивных дел удалось между тем выяснить, на каком корабле и куда ехал Трубецкой. 26 июня 1819 г. из Кронштадта отплыла и взяла курс на Англию маленькая эскадра. Эскадру составляли два судна: фрегат «Гектор» и бриг «Олимп», укомплектованные моряками Гвардейского экипажа¹⁵. Маршрут этих кораблей известен: конечной точкой их путешествия был английский порт Гримсби. Корабли эти готовились к ответственному плаванью еще с января: командиру Балтийской эскадры адмиралу Роберту Кроуну было поручено пригото-

¹⁴ Трубецкой С.П. *Материалы о жизни и революционной деятельности: в 2 т. Иркутск, 1987. Т.2. С.65.*

¹⁵ *Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГАВМФ). Ф.166. Оп.1. Д.651. Л.164, 173–173об.*

«ЧЕЛОВЕК, ЗАСЛУЖИВАЮЩИЙ ДОВЕРИЯ»

вить их «на случай другого предмета»¹⁶. «Предмет», на который готовились корабли, рассекретили в начале апреля: следовало вывезти из Англии российского статс-секретаря по иностранным делам, фактически – министра иностранных дел Иоанна Каподистрию¹⁷.

Конечно, Иоанн Каподистрия, личный друг и советник императора, имел очень высокий дипломатический статус. Однако летом 1819 г. он возвращался в Россию из частной поездки, и отправлять за ним в Европу два корабля было делом, в общем, необычным для российской дипломатии. Необычность эта, правда, легко объяснима: согласно письму второго, «старшего» статс-секретаря по иностранным делам, графа Карла Нессельроде, к Каподистрии от 8 мая 1819 г., ему следовало забрать с собой из Лондона персидского посла в Англии, мирзу Абуль Хасан-хана. На случай, если посол согласится поехать в Россию, ему следовало предоставить на одном из кораблей специальную каюту¹⁸. Очевидно, именно поэтому на «Гекторе» была оборудована каюта, обитая дорогой тканью, с серебряным сервизом¹⁹. Возвращение Каподистрии в Россию приобретало, таким образом, «первостепенную важность для служения нашему августейшему государю»²⁰.

Иоанн Каподистрия

Плавание «Гектора» и «Олимпа» – один из эпизодов жесткого дипломатического противостояния Англии и России в 1-й четверти XIX в. Сферой приложения дипломатических интересов в данном случае была Персия, за влияние на которую, собственно, и боролись две страны. Борьба эта спустя несколько лет окончится русско-персидской войной, подписанием Туркманчайского мира и убийством русского посла в Тегеране.

¹⁶ Там же. Л.32.

¹⁷ Там же. Л.100.

¹⁸ *Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. Сер. II. (далее – ВПР). М., 1979. Т. III (XI). С.27.*

¹⁹ РГАВМФ. Ф.166. Оп.1. Д.651. Л.161–162.

²⁰ ВПР. Т. III (XI). С.27.

Мирза Абуль Хасан-хан. Худ. Т.Лоуренс.

Не вдаваясь здесь в тонкости дипломатических отношений начала XIX в., отметим только, что в 1816 г. Абуль Хасан-хан во главе персидской дипломатической миссии жил в Петербурге. Его хорошо знали в столичном высшем свете и при дворе. Сам посол неоднократно демонстрировал свою лояльность к России, хотя исследователи считают эту лояльность лишь дипломатическим приемом, предназначенным напугать Англию и заставить ее выплачивать Персии субсидии²¹. Но, в любом случае, если бы удалось уговорить его подняться на борт российского корабля, это была бы большая дипломатическая победа.

В письме Нессельроде содержались также подробные инструкции по организации поездки посла. Каподистрии предписывалось найти для сопровождения посла «одного человека из чиновников нашей миссии с достаточно хорошим знанием английского языка, дабы можно было изъясняться с ним (с послом. – А.Г., О.К.). При умелом поведении сопровождающий, возможно, без особого труда войдет в доверие к нему и получит представляющие интерес сведения о различных поручениях, которые он только что выполнил»²².

Мы не знаем, кто из сотрудников русской дипломатической миссии в Лондоне был выбран на эту должность. Не исключено, что это был Николай Кривцов, известный приятель Пушкина, пользовавшийся исключительным доверием Каподистрии²³. Однако очевидно, что одним сотрудником дело не ограничилось: в помощь Каподистрии из Петербурга был отправлен капитан Трубецкой, прекрасно, кстати, знавший английский язык²⁴. Иначе нельзя объяснить присутствие

²¹ О русско-персидских отношениях в 1-й четверти XIX в. см., напр.: Балаян Б.П. *Международные отношения Ирана в 1813–1828 гг.* Ереван, 1967. С.100–123; Семенов Л.С. *Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-х годах XIX в.* Л., 1963. С.15–54.

²² ВПР. Т.III (XI). С.27.

²³ См. о нем: Гершензон М.О. *Братья Кривцовы.* М., 2001.

²⁴ ВД. Т.I. С.5.

капитана на дипломатическом корабле, отправлявшемся к тому же с секретной миссией, суматоху и тайну, с какой совершалась эта отправка.

Каподистрия, согласно документам, поднялся на борт «Гектора» во французском Гавре и на фрегате прибыл в Гримсби. Оттуда, уже сухим путем, он отправился в Лондон – очевидно, в сопровождении Трубецкого. По крайней мере, точно известно, что Трубецкой в Лондоне был: об этом, как о самом собою разумеющемся факте, он сообщал в письме своему приятелю Николаю Тургеневу. Из письма следует также, что в столице Англии князь общался с сотрудниками российского посольства и, прежде всего, с тем же Кривцовым²⁵.

Однако миссия Каподистрии не удалась: взвесив все обстоятельства, он, опытный дипломат, не стал даже и предлагать персидскому послу ехать вместе с ним в Россию. Шахский посол покинул Лондон лишь год спустя, в марте 1820 г.²⁶ Сам же Каподистрия вернулся в Гримсби, «Гектор» и «Олимп» подняли якоря и покинули территориальные воды Англии. Однако в Петербург статс-секретарь не поехал: известно, что он «в Данциге вышел на берег и отправился в Варшаву ожидать прибытия государя, которое должно было последовать в конце сентября месяца»²⁷.

На обратном пути Трубецкого на «эскадре» уже не было. Очевидно, когда стало ясно, что сопровождать Хасан-хана в Россию не надо, он реализовал идею отдыха: уехал во Францию. В сентябре 1819 г. он был уже в Париже; об этом свидетельствует письмо, отправленное Трубецким к другому своему приятелю, Ивану Толстому²⁸. Во французской столице он жил, по его собственным словам, «мирно», «занимался слушанием курсов естественных наук, физики, химии, механики... иногда ходил слушать известнейших профессоров по другим частям; ходил на некоторые лекции в Политехническое училище»²⁹. В Париже князь женился; его избранницей стала графиня Катерина Лаваль, дочь французского эмигранта и крупного чиновника сразу двух российских министерств: иностранных дел и просвещения.

²⁵ Трубецкой С.П. *Материалы о жизни и революционной деятельности*. Т.2. С.66.

²⁶ ВПР. Т.III (XI). С.328–329.

²⁷ Каподистрия И.А. *Записки // Сборник императорского русского исторического общества (далее – ИРИО)*. СПб., 1868. Т.3. С.249.

²⁸ Трубецкой С.П. *Записки. Письма И.Н. Толстому 1818–1823 гг.* СПб., 2011. С.193.

²⁹ Трубецкой С.П. *Материалы о жизни и революционной деятельности*. Т.2. С.66; ВД. Т.1. С.73.

Пока Трубецкой был за границей, в России произошла «семеновская история» (октябрь 1820 г.). Как известно, после беспорядков полк был раскассирован: солдаты и офицеры были переведены в армейские полки. Даже для тех офицеров, которые по каким-то причинам были в момент беспорядков вне Петербурга, «история» закончилась серьезным понижением служебного статуса. К примеру, штабс-капитан Семеновского полка Матвей Муравьев-Апостол служил на Украине, был адъютантом малороссийского генерал-губернатора Николая Репнина, к беспорядкам в столице никакого отношения не имел и ничего о них не знал. Но спустя год, без всяких объяснений, он стал майором армейского Полтавского полка³⁰. Ему не оставалось ничего другого, как подать в отставку, чего, кстати, не могли себе позволить те, кто в момент восстания находился «при полку налицо». Все они были лишены права не только отставки, но даже и отпуска.

Однако правительственные репрессии Трубецкого не коснулись во-все. Он тоже был переведен, но переведен в лейб-гвардии Преображенский полк, считавшийся по старшинству наравне с Семеновским. Через несколько месяцев после возвращения из-за границы он получил чин полковника³¹.

Мы не знаем, почему Трубецкой счел за нужное скрыть свою миссию 1819 г. на допросах в 1826 г., утверждая, что за границей он «жил только в Париже»³². Действовал он по заданию и «в видах» правительства, и ничего преступного в его поездке в Лондон не было. Может быть, он не хотел признаваться в собственных «отношениях» с Нессельроде и Каподистрией и тем порождать ненужные вопросы. Возможно, он общался в Лондоне с тем или с теми, о ком следователям знать не полагалось.

Однако более правдоподобным представляется другое объяснение. Умный и опытный заговорщик, он не мог не понимать, что раскрытие антиправительственного заговора всегда вызывает вопросы об «иностранным влиянии» и «иностранных деньгах». В отношении Трубецкого такие вопросы ставились с первого дня следствия: его арест сопровождался крупным дипломатическим скандалом. Князь был арестован в доме своего близкого родственника, австрийского посла в России Людвига Лебцельтерна; в аресте принимал участие сам Нессельроде. Вскоре после этого инцидента австрийский посол был отозван из России. И к «австрийскому следу» в собственной деятельности изобличенному пре-

³⁰ ВД. М., 1950. Т.9. С.180, 217.

³¹ Там же. Т.1. С.5.

³² Там же. С.73.

ступнику совершенно не нужно было добавлять еще и «английский след».

* * *

Вернувшись в сентябре 1821 г. в Россию, Трубецкой продолжил службу в столице – в должности старшего адъютанта Главного штаба.

Должность старшего адъютанта была в 1820-х гг. ответственной и почетной. Количество их колебалось от четырех до семи человек. Старшие адъютанты избирались «из отличнейших штаб- и обер-офицеров армии»³³. Они обязаны были «развозить важнейшие приказанья», их посылали «осматривать войска, караулы, госпитали», «наблюдать везде за благоустройством и порядком» и доносить о найденных беспорядках как командирам соответствующих подразделений, так и дежурному генералу³⁴. Таким образом, функции старших адъютантов были, прежде всего, надзорно-полицейскими.

Трубецкой со своими обязанностями справлялся, по-видимому, хорошо, был ценен и любим Волконским и Закревским. Все задания, которые исполнял князь по должности, выявить не удалось. Однако в 1822 г. ему было поручено ответственное дело: проверка финансовой деятельности фельдъегерского корпуса, с которой он блестяще справился³⁵.

Пока Трубецкой инспектировал фельдъегерский корпус, в Главном штабе произошли большие перемены: своих постов лишились и Волконский, и Закревский. Волконский, один из самых близких к Александру I людей, ненавидел графа Аракчеева, соперничал с ним за влияние на императора. Начальник Главного штаба открыто презирал Аракчеева и «называл "змеем"»³⁶, а в частных письмах удивлялся «непонятному ослеплению» государя начальником военных поселений. Естественно, в среде близких к Волконскому армейских генералов Аракчеева именовали «уродом», «чудовищем», «чумой», «выродком ехидны», «извергом», «государственным злодеем», «вреднейшим человеком в России» и проч.³⁷.

³³ ПСЗРИ. Т.32. С.60.

³⁴ Там же.

³⁵ РГВИА. Ф.36. Оп.1. Д.1373.

³⁶ ИРИО. СПб. 1890. Т.73. С.81; Николай Михайлович, вел. кн. Генерал-адъютанты императора Александра I. СПб. 1913. С.47.

³⁷ ИРИО. Т.73. С.97, 184, 182, 474 и др.; Там же. СПб., 1891. Т.78. С.204, 214 и др.; Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д.Киселев и его время. СПб., 1882. Т.1. С.84.

Иван Дибич

Собственно, Аракчеев был молчалив – о его «мнениях» по поводу Волконского ничего не известно. Однако в апреле 1823 г. император отправил начальника штаба в бессрочный отпуск, а фактически – в отставку. Место его занял ставленник «урода» генерал-лейтенант Иван Дибич. А спустя еще четыре месяца лишился своей должности и Закревский. Новым дежурным генералом стал совершенно бесцветный генерал-майор Алексей Потапов.

Как показало время, Трубецкой прекрасно ужился и с Дибичем, и с Потаповым. В декабре 1823 г., «по засвидетельствовании начальства об отличной службе и трудах», он был награжден орденом Св. Анны 2-й степени³⁸. Вскоре у старшего адъютанта появился новый круг обязанностей и новые карьерные возможности.

**«Криминальный разврат»:
полковник Трубецкой
против генерала Эртеля**

Пожалуй, самая яркая страница служебной биографии князя – его служба в последний перед арестом год. Трубецкой, полковник Преображенского полка и старший адъютант Главного штаба, в декабре 1824 г. был назначен дежурным штаб-офицером 4-го пехотного корпуса со штабом в Киеве, а в феврале 1825 г. приступил к своим обязанностям. Корпус, в котором он служил, входил в состав 1-й армии. Армией командовал генерал от инфантерии граф Фабиан Остен-Сакен; начальником армейского штаба был генерал-лейтенант барон Карл Толь. Главная квартира армии располагалась в городе Могилеве.

Место дежурного штаб-офицера в 4-м корпусе Трубецкому предложил вновь назначенный командир этого корпуса, генерал от инфантерии князь Алексей Щербатов, с которым полковник познакомился в Париже. «Когда князь Щербатов, будучи назначен корпусным командиром,

³⁸ РГВИА. Ф.36. Оп.1. Д.1397. Л.37–39.

предложил мне ехать с ним, то я, с одной стороны, доволен был, что удалюсь от общества, с другой, – хотел и показать членам, что я имею в виду пользу общества и что там я могу ближе наблюдать и за Пестелем», – сообщал Трубецкой следователям³⁹. Свидетельству этому вряд ли стоит полностью доверять. Борьба с Пестелем станет для Трубецкого одной из главных линий самозащиты на следствии. «Удаляться» же от общества князь и вовсе не собирался. И события декабря 1825 г. – явное тому подтверждение.

Между тем, соглашаясь ехать в Киев, князь не просто принимал предложение Щербатова. Назначение Трубецкого было явно «продавлено» сверху: он был не единственным кандидатом на эту должность. За своего племянника, капитана лейб-гвардии Егерского полка Николая Каховского, просил командир Отдельного кавказского корпуса, генерал от инфантерии Алексей Ермолов, его просьбу поддержал генерал Толь⁴⁰. Однако император «высочайше отозвался, что вообще, а при 4-м корпусе особенно, по расположению оного в Киеве, находит нужным иметь дежурного штаб-офицера, знающего твердо фронтную службу»⁴¹. У капитана Каховского опыта «фронтной службы» не было: он служил адъютантом у Остен-Сакена.

Однако и опыт Трубецкого по фронтной части был весьма скуден: в мае 1819 г., как уже говорилось выше, он перешел из строевой службы в Главный штаб. И для того, чтобы его кандидатура была утверждена в обход просьб Ермолова и Толя, необходима была очень сильная поддержка. Впоследствии, уже после 14 декабря, Щербатов объяснял армейским властям, что взял Трубецкого к себе потому, что он пользовался уважением «своих начальников и даже самого покойного государя императора, изъявленным его величеством при определении его дежурным штаб-офицером»⁴². Иными словами, окончательное решение об отправке в Киев именно Трубецкого принял опять-таки Александр I.

* * *

До Щербатова 4-м пехотным корпусом 1-й армии командовал знаменитый герой Отечественной войны 1812 г., генерал от кавалерии Николай Раевский. Время, когда он, геройствуя на полях сражений,

³⁹ ВД. Т.1. С.35.

⁴⁰ Ермолов А.П. – Закревскому А.А. 22 ноября 1822 г. // ИРИО. Т.73. С. 400; РГВИА. Ф.35. Оп.3/244. Св.141. Д.1524. Л.1.

⁴¹ РГВИА. Ф.35. Оп.3/244. Св.141. Д.1524. Л.2.

⁴² Цит. по: Щербатов А.Г. Мои воспоминания. СПб., 2006. С.196.

вдохновлял своей деятельностью поэтов и художников, давно прошло. В Киеве генералу решительно было нечем заняться. О том, как проводил время корпусный командир, читаем, например, в воспоминаниях Филиппа Вигеля: «Лет двенадцать не было уже в Киеве военного или генерал-губернатора. Первенствующею в нем особою находился тогда корпусный командир, Николай Николаевич Раевский, прославившийся в войну 1812 года. Тут прославился он только тем, что всех насильно магнетизировал и сжег обширный, в старинном вкусе, Елисаветою Петровной построенный, деревянный дворец, в коем помещались прежде наместники»⁴³. А польский помещик Кржишковский сообщал в доносе на генерала: «Публика занялась в тишине соблазнительным магнетизмом и около года была совершенно заблуждена или не смела не верить ясновидящим и прочая, а более всего, что занимается магнетизмом заслуженный и первый человек в городе»⁴⁴.

В Киевской губернии действительно не было генерал-губернатора, и, таким образом, корпусный командир оказывался высшим должностным лицом. Раевского вовсе не интересовали его обязанности, но еще меньше они интересовали его подчиненных по «гражданской» части: гражданского губернатора Ивана Ковалева и обер-полицмейстера Федора Дурова. В губернаторской канцелярии процветало неконтролируемое взяточничество. В 1827 г. было обнаружено, например, что секретарь Ковалева Павел Жандр, действуя, в основном, с помощью «откатов», в несколько лет присвоил себе денег на общую сумму 41 150 руб.⁴⁵ При том, что жалование, например, армейского капитана составляло 702 рубля в год⁴⁶. При этом, конечно, и сам губернатор Ковалев в убытке явно не оставался.

Преступность в городе была очень высокой. Одним из самых распространенных преступлений было кормчество – незаконная торговля спиртными напитками, прежде всего водкой. Монополия на производство таких напитков в начале XIX в. принадлежала государству, частные лица покупали или, как тогда говорили, откупали у государства право на эту торговлю. Система откупов порождала желание торговать водкой, не платя за это денег государству. Кормчество вызывало к жизни целые преступные сообщества, занимающиеся незаконным производством водки, ее оптовой закупкой, ввозом в город и последующей

⁴³ Вигель Ф.Ф. *Записки: в 2 т. М., 2003. Т.2. С.1040.*

⁴⁴ РГВИА. Ф.35. Оп.5/246. Св.313. Д.1841а. Л.8.

⁴⁵ *Документы о финансовых махинациях секретаря киевского гражданского губернатора П.А. Жандра // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С.94.*

⁴⁶ ПСЗРИ. СПб., 1830. Т.43. С.89.

«ЧЕЛОВЕК, ЗАСЛУЖИВАЮЩИЙ ДОВЕРИЯ»

розничной перепродажей. В 1824 г. управляющий киевскими питейными сборами Павел Баранцов доносил начальству: «Жители киевские... увеличивают шайки свои многолюдием и, запасаясь всякого рода орудиями, как-то: пиками, саблями, пушечными ядрами, топорами, косами и дрючьями, повседневно ввозят в город корчемного вина (по-видимому, имеется в виду «хлебное вино» – разновидность водки. – *А.Г., О.К.*) целыми транспортами»⁴⁷. Выяснилось к тому же, что в этих «шайках» участвуют и солдаты, играя роль своеобразной охраны корчемников⁴⁸.

Баранцов «входил неоднократно с просьбами к разным лицам» «о всех таковых обидах, откупом терпимых... и просил законной защиты», но все его просьбы, по его словам, «остались поныне без удовлетворения»⁴⁹. Из чего управляющий сделал закономерный вывод, что «полиция очевидно дает повод и послабление к дальнейшему кормчеству»⁵⁰.

Игра в преферанс. Худ. В.М.Васнецов

Не лучше выглядела и обстановка, так сказать, общественно-политическая. В 1820-х гг. в Киеве обреталось множество всяких подозрительных для властей личностей. Особая их концентрация наблюда-

⁴⁷ РГВИА. Ф.395. Оп.77/361–363. 2 отд. Д.178. Л.4.

⁴⁸ Там же. Л.6–7.

⁴⁹ Там же. Л.4–4об.

⁵⁰ Там же. Л.4об.

лась на знаменитых ежегодных январских контрактных ярмарках («контрактах») – торгах, на которых заключались контракты на поставки для армии. На ярмарки приглашались все желающие, съезжались окрестные помещики. В ходе контрактов шла активная игра в запрещенные законом азартные игры, возлияния часто бывали неумеренными, помещики и офицеры ссорились и дуэлировали, иногда дело доходило и до банальных драк.

Так, известна история января 1821 г., когда командир Вятского пехотного полка полковник Павел Кромин, проезжая во время контрактов через Киев, имел «историю» с отставным титулярным советником Щитковым, заядлым картежником. Кромин взял в долг у Щиткова 750 рублей, потом не захотел их отдавать – и в результате произошла банальная драка. В ходе драки Щитков первый «ударил его, Кромина», а полковник, «ухватив Щиткова за грудь», бил его «кулаком по носу, так что от ударов показалась кровь»⁵¹. «История» эта стала известна военному начальству отнюдь не потому, что ею заинтересовалась местная полиция. Прежде, чем о поведении Кромина и Щиткова узнали Раевский, Ковалев и полицмейстер Дуров, об этой истории «партикулярно» был извещен сам император Александр I. Расследование было начато только после прямого императорского распоряжения, и в итоге Кромин лишился должности полкового командира.

С 1823 г. за картежниками была установлена слежка, ни к чему, однако, не приведшая. Полицеймейстер Дуров, сам любивший поиграть в азартные игры, рапортовал по начальству, что помещики «приезжали сюда по своим делам домашних расчетов в контрактное время» и играли в карты «вечерами в своих квартирах, к коим временами съезжались знакомцы и также занимались в разные игры (так в тексте. – А.Г., О.К.), но значительной или весьма азартной игры, а также историй вздорных чрез оную не случалось во все время»⁵².

Кроме того, в Киеве активно действовали масоны, не закончившие свои собрания после императорского указа о запрещении масонских лож и тайных обществ (1822). В Петербург постоянно шли доносы на них⁵³, доносили о том, что «якобы существовавшая в Киеве масонская ложа не уничтожена, но переехала только из города в предместье Куреневку»⁵⁴. Однако проводившая по этому поводу следствие местная администрация ложи не обнаружила. «С того времени как последовало

⁵¹ Там же. Оп.73, 2 отд., 1821. Д. 1273. Л.6–7, 10 и др.

⁵² Державний архів Київської області (далее – ДАКО). Ф.2. Оп.3. Д.4634. Л.5.

⁵³ РГВИА. Ф.14414. Оп.1. Д.167. Л.1.

⁵⁴ Там же. Ф.36. Оп.3/847. Св.25. Д.12. Л.1.

предписание о закрытии существовавшей здесь ложи, она тогда же прекратилась, и могущие быть общества уничтожились, особенных же тайных сборищ по предмету сему здесь в городе и в отдаленностях окрестных, принадлежащих к городу по его пространству, никаких совершенно не имеется»⁵⁵, – доносил Дуров Ковалеву.

Особенную тревогу высших должностных лиц империи вызывали жившие в Киеве и его окрестностях поляки: их считали априорно виновными в антироссийских настроениях. Ковалеву и Дурову было поручено следить и за ними. Однако и эта слежка ни к чему не привела. «Суждений вольных я не заметил, кои были предметом моего наблюдения», – рапортовал Дуров своему начальнику⁵⁶. Польские помещики «ведут себя скромно и осторожно, стараются даже показывать вид особенно к правительству преданности», – докладывал Ковалев императору⁵⁷.

В Киеве начала 1820-х гг. можно было обнаружить не только корчемников, масонов, азартных игроков и неблагонадежных поляков. Город был излюбленным местом встреч членов тайного антиправительственного заговора. На киевских контрактах проходили так называемые съезды руководителей Южного общества во главе с Пестелем и генерал-интендантом 2-й армии Алексеем Юшневским. Кроме того, в 30-ти верстах от Киева, в уездном городе Василькове, был расквартирован полковой штаб Черниговского пехотного полка – соответственно, это был центр Васильковской управы Южного общества. Управой руководил подполковник Сергей Муравьев-Апостол, командир батальона в Черниговском полку.

Но если Пестель и Юшневский, проводя съезды, соблюдали все правила конспирации, то Сергей Муравьев-Апостол о сохранении тайны конспирации даже и не думал. Документы свидетельствуют: он был ярким харизматическим лидером, умевшим очаровывать людей и силой собственного властного обаяния вести их за собой. Причем сам он хорошо понимал эту свою способность, без сомнения причисляя себя к «энергичным вождям», чья «железная воля» – залог победы революции⁵⁸. Васильковская управа – самая решительная из всех южных управ – занималась активной вербовкой сторонников и почти открытой пропагандой военной революции и цареубийства. При этом Муравьев мог вести опасные разговоры, вообще не опасаясь преследования местных

⁵⁵ ДАКО. Ф.2. Оп.145. Д.320. Л.5.

⁵⁶ Там же. Оп.3. Д.4634. Л.5.

⁵⁷ Там же. Оп.147. Д.12. Л.1об., 2.

⁵⁸ ВД. М., 1954. Т.11. С.246.

властей: проведя кампанию 1814 г. «при генерале от кавалерии Раевском», участвуя вместе с ним в боях за Париж, он был своим человеком в киевском доме генерала. Кроме того, Муравьев-Апостол был не чужд и увлечения магнетизмом⁵⁹.

* * *

В марте 1823 г. киевскому безвластию пришел конец: на должность генерал-полицеймейстера 1-й армии был назначен генерал от инфантерии Федор Эртель. Первым заданием, которое он получил от армейского командования, было задание разобраться с ситуацией, сложившейся в Киеве.

Федор Эртель

Имя генерала Эртеля, начинавшего военную карьеру в гатчинских войсках цесаревича Павла, в конце XVIII–начале XIX вв. московского, а затем петербургского обер-полицеймейстера, а в 1812–1815 гг. генерал-полицеймейстера всех действующих армий, наводило на современников ужас. Согласно Вигелю, «сама природа» создала Эртеля «начальником полиции: он был весь составлен из капральной точности и полицейских хитростей. Когда, бывало, попадешь на Эртеля, то трудно от него отвязаться... Все знали ... что он часто делал тайные донесения о состоянии умов... всякий

мог опасаться сделаться предметом обвинения неотразимого, часто ложного, всегда незаконного, и хотя нельзя было указать ни на один пример человека, чрез него пострадавшего, но ужас невидимой гибели, который вокруг себя распространяют такого рода люди, самым неприятным образом располагал к нему жителей Москвы»⁶⁰. И даже те немногие современники, которые приветствовали полицейскую деятельность генерала, видя в ней точное исполнение «воли монарха» и собственных служебных обязанностей, признавали: Эртель любил дей-

⁵⁹ Там же. М.; Л., 1927. Т.4. С.233; Муравьев-Апостол М.И. Воспоминания и письма. Пг., 1922. С.76.

⁶⁰ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2003. Т.1. С.158.

ствовать тайно, «невидимо» и жестоко. В Москве у него была целая шпионская сеть, состоящая из «знатных и почтенных московских дам», получающих за свою работу крупные суммы⁶¹.

Сам Эртель в своей автобиографической записке сообщал, что был послан в Киев «1-е) для следствия о корчемниках, убивших трех и ранивших шесть человек; 2-е) для открытия масонской ложи с членами; 3-е) для отыскания азартных игроков»⁶². Действия Эртеля по наведению порядка в городе, по прекращению «криминального разврата» были активными и успешными.

Искореняя кормчество, Эртель привлек к наблюдению за корчемниками платных агентов – нижних чинов из 3-го и 4-го пехотных корпусов. Вскоре это принесло результаты. По делу о корчемстве было арестовано около 100 человек, в основном солдат и мещан. Под суд попали 11 офицеров – начальников военных подразделений, чьи солдаты активно занимались кормчеством⁶³.

В Петербург Эртель регулярно присылал списки «подозреваемых в азартных картежных играх, которые здесь в Киеве живут только временно, а по большей части по большим ярмонкам во всей разъезжают России». Среди «подозреваемых» оказался, кстати, и родной брат киевского полицеймейстера Дурова⁶⁴. По ходу следствия о картежниках было решено от лиц, «в списке поименованных... отобрать... подписки, коими обязать их иметь постоянно и безотлучно свое пребывание в местах, какие себе изберут, и что ни в какие игры играть не будут, затем, поручив их надзору местных полиций, отнять у них право выезжать по чьему бы то ни было поручительству»⁶⁵.

Наибольший интерес Эртеля вызвала слежка за масонами. Основываясь на тайных розысках, генерал выяснил, что, «коль скоро воспоследовал указ 1822 года августа 1-го о закрытии тайных обществ, тотчас киевские ложи прекратили свое существование», однако от закрытых лож, «можно сказать, пошли другие отрасли масонов». Секретная деятельность масонов, согласно собранным Эртелем сведениям, заключалась в том, что они магнетизировали друг друга, давали друг другу деньги в долг, ели на масленицу 1824 г. «масонские блины», а за год до

⁶¹ Второв И.А. *Москва и Казань в начале XIX в. Записки И.А. Второва // Русская старина. 1891. Т.LXX. Кн.4. С.11.*

⁶² *Рукописный отдел Института русской литературы. Ф.617. Д.1. Л.6.*

⁶³ *РГВИА. Ф.395. Оп.77/361–363. 2 отд. Д.178. Л.27–31.*

⁶⁴ *Там же. Ф.14414. Оп.1. Св.25. Д.181. Л.5–6; См. также: Там же. Ф.846. Оп.16 (ВУА). Д.800.*

⁶⁵ *Там же. Ф.14414. Оп.1. Св.25. Д.181. Л.8.*

этого тайно собирались «каждое воскресенье по полудни в пять часов» и гуляли во фруктовом саду «до поздней ночи»⁶⁶.

Конечно же, деятельность киевских масонов никакой опасности для государства не представляла. Однако Эртель всеми силами стремился доказать, что на самом деле они занимаются «подстреканием революции»⁶⁷. Руководил же этими «подстрекателями», по мнению генерал-полицеймейстера, корпусный командир генерал Раевский. «Отставной из артиллерии генерал-майор Бегичев тотчас по уничтожении масонов, прибежав к отрасли масонского заговора, то есть... открыл магнетизм, которому последовал и г[осподин] генерал Раевский со всем усердием, даже многих особ в Киеве сам магнетизировал», – сообщал он в марте 1824 г. в Могилев, в штаб 1-й армии⁶⁸.

Ведя полицейскую и разведывательную деятельность, регулярно докладывая о ней в штаб 1-й армии и лично императору, Эртель постоянно выносил, так сказать, «частные определения» в адрес местных – военных и гражданских – властей. «Военная полиция не имеет никаких чиновников, а на тамошнюю гражданскую полицию нельзя положиться, чтобы ожидать желаемого успеха»; «происшествия (связанные с кормчеством. – *А.Г., О.К.*) ... суть следы послабления местного гражданского начальства»; «обыватели, не имея примеров наказанности, полагали простительным, а воинские чины, видя частое их упражнение и будучи ими же подучаемы, не вменяли себе в преступление кормчество. Но отлучка их по ночам на 5 верст за город означает слабость употребленного за ними надзора ближайших начальников», – резюмировал генерал-полицеймейстер. Соглашаясь с мнением Эртеля о ненадежности киевских властей и полиции, армейское начальство командировало в его распоряжение целый штат следователей и полицейских⁶⁹.

Расследование Эртеля закончилось для Раевского в ноябре 1824 г. увольнением в отпуск «для поправления здоровья», но всем было понятно, что к обязанностям корпусного командира он больше не вернется. «Известно, что государь Александр Павлович, не жалуя Раевского, отнял у него командование корпусом, высказав, что не приходится корпусному командиру знакомиться с магнетизмом»⁷⁰, – констатировал хорошо знавший генерала Матвей Муравьев-Апостол. Вскоре на место

⁶⁶ Там же. Д.183. Л.1, 3об., 4об–5.

⁶⁷ Там же. Л.3.

⁶⁸ Там же. Л.3об.

⁶⁹ Там же. Ф.395. Оп.77/361–363. 2 отд. Д.178. Л.3, 33, 39–39об.

⁷⁰ Муравьев-Апостол М.И. Указ. соч. С.76.

скомпрометировавшего себя магнетизера был назначен Алексей Щербатов.

Приезд Эртеля и отставка Раевского не смогли заставить Сергея Муравьева-Апостола стать осторожнее. И он сам, и его сподвижники по-прежнему часто бывали в Киеве и вели там громкие и опасные разговоры – гласно, открыто и, в общем, никого не опасаясь. Почти открыто Васильковская управа проводила переговоры с Польским патриотическим обществом; речь шла о совместном с поляками революционном перевороте. На контрактах 1824 г., уже при Эртеле, Муравьев и его друг, подпоручик Полтавского пехотного полка Михаил Бестужев-Рюмин, обсуждали с поляками животрепещущую тему о том, что необходимо «уничтожить вражду, которая существует между двумя нациями, считая, что в просвещенный век, в который мы живем, интересы всех народов одни и те же и что закоренелая ненависть присуща только варварским временам». А для того следовало заключить русско-польский революционный союз, в котором поляки обязывались подчиняться русским заговорщикам и признать после победы революции республиканское правление. Взамен же полякам была обещана независимость и даже территориальные уступки: они могли «рассчитывать на Гродненскую губернию, часть Виленской, Минской и Волынской»⁷¹.

Между тем под подозрение Эртеля быстро попали люди, входившие в ближайшее окружение Муравьева-Апостола. Руководитель Васильковской управы тесно общался с «подозрительным» поляком, масоном и магнетизером графом Александром Хоткевичем, и именно от него южные заговорщики узнали о существовании Польского патриотического общества.

В списке масонов, пересланном Эртелем в Петербург, оказались два бывших адъютанта Раевского, участники Союза благоденствия Алексей Капнист и Петр Муханов. Капнист был близким родственником Муравьева, а Муханов – его светским приятелем. Кроме того, в списке Эртеля попал зять Раевского, руководитель Кишиневской управы заговорщиков Михаил Орлов⁷². Сам Муравьев-Апостол, бывший командир роты в Семеновском полку и участник «истории», регулярно входил в списки «подозрительных» офицеров 1-й армии; за ним предписывалось иметь особый бдительный надзор⁷³.

Исследователей, изучающих деятельность генерал-полицеймейстера, ставит в тупик простой вопрос. Как могло случиться, что он, полицей-

⁷¹ ВД. Т.9. С.72–73.

⁷² РГВИА. Ф.14414. Оп.1. Д.183. Л.2–2об.

⁷³ См., напр.: Там же. Д.186.

ский с огромным опытом, лова картежников, поляков и масонов, все же не сумел разглядеть у себя под носом военный заговор с царубийственными намерениями? У Эртеля в 1823 – 1824 гг. был неплохой шанс вмешаться в ход истории, предотвратить и Сенатскую площадь, и восстание Черниговского полка. Однако факт остается фактом: ни в одном известном на сегодняшний день донесении генерал-полицеймейстера фамилия Сергея Муравьева-Апостола не упоминается. А следствие о «тайном обществе» так и ограничилось поисками масонов и магнетизеров.

О причинах этой роковой ошибки можно только гадать. Но гадать следует в совершенно определенном направлении.

* * *

В первых числах апреля 1824 г. в Петербурге появился польский помещик и масон, член Польского патриотического общества и киевский губернский предводитель дворянства (маршал) граф Густав Олизар. Олизар, известный своими вольнолюбивыми взглядами и нескрываемой ненавистью к крепостному праву, был другом Сергея Муравьева-Апостола. Кроме того, поляк был весьма близок к семейству генерала Раевского, в 1823 г. сватался к его дочери Марии, но получил отказ – по «конфессиональным» и «национальным» соображениям. Отказ этот Олизар переживал весьма болезненно, и Муравьев был одним из «утешителей» поляка. За Олизаром Эртель вел усиленную слежку, не без оснований подозревая его в антиправительственной деятельности.

Когда граф собрался в столицу, генерал Толь, основываясь на результатах слежки Эртеля, извещал Дибича: «Легко быть может, что цель поездок графа Олизара есть та, чтоб посредством тайных связей или членов своих, в различных управлениях в С[анкт-]Петербурге находиться могущих, выведать о последствиях поездки генерала Эртеля и стараться отвращать меры, которые против сего принимаемы будут». Следить за Олизаром следовало, прежде всего, для выявления круга его общения⁷⁴. В столице он пробыл около месяца, и все время за ним велась слежка, которую, по просьбе Дибича и Потапова, непосредственно курировал столичный обер-полицеймейстер генерал-лейтенант Иван Гладков⁷⁵. В итоге граф был выслан обратно в Киев без объяснения причин.

⁷⁴ РГВИА. Ф.14414. Оп.1. Д.183. Л.9–9об.; Ф.36. Оп.3/847. Св.4. Д.12. Л.2.

⁷⁵ Там же. Ф.36. Оп.3/847. Св.4. Д.12. Л.2

Но за этот месяц граф успел подробно рассказать своим столичным друзьям о ситуации в Киеве. Слухи о миссии Эртеля мгновенно проникли в среду и петербургских, и московских конспираторов и посеяли среди них панику. Всем стало ясно: опытный сыщик, он очень скоро обнаружит и реальный, а не мифический масонский заговор. И первой жертвой генерал-полицеймейстера вполне может стать Сергей Муравьев-Апостол.

«Вскоре по первом приезде генерала Эртеля разнесся слух, что он имеет тайное повеление разведать о заведенном на юге обществе, к которому принадлежал будто бы и подполковник Муравьев; все меры, принятые г. Эртелем, то свидетельствовали», – показывал на допросе Муханов⁷⁶. Другой заговорщик, Петр Свистунов, услышав, что Эртель послан в Киев «для надзора над поляками», «заклучил, что должны быть сношения между поляками и Обществом юга»⁷⁷.

У жившего же в 1824 г. в столице брата Сергея Муравьева-Апостола, Матвея, полученное от Олизара известие вызвало настоящую истерику. На следствии Матвей Муравьев показывал: узнав, что «генерал от инфантерии Эртель в Киев приехал и что никто не знает, зачем он туда послан», он решил, что его брата арестовали – тем более, что уже несколько недель не получал от Сергея писем.

Своими опасениями Матвей Муравьев-Апостол поделился с Пестелем. Пестель весной 1824 г. тоже жил в столице и участвовал в «объединительных совещаниях» – неудачной попытке договориться о совместной деятельности со столичной тайной организацией. «Я видел Пестеля и сказал ему что, верно, Южное общество захвачено и что надобно бы здесь начать действия, чтобы спасти их. Пестель мне сказал, что я хорошо понимаю дела», – показывал Матвей, задумавший для спасения брата немедленно убить императора⁷⁸. «Я с ним соглашался, что ежели брат его захвачен, то, конечно, нечего уже ожидать»⁷⁹, – подтверждал Пестель на следствии.

Вскоре Матвей Муравьев-Апостол получил письмо от брата, и вопрос о немедленном царевубийстве и восстании был снят с повестки дня. Однако спустя несколько месяцев, в октябре 1824 г., он опять предупредил Пестеля и других, чтобы они «были осторожны, что в Киеве живет генерал Эртель нарочито, чтоб узнавать о существующем тайном

⁷⁶ ВД. М.; Л., 1927. Т.3. С.139–140.

⁷⁷ Там же. М., 1976. Т.14. С.339.

⁷⁸ Там же. Т.9. С.259.

⁷⁹ Там же. Т.4. С.187.

обществе, кое уже подозреваемо правительством»⁸⁰. Пестель же, вернувшись из Петербурга на юг, осенью 1824 г. отстранил Сергея Муравьева от переговоров с Польским патриотическим обществом – за нарушение правил конспирации⁸¹.

Скорее всего, Трубецкой – по должности старшего адъютанта – еще с 1823 г. знал о приезде Эртеля в Киев. Однако рассказы Олизара сделали эту информацию актуальной. В показаниях князя содержится любопытное свидетельство о встрече с поляком: «Г[осподин] Олизар приезжал сюда, кажется, в 1823 году; я встретился с ним, и меня познакомили и сказали, что он очень влюблен в одну из дочерей генерала Раевского, который не соглашается отдать ее за него <...> Он мне сделал визит. Между тем осведомился я также, что он здесь в подозрении, потому что слишком вольно говорит, я дал ему о сем сведение, прося, чтобы меня ему не называли, но посоветовали бы ему быть осторожным. Тем сношения мои с ним и ограничились»⁸².

Показания эти примечательны. Во-первых, Трубецкой имел доступ к секретной информации о слежке за Олизаром. Во-вторых, примечательна дата встречи, которую называет Трубецкой: по его словам, граф приезжал, «кажется, в 1823 году». Конечно, князь откровенно лгал: Олизар приехал в разгар петербургских «объединительных совещаний». Последствием этого приезда был «цареубийственный» план Матвея Муравьева-Апостола, поддержанный Пестелем. Участник всех этих событий, Трубецкой не мог просто так «забыть» год приезда опасного поляка. С полной уверенностью можно утверждать, что, давая показания, Трубецкой не желал, чтобы в сознании следователей визит Олизара в столицу увязывался с его отъездом в Киев.

Между тем решение князя поехать в Киев было, скорее всего, результатом этой встречи и последовавших за нею событий. Принимая должность в штабе Щербатова, Трубецкой не мог не понимать: эта авантюрная поездка вполне могла обернуться катастрофой лично для него. Но деятельность Эртеля угрожала не только Сергею Муравьеву, его давнему, близкому другу и однополчанину. Она несла в себе смертельную угрозу тайному обществу. Служба в Киеве давала князю шанс спасти заговор – дело всей его жизни.

Очевидно, именно поэтому Трубецкой проявил немалую настойчивость, добиваясь для себя должности дежурного штаб-офицера.

⁸⁰ Там же. Т.9. С.214.

⁸¹ Там же. Т.9. С.132; Т.4. С.116.

⁸² Показания Трубецкого в деле А.О. Корниловича // ВД. М., 1969. Т.12. С.332–333.

* * *

Обязанности Трубецкого по новой должности были, в общем, сродни тем, которые он исполнял в Главном штабе: он должен был инспектировать входившие в корпус воинские подразделения, наблюдать за личным составом корпуса. Дежурный штаб-офицер мог – «за упущение должности» – арестовывать обер-офицеров, а нижних чинов «за малые преступления» просто наказывать без суда⁸³. Он был обязан «наблюдать за охранением благоустройства и истреблением бродяжничества, неуповозволительных сходбищ, игр, распутства и малейшего ропота против начальства»⁸⁴. Дежурному штаб-офицеру подчинялся обер-гевальдигер, главный полицейский чин корпуса.

Непосредственным начальником Трубецкого был начальник корпусного штаба, генерал-майор Афанасий Красовский. Красовский служил в действительной службе с 1795 г., участвовал в Отечественной войне и заграничных походах, был награжден – за храбрость – чинами и орденами и несколько раз ранен. Получив в 1819 г. «для излечения от ран» позволение состоять по армии, Красовский, несмотря на неоднократные предложения, отказывался вернуться в действительную службу. В армии знали: он устал, дают себя знать старые раны и «нервическая горячка», и он только ждет случая, чтобы оставить службу⁸⁵.

Афанасий Красовский

Красовский был очень близким, семейным другом Закревского: например, в 1821 г., когда и сам Закревский, и его жена тяжело заболели, он специально приехал в столицу и ухаживал за больными⁸⁶. Закревский уговаривал своего друга не оставлять службы и искал для него должно-

⁸³ ПСЗРИ. Т.32. С.59.

⁸⁴ Там же. С.53, 59

⁸⁵ РГВИА. Ф.14414. Оп.10/291. Св.64(277). Д.382. Ч.1. Л.8–10; Оп.9/292. Св.4(181). Д.95. Л.474–475; 482–486; Оп.9/292. Св.5(182). Д.159. Л.95–96.

⁸⁶ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф.41. Карт.97. Ед.хр.5. Л.5об.

сти, не требующей присутствия во фронте: в частности, предлагал ему стать генерал-полицеймейстером 2-й армии со штабом в Тульчине. Однако от этой должности Красовский отказался⁸⁷. В мае 1823 г. он был назначен начальником штаба 4-го корпуса, но сразу после падения Волконского и Закревского снова стал проситься в отставку. В ноябре того же года он писал Дибичу: «При самом возобновлении трудов, сопряженных со службою, я опять начал чувствовать самые жестокие болезненные припадки от раны в правом боку... В горестном положении моем приемлю смелость Ваше высокопревосходительство убедительнейшее просить... снисхождения позволением вашим и ходатайством о увольнении меня от службы»⁸⁸. Просьбу эту поддержал Раевский – тогда еще корпусный командир.

В 1824 г. военные власти решали вопрос о том, в какой форме Красовскому следует дать возможность заниматься собственным здоровьем. Император, ценивший генерала, «высочайше повелеть соизволил... вместо увольнения генерал-майора Красовского вовсе от службы, отпустить его в отпуск до излечения ран с производением жалованья»⁸⁹. Конкретизируя высочайшее распоряжение, Дибич сообщил начальнику штаба, что он может ехать в столицу «для совета с медиками для лечения своей болезни»⁹⁰.

Настаивая на назначении Трубецкого на должность дежурного штаб-офицера, Дибич понимал, конечно, что должность эта временная для старшего адъютанта. Красовский служить не хотел, и в случае его отсутствия полковник Трубецкий должен будет исполнять его обязанности. Так и произошло: уехав в июне 1825 г. из Киева, Красовский спокойно передал дела дежурному штаб-офицеру⁹¹. По-видимому, и сам Красовский желал передать свою должность Трубецкому: отношения между ними стали доверительными и дружескими с самого приезда полковника в Киев.

Таким образом, есть все основания полагать, что – не случись восстания 14 декабря – Трубецкого ожидало скорое повышение по службе и, возможно, генерал-майорский чин.

⁸⁷ Киселев П.Д. – Закревскому А.А. 10 января 1823 г. // ИРИО. Т.78. С.269; Закревский А.А. – Киселеву П.Д. 31 января 1823 г. // Там же. С.110; См. также: РГВИА. Ф.14414. Оп.9/292. Св.5(182). Д.159. Л.95–96.

⁸⁸ РГВИА. Ф.846. Оп.16 (ВУА). Д.17117. Л.2.

⁸⁹ Там же. Ф.395. Оп.76. 2 отд. 1 ст. Д.406. Л.13.

⁹⁰ Там же. Ф.846. Оп.16 (ВУА). Д.17117. Л.1.

⁹¹ Там же. Ф.16231. Оп.1. Д.749. Л.510, 596, 627 и др.; Л.667об.

В 1825 г., при явном попустительстве начальника корпусного штаба, в руках Трубецкого сконцентрировалась немалая власть, и прежде всего власть полицейская. Причем не только над войсками 4-го корпуса, но, поскольку генерал-губернатор в Киеве отсутствовал, и над городом. Принимая назначение в Киев, Трубецкой не потерял и должности старшего адъютанта Главного штаба, а потому был практически независим и от киевских властей, и от Щербатова, и даже от Сакена и Толя. И мог сообщать обо всем напрямую в Петербург, Дибичу и Потапову. Полномочия Трубецкого во многом сомкнулись с полномочиями Эртеля.

В начале своей деятельности в Киеве генерал-полицеймейстер сетовал, что ни среди киевских полицейских, ни в 4-м корпусе нет «надежного чиновника», который мог бы помочь ему проводить следствие⁹². Очевидно, что в 1825 г. такой «чиновник» нашелся и им оказался князь Трубецкой. Как видно, например, из дел по кормчеству, Трубецкой активно помогал Эртелю в расследовании. Генерал-майор Михаил Орлов, отошедший к 1825 г. от заговора, показывал на следствии, что по приезде в Киев Трубецкой стал часто посещать его. «Я, привыкший к пытке и к обороне, думал, что он тоже станет меня склонять к вступлению в Общество, но он ничего не говорил, кроме о общих предметах, и сие меня нисколько удивило», – писал Орлов⁹³. Можно предположить, что Трубецкой, знавший об охлаждении Орлова к «общему делу», приходил к генералу вовсе не для того, чтобы «склонить» его вернуться в заговор. Орлов, зять Раевского, как уже говорилось выше, подозревался Эртедем в масонской деятельности и уже по одному этому был достоин внимания дежурного штаб-офицера.

Правда, полицейская деятельность Трубецкого по крайней мере один раз чуть не была сорвана. После высылки из Петербурга в Киев появился Олизар. Доверчивый и пылкий граф, так и не справившийся со своими душевными переживаниями, принял с благодарностью рассказывать о Трубецком, предупредившем его о петербургской слежке. «В бытность мою в Киеве я узнал от Бестужева (Михаила Бестужева-Рюмина. – А.Г., О.К.), что Олизар хвалился мной, что я ему оказал услугу, и что сие доведено было до сведения общества в Варшаве (Польского патриотического общества. – А.Г., О.К.)». И «на поступке сем основались, чтоб удостоверить членов Польского общества, что члены русского помогают полякам». Естественно, что Трубецкой счел невозможным возобновить в Киеве петербургское знакомство с Олизаром⁹⁴.

⁹² Там же. Ф.395. Оп.77/361–363. 2 отд. Д.178. Л.3.

⁹³ ВД. М., 2001. Т.20. С.173.

⁹⁴ Там же. Т.12. С.333.

Тут стоит, однако, отметить, что информация, привезенная из столицы Олизаром, из круга заговорщиков, по-видимому, все же не вышла. Разделивший с Эртелем полицейские труды, дежурный штаб-офицер остался вне подозрений.

Трубецкой, конечно же, сделал все, чтобы спасти от разгрома Васильковскую управу и ее руководителя. О том, каким конкретно образом князь смог вывести своего друга из-под удара и спасти заговор, исследователи, наверное, уже никогда не узнают. Но в одном из «оправдательных» рапортов, написанном в конце декабря 1825 г., корпусный командир Щербатов утверждал: «Все сведения, полученные мною ... удостоверили меня, что как в войске, так и в городе не замечено никаких собраний, ни разговоров, сумнению подлежащих»⁹⁵.

8 апреля 1825 г. 58-летний Эртель умер. Смерть его была загадочной: чувствуя симптомы болезни, лихорадку, он тем не менее отправился в Могилев, в штаб 1-й армии. И скончался по приезде в этот город. Вне зависимости от того, была ли эта смерть естественной или насильственной, она была на руку Трубецкому (в киевской квартире которого при обыске была найдена банка с мышьяком⁹⁶).

Следственные дела, которые Эртель не успел довести до конца, после его смерти просто перешли в руки дежурного штаб-офицера 4-го корпуса. Так, с июня 1825 г. Трубецкой фактически руководил разбирательством по кормчеству, давал предписания соответствующей военно-судной комиссии, получал из нее копии допросов арестованных и т.п.⁹⁷. Расследование же о «неблагонадежных» картежниках, поляках и масонах, которое прямо входило в обязанности дежурного штаб-офицера, странным образом вообще остановилось.

Заговорщики после смерти Эртеля могли действовать, вообще никого не опасаясь.

* * *

Узнав о скором приезде в Киев Трубецкого, Сергей Муравьев-Апостол был весьма обрадован предстоящей встрече с другом. Он надеялся встретить в князе лидера столичной конспирации, приезжающего для того, чтобы договориться наконец с южными заговорщиками о совместных действиях. Анонсируя приезд Трубецкого, Муравьев писал участнику заговора полковнику Василию Тизенгаузену: «Я уверен, что

⁹⁵ Цит. по: Щербатов А.Г. Указ. соч. С.196.

⁹⁶ ВД. Т.1. С.78.

⁹⁷ РГВИА. Ф.16231. Оп.1. Д.749.

он вам понравится своим характером и мыслями»⁹⁸. Тизенгаузен не был убежденным революционером, он постоянно сомневался в правильности собственных действий, и Муравьев был уверен, что знакомство с Трубецким сделает полковника более решительным.

Однако, как свидетельствует частная переписка руководителя Васильковской управы, Трубецкой поначалу не оправдал его ожиданий. В письме к брату Матвею Муравьев сетовал, что князем по приезде овладела «петербургская бесстрастность и осторожность»⁹⁹. Он просил брата приехать в Киев, «дабы заставить действовать Трубецкого над 4-м корпусом»¹⁰⁰. Своими сомнениями относительно Трубецкого руководитель Васильковской управы поделился с некоторыми своими соратниками – в частности, с молодым и рвущимся «в дело» прапорщиком Федором Вадковским. И Вадковский советовал одному из вновь вступивших в общество офицеров «не открываться Трубецкому, который своим равнодушием может вредно повлиять на его пылкое молодое сердце»¹⁰¹.

Однако после смерти Эртеля Трубецкой будто преобразился. Уже в апреле 1825 г. в его киевской квартире Сергей Муравьев-Апостол принял в общество штабс-капитана гвардейского Генерального штаба Александра Корниловича¹⁰². В июле Муравьев сообщал брату: князь не только «искренне присоединяется к Югу, но и обещает присоединить к нему весь Север – дело, которое он действительно исполнит и на которое можно рассчитывать, если он обещает»¹⁰³. Руководитель Васильковской управы приписывал эту перемену влиянию на Трубецкого подпоручика Бестужева-Рюмина. Однако представляется, что причину в данном случае следует искать вовсе не в чьем-то постороннем влиянии.

С лета 1825 г. квартира Трубецкого становится местом постоянных встреч заговорщиков. Михаил Орлов показывал на следствии, что «у Трубецкого вскоре поселились почти без выходу Сергей и Матвей Муравьевы с Бестужевым»¹⁰⁴. Его показания подтверждал и сам Трубецкой: «9-я дивизия начала ходить в караул в Киев, я стал часто видеться с

⁹⁸ ВД. М., 1954. Т.11. С.246.

⁹⁹ Цит по: Порох И.В. Восстание Черниговского полка // Очерки из истории движения декабристов. М., 1954. С.148.

¹⁰⁰ ВД. Т.9. С.189.

¹⁰¹ Там же. Т.11. С.198.

¹⁰² Там же. С.256.

¹⁰³ Цит по: Порох И.В. Указ. соч. С.148.

¹⁰⁴ ВД. Т. 20. С. 173.

Муравьевым и Бестужевым», «Муравьев и Бестужев, приезжая в Киев, останавливались у меня»¹⁰⁵.

Командир Киевского драгунского полка подполковник Максим Гротенгельм показывал, что, зайдя однажды к Трубецкому, он застал в его квартире не только Сергея Муравьева-Апостола, но и других видных деятелей Васильковской управы: полковников Швейковского и Тизенгаузена. При этом Муравьев открыто рассуждал о том, «какое правление лучшее и что конституциональное есть по нынешним временам превосходнейшее, замечая при том, что все вообще состояния в России теперешним положением своим недовольны»¹⁰⁶.

Разговоры о всеобщем недовольстве, будущей конституции и возможной революции зазвучали на квартире дежурного штаб-офицера столь громко, что их испугалась жена князя, Катерина Трубецкая. Согласно воспоминаниям ее сестры, Зинаиды Лебцельтерн, во время одного из таких разговоров княгиня отозвала в сторону Сергея Муравьева-Апостола и сказала ему: «Ради бога, подумайте, что вы делаете, вы и нас всех погубите, и свои головы положите на эшафот». На это руководитель Васильковской управы, согласно мемуаристке, ответил: «Неужели вы думаете, княгиня, что мы не делаем все, что нужно, чтобы обеспечить успех наших замыслов? К тому же речь идет о совершенно неопределенном времени, не бойтесь же»¹⁰⁷.

Осенью 1825 г. Трубецкой и Сергей Муравьев-Апостол составили совместный план революционного переворота, согласно которому следовало «начинать действие, не пропуская 1826-й год». «В случае успеха в действиях» следовало «вверить временное правление Северному обществу, а войски собрать в двух лагерях, одном под Киевом, под начальством Пестеля, другом под Москвою». Одновременно должно было начаться и восстание в Петербурге¹⁰⁸.

В ноябре 1825 г. Трубецкой оказался в столице. Оказался случайно, приехав в краткосрочный отпуск. Причина этого отпуска была частной, семейной. Брат его жены, корнет лейб-гвардии Конного полка Владимир Лаваль, проигравшись в карты, покончил жизнь самоубийством¹⁰⁹. Собственно, целью поездки князя в столицу было свидание с убитыми горем родителями жены. Однако в Петербурге Трубецкой услышал о смерти Александра I и решил дождаться развязки событий.

¹⁰⁵ Там же. Т.1. С.35.

¹⁰⁶ Там же. Т.4. С.238.

¹⁰⁷ Лебцельтерн З.И. Катерина Трубецкая // Звезда. 1975. № 2. С.184.

¹⁰⁸ ВД. Т.4. С.284, 103–104; Т.9. С.190.

¹⁰⁹ РГВИА. Ф.35. Оп 3/244. Св.144. Д.1662. Ср.: Муравьев-Апостол М.И. Указ. соч. С.85.

* * *

19 декабря 1825 г. главнокомандующий 1-й армией Остен-Сакен узнал о восстании на Сенатской площади. Узнал он о нем, что называется, «из первых рук»: в Могилев из столицы вернулся начальник армейского штаба генерал Толь. Толь не только был свидетелем восстания, но и принимал участие в первых допросах арестованных – в частности, в допросе Трубецкого.

Основываясь на рассказе Толя и собранных Эртелем сведениях, Сакен написал письмо князю Щербатову. Главнокомандующий поведал, что с помощью «секретного разведывания» «обнаружено было существование тайного союза в Киеве», цель которого, «по основательному подозрению, клонилась к ниспровержению законной императорской власти». «Сомнения сии оправдались ныне совершенно. Союз обнаружен и часть сообщников созналась. Остается теперь открыть весь круг преступного общества сего», – констатировал Сакен. Корпусному командиру был передан личный приказ нового императора – «принять самые деятельные, но осторожные меры к открытию дальнейших отраслей сего союза, части коего существуют точно в 4-м пехотном корпусе».

Сообщая Щербатову об аресте его подчиненного, Сакен утверждал: «Сколь мало можно верить в нынешнее время окружающим, это показывает дежурный штаб-офицер вверенного вам корпуса князь Трубецкой, один из главных участников заговора, который, будучи изобличен, пав к стопам государя, сам во всем сознался и теперь содержится в крепости впредь до окончания дела»¹¹⁰.

Тогда же, вернувшись из столицы, генерал Толь написал письмо Красовскому. В письме содержались весьма справедливые упреки: «Опыт настоящих происшествий показал, что несомненная уверенность в общей правоте есть слабость, пагубная для общего блага. Везде оказались отрасли злонамеренных. Замыслы их давно бы были уничтожены, если бы они были преследуемы подозрением и начальство не имело слепой доверенности. А потому я нахожу, что лучше везде подозревать, нежели отвергать всякую мысль злонамерения. Вы, конечно, более уверились теперь в необходимости правила сего, *ибо к кому был ближе кн. Трубецкой, как не к вашему превосходительству* (курсив наш. – А.Г., О.К.)? Правота подозрением нимало не может оскорбиться. Я сам нисколько не почел бы обидою для себя, если бы у меня был сделан осмотр

¹¹⁰ *Материалы о восстании Черниговского полка из архива А.Г. Щербатова // Письма и материалы / Под ред. Н.П. Чулкова. М., 1938. С.15.*

бумаг моих; напротив того, долгом почту во всякое время представить готовность мою к открытию неприкосновенности моей»¹¹¹.

«Касательно князя Трубецкого я не имею слов изъяснить Вашему сиятельству моего удивления о его поступке... я никогда не мог вообразить, чтобы он мог участвовать в преступном заговоре», – оправдывался Щербатов в ответном письме Сакену. Про Красовского корпусный командир сообщал, что «его усердие и преданность к престолу» не подлежат сомнению¹¹².

Не веря корпусному начальству, подозревая и Щербатова, и Красовского в потворстве заговорщикам, начальство армейское отправило в Киев старшего адъютанта штаба 1-й армии, гвардии капитана Василия Сотникова. Сотникову предстояло «наблюдать образ мыслей и действия всех чинов корпусного штаба 4-го пехотного корпуса»¹¹³.

Трудно сказать, удалось бы Сотникову обнаружить Васильковскую управу, не случись восстания Черниговского полка, или по-прежнему источником крамолы военные власти считали бы «недобитую» масонскую ложу. Однако события, произошедшие в ночь с 28 на 29 декабря 1825 г., начало южного восстания, сделали «тайные розыски» неактуальными. «Наблюдать» Сотникову пришлось, прежде всего, за настроениями в городе в связи с этим восстанием.

Заключение

Биография Сергея Трубецкого в том виде, в каком она излагается в большинстве работ о заговоре 1820-х годов, насквозь легендарна. Согласно легенде, Трубецкой – ТОТ, КТО НЕ

ВЫШЕЛ НА ПЛОЩАДЬ, в решающий момент испугался, изменил, предал своих товарищей. Между тем жизнь и деятельность князя вовсе не замыкались в том, что в историографии принято называть «движением декабристов», и уж тем более не ограничивались «площадью».

Сергей Муравьев-Апостол был уверен: Трубецкой – «человек, заслуживающий доверия»¹¹⁴. Эту уверенность с руководителем Васильковской управы разделяли не только участники заговора, но и высшие должностные лица империи, включая императора Александра I. Трубецкой, как следует из документов, обладал редким даром входить в доверие к окружавшим его людям, делать их своими союзниками. Од-

¹¹¹ ВД. М.; Л., 1929. Т.6. С.333.

¹¹² Цит. по: Щербатов А.Г. Указ. соч. С.196–197.

¹¹³ РГВИА. Ф.14414. Оп.1. Д.195. Ч.1. Л.45–46, 50об.

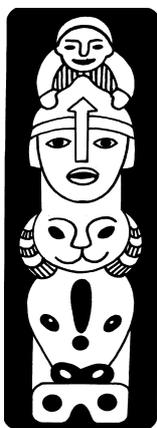
¹¹⁴ Цит по: Порох И.В. Указ. соч. С.148.

«ЧЕЛОВЕК, ЗАСЛУЖИВАЮЩИЙ ДОВЕРИЯ»

нако и в заговоре, и на службе князь был самостоятельной фигурой, доверяя по преимуществу только самому себе. Опытный и осторожный политик, князь сорвал масштабную полицейскую операцию по выявлению тайного общества в Киеве. И тем обманул доверие своих начальников, сделав возможными и восстание на Сенатской площади, и восстание Черниговского полка.

Однако и 14 декабря он обманул ожидания доверившихся ему товарищей по заговору. Комментируя «невыход» князя «на площадь», М.Н.Покровский отмечал: «На деле этот гвардейский полковник был чуть ли не более штатский человек, чем Рылеев; он именно потому и провалил заговор, что густые эполеты совсем к нему не шли. Довольно, впрочем, обычная история храброго солдата, становящегося трусливым генералом»¹¹⁵. Покровский неправ. Вся служебная биография Трубецкого, а особенно последний ее год, свидетельствует не только о личной храбрости, но и о немалом политическом мужестве заговорщика. Однако трудно было бы ждать от того, кто не был пешкой в игре Дибича и Эртеля, роли пешки в игре Рылеева и Сергея Муравьева-Апостола. Для «невыхода на площадь» у князя были свои, веские основания, анализ которых требует отдельного исследования.

¹¹⁵ Покровский М.Н. Указ. соч. С.IX.

Сергей Эрлих

**«ДЕРЗАЮЩИМ
ПРОТИВУ ИХ НА БУНТ
И ИЗМЕНУ, АНАФЕМА»**

**МИФОЛОГЕМА «ДЕКАБРИСТЫ»
В ПУБЛИЦИСТИКЕ
ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАРХИСТОВ
XXI ВЕКА**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
93/94

The political rhetoric in Russia relies on two 'principal' myths, myth of power and myth of opposition. In the myth of power the first person of the state is presented as an embodiment of Saint George crushing the serpent of the external enemies and their internal agents. In the opposition myth fighters against the establishment are presented as knights-Decembrists who took the unequal fight against the dragon of autocracy. When the myth of power is attached to the Decembrist rebels it transmutes into the counter-myth. The criticism is carried on from two standpoints that are hardly compatible. The first standpoint is the standpoint of pragmatists in power. Technologists of power understand that transfer of the Decembrists to the ranks of "bad" heroes of the black-and white historical memory is tantamount to elimination of extremely important symbolic foothold of all dissidents. So they, with no excessive enthusiasm, are engaged in re-writing of history within limits set out in the office circular. Political writers clustering around the various Orthodox organizations of national-patriotic orientation act in a quite different way. The Orthodox monarchists are disinterested romanticists of the isolationist authoritarian regime. They believe that the Russian people will begin in accordance with notions of Orthodoxy, autocracy and national spirit if the Decembrists are erased from the historical memory.

Ключевые слова: историческая память; миф власти; миф оппозиции; декабристы; ортодоксальные монархисты.

Key words: historical memory, myth of power, myth of opposition, Decembrists, Orthodox monarchists.

E-mail: ehrlich@mail.ru

«Должен ли православный человек быть монархистом?»

Политическая риторика России опирается на два «основных» мифа: миф власти и миф оппозиции. В мифе власти первое лицо государства вы-

ступает воплощением Георгия Победоносца, сокрушающего змия внешних врагов и их внутренних агентов. В мифе оппозиции борцы с властью имущими олицетворяются в качестве рыцарей-декабристов, вышедших на неравный бой с драконом самодержавия.

Миф власти в приложении к бунтарям-декабристам выступает в качестве контрмифа. Антидекабристские проекции современного общественного сознания далеко не однородны. Критика ведется с двух трудно совместимых точек зрения.

Первая принадлежит прагматикам, находящимся у власти, и ее идеологической обслуге. Эти люди цинично сочетают методы авторитарного правления и государственного вмешательства в споры хозяйствующих субъектов с формально демократическими «альтернативными» выборами и либеральными по своей социал-дарвинистской сути стратегиями распределения ВВП.

Так же цинично их отношение к прошлому и, в частности, к декабристам. Вполне возможно, что технологи Кремля роняли слезу, глядя *«Звезду пленительного счастья»*, и даже сочувственно читали «декабристские» романы Тынянова, Эйдельмана, Окуджавы. Они не испытывают никакой такой личной неприязни к потерпевшим от мстительного императора Николая. В их публичном отношении к декабристам вообще нет ничего личного – только политический бизнес. Технологи власти понимают, что переместить декабристов в ряды «плохих» героев чернобелой исторической памяти означает вышибить из под всяческих несогласных очень важную точку символической опоры. Они без излишнего фанатизма занимаются переписыванием истории в пределах, предписанных служебной инструкцией.

Совершенно по-другому ведут себя публицисты, группирующиеся вокруг СМИ различных православных организаций национал-патриотической ориентации. Православные монархисты-националисты (существуют еще и националисты-язычники, считающие христианство иудейской диверсией против боевого духа арийской расы) – бескорыстные романтики изоляционистского авторитарного режима. Нынешнюю власть они одобряют вслух за восстановление державных традиций

осажденной крепости и шепотом критикуют за приверженность к плотским искушениям гнилого либерального Запада.

Сочувствие авторитарным тенденциям молодой российской демократии национал-монархисты объясняют своей верой в то, что благая весть Христова совместима только с абсолютной властью «кесаря».

Непонятно, каким образом эти утверждения согласуются с собственными словами Спасителя: «**Царство Мое не от мира сего**» (Иоан.18:36); «**Кесарево кесарю, а Божие Богу**» (Мат.22:21; Мар.12:17; Лук.20:25)? Из них явствует, что заботы о политическом устройстве земной жизни не должны входить в число приоритетов истинно верующих в Его благую весть. Напротив, вовлеченность в дела властей поддерживающих свидетельствует об опасной близости с «**князем мира сего**» (Иоан.12:31; Иоан.14:30; Иоан.16:11).

Изоляционистский идеал подпитывается убеждением, что русский народ – единственный в мире – воспринял учение Христа во всей его полноте. Для них быть православным – значит быть русским. Русский – это синоним истинного христианина. Некоторые даже убеждены, что Христос – это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через две тысячи лет. При таком подходе православие трансформируется в сугубо национальную религию вроде иудаизма. Из одной публикации в другую кочует тезис, приписываемый Достоевскому: «**Настолько ты русский, насколько православный, и настолько православный, насколько монархист**»¹.

Далеко не все сыны церкви разделяют национал-монархический подход к исповеданию православной веры. В православном журнале «*Фома*» была опубликована подборка ответов на вопрос: «**Должен ли православный человек быть монархистом?**»

Андрей Зубов, профессор МГИМО (У) МИД России, заведующий кафедрой истории религии Православного университета Иоанна Богослова (Москва), протоиерей Георгий Митрофанов, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, Максим Шевченко, член Общественной палаты РФ, ведущий Первого канала ТВ, и другие эксперты считают, что «**различные политические модели никак не связаны с верой человека**».

В поддержку тождества православия и монархизма для русского человека на страницах «*Фомы*» высказался только Алексей Куимов, пред-

¹ Сафронова А. Православный – это монархист // *Русь-фронт*. 2008. 5 мая. URL: <http://www.rusfront.ru/050508/index-3.html>

седатель Совета директоров Российского авиапредприятия «Тесис» (Москва): **«Русское самосознание всегда было православным в своей основе и всегда было монархическим»**. Можно полагать, что идеалом одного из капитанов российского бизнеса является совпадение трех пересекающихся множеств: «русский», «православный», «монархист». О том, что его монархизм не имеет ничего общего с конституционными ограничениями воли монаршей, свидетельствуют не только патерналистская модель (**«нация – это одна большая семья. Во главе семьи всегда был отец»**), но и отсылка к византийской симфонии «цезарепапизма» и наследию допетровской Руси. Под монархией, несомненно, понимается самодержавие².

Несмотря на явное преобладание в подборке, опубликованной религиозным изданием, мнений политически толерантных экспертов сама постановка проблемы указывает на наличие разногласий внутри православного сообщества.

О том, что самодержавная идея находит поддержку в православной среде, свидетельствует отклик Анны Софроновой, опубликованный православным вестником «Русь-фронт»: **«Да, страшен врагам русского народа, врагам Божиим, Православный царь, ненавистна им Монархия»**³. Ее непримиримость к христианским демократам не оставляет сомнений по поводу того, что триединство: «русский», «православный», «монархист» – является слинным и единосущным для части паствы РПЦ.

Возникает обоснованный вопрос, стоит ли тратить время на рассмотрение публицистических упражнений изоляционистов эпохи глобализации, зовущих дорогу грудью проложить себе даже не столько в послепетровские времена Империи, сколько в благолепное Московское царство? Разве могут они увлечь страну двигаться вспять?

Упоминание православных монархистов рождает представление о чем-то маргинальном. Автор скандальной антиутопии *«Мечеть Парижской Богоматери»* Елена Чудинова, позиционирующая себя в качестве **«русской националистки»** и **«монархистки»**⁴, пародирует карикатуру православного монархиста, бытующую в общественном сознании:

² Должен ли православный человек быть монархистом? // Фома. 2008. 1 января. URL: <http://www.foma.ru/article/index.php?news=2702>

³ Сафронова А. Указ. соч..

⁴ Декабристы – отрицательные герои? / Интервью Лученко К. с Чудиновой Е. // Татьянин день. 2009. 14 декабря. URL: <http://www.taday.ru/text/261965.html>

«Прочно сформирован образ сиволапого придурка с застрявшей в бороде квашеной капустой (вариант – неряшливой тетки в платке, подавшей в православную активность по причине женской невостремленности)»⁵.

Этот образ, популярный у людей светских, не соответствует действительности. На многочисленных и хорошо организованных православных и националистических сайтах («Богослов»⁶, «Правая.ru»⁷, «Православие»⁸, «Православная газета»⁹, «Радонеж»¹⁰, «Русская линия»¹¹, «Русский восток»¹², «Русь-фронт»¹³, «Татьянин день»¹⁴ и др.) компанию Елене Чудиновой составляют не только бородатые священники и невостремленные журналистки епархиальных ведомостей, но и большой отряд научных работников с кандидатскими и докторскими степенями всевозможных наук.

Главный аргумент ученых мужей и их «неостепененных» единомышленников – русский народ не виноват в претерпеваемых им бедствиях. Их причина – вечные козни врагов России. Снятие ответственности с себя и перенос ее на других льстит сознанию подавленного нуждой человека. Публицисты-монархисты искушают расправиться с чужеродными вредителями и вернуться в достославные времена, когда родная традиция православия, самодержавия, народности пребывала в девственной чистоте.

История хомейнистского Ирана, да и недавние революции-реставрации в арабских странах свидетельствуют, что попятное движение возможно.

Насколько вероятна победа православно-монархического «фундаментализма» в современной России?

⁵ Чудинова Е. Очень удобный Брейвик // *Expert Online*. 2011. 27 июля. URL: <http://expert.ru/2011/07/27/ochen-udobnyij-brejvik/>

⁶ URL: <http://www.bogoslov.ru>

⁷ URL: <http://www.pravaya.ru>

⁸ URL: <http://www.pravoslavie.ru>

⁹ URL: <http://orthodox.etel.ru>

¹⁰ URL: <http://www.radonezh.ru>

¹¹ URL: <http://rusk.ru>

¹² URL: <http://rus-vost.irk.ru>

¹³ URL: <http://rusfront.ru>

¹⁴ URL: <http://www.taday.ru>

Я бы не стал разделять оптимизма главного редактора *«Известий»* Владимира Мамонтова по поводу отсутствия пространства «для реализации идей монархизма»¹⁵.

Уверенность в невозможности перемещения нашей страны в светлое прошлое может быть достигнута в результате всестороннего изучения самодержавно-православно-народного феномена общественного сознания. В числе прочего необходимо оценить шансы православно-монархического контрмифа в борьбе за вытеснение мифа декабристов из исторической памяти. Война мифов на декабристском участке фронта дает обширный материал для диагностики душевного здоровья русского народа.

В отрицательном отношении к декабристам православные идеологи опираются на церковную традицию. Поместный Константинопольский собор 842 года постановил ежегодно торжествовать победу православия над ересями. Председательствовавший на Соборе патриарх Константинопольский Мефодий составил для этого особый чин *«Последование в неделю торжества православия»*, который совершается в храмах на первой неделе великого поста. В России византийский чин был пересмотрен в 1766 году, видимо под влиянием мятежа В.Я.Мировича (1764). В него было включено одиннадцатое анафематствование (проклятие, отлучение от церкви): **«Помышляющим, яко православныя Государи возводятся на престолы не по особливому о них Божию благоволению, и при помазании дарования Святаго Духа к прохождению великого сего звания в них не изливаются: а тако дерзающим противу их на бунт и измену, анафема, трижды»**¹⁶.

Так как остальные пункты *«Последования»* грозят отлучением от церкви исключительно религиозным диссидентам, **«продерзателям и врагам Православия»**, то «бунт и измена» против власти с канонической точки зрения означает впадение в ересь. Согласно букве этого церковного закона, его инициатор – Екатерина II и ее внук Александр I вместе с подельниками должны быть преданы анафеме за измену присяге и бунт против законных государей Петра III и Павла I.

Поскольку такового отлучения не последовало, можно предположить, что одиннадцатое «анафематствование» осуществляется в симфо-

¹⁵ Скоро в продаже мартовский номер журнала «Фома» // Православная книга. 2008. 26 февраля. URL: <http://pravkniga.ru/news.html?id=2630>

¹⁶ Последование в неделю торжества православия // Москва – третий Рим. 2008. 16 марта. URL: <http://www.ic-xc-nika.ru/texts/2008/mar/n129.html>

нии с тезисом римского коллаборациониста апостола Павла: «**нет власти не от Бога**» (Рим.13:1). Следовательно, «бунт», с точки зрения идеологов православной монархии, – это небогоугодная и потому обреченная на поражение («мятеж не может кончиться удачей...») попытка захвата власти, понимаемая как религиозная ересь.

И в этом смысле декабристы, в отличие, например, от удачливых заговорщиков-цареубийц 1762 и 1801 годов, вне зависимости от «благости» освободительных целей, заслуживают не только земного суда, но и анафемы. Приняв такую логику, следует согласиться, что и дьявольский большевистский переворот был «попущен» свыше. Тогда все, кто безуспешно восставал против «Софьи Власьевны»¹⁷, в том числе и православные священники, тоже еретики.

Священник Александр Шумский не побоялся сделать логические выводы из учения апостола Павла. Он опровергает мнение, что «**советская сталинская Россия является антиподом России царской**»¹⁸. На его взгляд, революционер Сталин посредством особых троек решал те же задачи избавления великой России от великих потрясений, что и реакционер Столыпин своими особенными галстуками.

И напрасно возмущается потомственный монархист («**правнук повара Ивана Харитонов, убитого в Ипатьевском доме вместе с царской семьей**»¹⁹), сотрудник Российского института стратегических исследований Петр Мультатули тем, что «**для священника Русской Православной Церкви установленная Богом царская власть в России и свергнувший ее богоборческий режим не являются антиподами. Святой Царь-Мученик равнозначен "красному царю" Сталину**»²⁰. Мы видим, как живое религиозное чувство расходится с безжалостной логикой церковных установлений. Светский монархист не может согласиться с циничным слоганом: «Православие – религия успеха!» Но иного логичного выхода из возникшего круга определения нет.

¹⁷ *Ироническое диссидентское прозвище Советской власти.*

¹⁸ Шумский А. Столыпин и Сталин // Русская линия. 2011. 18 июня. URL: http://www.ruskline.ru/analitika/2011/06/18/stolypin_i_stalin

¹⁹ *Архиепископ Екатеринбургский Викентий подарил губернатору Свердловской области новую книгу об императоре Николае II // Православная книга. 2011. 20 июля. URL: <http://pravkniga.ru/news.html?id=8202>*

²⁰ Мультатули П. Дорогой слепого. По поводу статьи иерея А.Шумского «Столыпин и Сталин» // Русская линия. 2001. 23 июня. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=49123>

Служители церкви в таком толковании Божией воли никогда не сомневались. Иначе не провозглашали бы в храмах здравицы «**богоданному**» семинаристу. Можно возразить, что патриархи, «**особенно Сергей и Алексей**», поклонялись людоеду под дулом пистолета. Но сталинский «зека», брежневский диссидент священник Дмитрий Дудко (1922–2004) заключил свои дела и дни словами: «**Я, как православный христианин и русский патриот, низко кланяюсь Сталину**»²¹.

Если любовь к Сталину-победителю испытывают не все монархисты, то ненависть к проигравшим декабристам издавна является положительным тестом для православного сторонника самодержавия. Знаменитый дореволюционный проповедник Иоанн Кронштадтский рассматривал восстание декабристов как поворотный момент, в результате которого «**образованная общественность и интеллигенция порвали с Церковью**»²². Это отождествление бунта и ереси – безусловный рефлекс тех, кто приравнивает православие к самодержавию.

«Повязать русский народ царской кровью»

Поскольку идеал «фундаменталистов» находится в позавчерашнем «царском» прошлом, то и декабристский контрмиф православно-националистической публицистики неизбежно приобретает узнаваемые николаевские черты. В этом дискурсе декабристы предстают так же, как и в первом правительственном отчете о событиях 14 декабря, в «**гнусном виде**» либеральных заговорщиков-карбонариев и сатанинских жидомасонов, «**замысливших <...> навлечь на Россию все бедствия безначалия**»²³.

Вместе с тем разоблачители советского мифа декабристов в большинстве своем были советскими людьми, т.е. унаследовали весьма

²¹ «Правда.ру»: о. Дмитрий Дудко: «Молюсь за упокой души Сталина» // credo.ru. 2002. 11 ноября. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=monitor&id=696>

²² Андреев Д.А. Рец. на кн.: Киценко Н. Милостивый Святой: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. Пенсильванский ун-т, 2000. – 376 с. // Отечественная история. 2003. №3. С.170–172.

²³ Четырнадцатое декабря 1825 г. Газетный очерк. 15 декабря 1825 г. // Русский архив. 1881. Т.2. С.337–340.

URL: http://historydoc.edu.ru/catalog.asp?cat_ob_no=&ob_no=13505&rt=&print=1

«централизованную» историческую память: «Будь ты рокер или инок, ты в советской луже вымок» (А.Б.Градский). Молодое поколение православных публицистов также испытывает на себе инерционное воздействие великой мифологической традиции.

Поэтому борцы с мифом русской интеллигенции не избавились от него полностью. Подколотная змея «Памяти Герцена» выползает из подсознания в виде метафор («разбудили Герцена»²⁴, «узок круг»²⁵, «страшно далеки»²⁶) из хрестоматийной ленинской цитаты.

Бывший школьный учитель протоиерей Артемий Владимиров преподает искусство речи в Православном Свято-Тихоновском богословском институте. Он настолько преуспел в практическом приложении преподаваемого искусства, что «не без основания» заслужил «**прозвище Московского Златоуста**». Один из образцов его ораторского искусства был засвидетельствован на встрече с верующими. По мнению отца Артемия, «**изменить нравственную ситуацию в стране может Господь Бог, которому возможно все**». Но в надежде на Господа самим православным, особенно священникам, плошать нельзя: «**Наше дело, батюшек, сформулировано уже давно в программе советской школы, в курсе русской литературы. Помните: декабристы разбудили Герцена, а Герцен повлиял на разночинцев. Подобно тому творится и наше дело – обходя моря и земли, глаголом жечь сердца людей**»²⁷. Здесь не столь важно, что бывший работник советской школы запомнил: в курсе литературы учили жечь сердца, а о декабристском будильнике трезвонили, прежде всего, в курсе истории СССР. Важно, что видный пропагандист церкви использует метафору ее врагов в качестве образца пробуждения сынов церкви из комы безнравственности. Это удивительное доказательство пропагандистской мощи декабристского мифа интеллигенции.

²⁴ Протоиерей Валериан Кречетов: «Воцерковление есть приобщение к преемству Церкви». Ч.1 / Текст подготовлен Гусевой // Православие.ru. 2008. 3 июня.

URL: <http://www.pravoslavie.ru/smi/438.htm>

²⁵ Коминко Ю. Церковь «рулит», или Кому и когда нужно рассказывать о внутрицерковных проблемах – архимандрит Иона (Черепанов) / Православие в Украине. 2010. 24 ноября. URL: <http://orthodoxy.org.ua/node/13609>

²⁶ Матвеев П. Измена // Православная газета. 2001. №19.

URL: <http://orthodox.etel.ru/2001/19/izmena2.htm>

²⁷ Панишева Л. Формула любви всегда существовала, ее стирает безнравственность // Православная газета. 2002. №48. URL: <http://orthodox.etel.ru/2002/48/formula.shtml>

Цитатами-цикадами дело не ограничивается. Юркая мышь мифа так и норовит прошмыгнуть в публикациях, особенно в краеведческих и биографических статьях, где внимание к деталям, в которых и кроется дьявол, отвлекает от задач пропаганды.

Иерей Павел Конотопов в содружестве с главным редактором православного интернет-издания «*Татьянин день*» Юлианой Годик усыпили свою бдительность описанием истории Соловецкого монастыря и впали в грех, обозначив милосердное обращение императора Николая Павловича с государственными преступниками как **«жестокую расправу над декабристами»**²⁸.

Даже частое редакционное сито православных сайтов не способно полностью удалить рудименты декабристского мифа интеллигенции из публикаций священников и прихожан. Образцы, лежащие в глубинах памяти, серьезно ограничивают инициативу творцов православно-монархического контрмифа. Герценовские лекала вынуждают извращенно копировать оригинал. Игра по чужим правилам снижает шансы на выигрыш.

Отправной точкой контрмифа является утверждение о мифической природе общеизвестных представлений о декабристах.

Священника Павла Матвеева возмущает, что **«вокруг малоизвестных и незначительных имен и их деяний создали целую мифологию, превратив их в идолов и кумиров, которым воздаются чуть ли не религиозные почитания»**. В публицистическом запале автор не замечает противоречий своих рассуждений. Назвать дела декабристов «незначительными» – это дело вкуса. Но, если бы они были действительно «малоизвестны», стоило бы тогда вокруг них пропагандистский огород городить?

В ревности читинского священника к почитателям декабристского культа содержатся и мотивы материального характера. Православная церковь настойчиво стремится к возвращению в собственность старейшей в Чите Михаило-Архангельской церкви, превращенной советскими безбожниками в музей декабристов: **«Храм Божий превращен в языческое капище, в котором отправляется культ во имя лиц, поднявших государственный мятеж»**.

Отец Павел вместе с вождем большевиков считает, что дело декабристов не пропало, оно **«продолжается и поныне»**: **«В начале XIX**

²⁸ Контопов П., Годик Ю. Путевка на острова. Форпост преобразования // *Татьянин день*. 2007. 10 июля. URL: <http://www.taday.ru/text/50176.html>

века небольшая группа молодых людей, прельщенная химерами "Свободы, Равенства, Братства", не смогла понести креста послушания воле Божией, верности и преданности своему Отечеству, служения своему народу. Сегодня группа их сторонников и почитателей, служителей культа декабристов по-прежнему пытается организовать их всенародное почитание, забывая, как "далеки они были от народа"»²⁹.

Автор, как и большинство его православных единомышленников, рассматривает свободу в качестве одной из «химер» общественного сознания. Он забывает, что свобода выбора (αὐτεξούσια, liberum arbitrium) между добром и злом – одна из основных ценностей христианства.

Употребление в описании декабристских представлений интеллигенции слов «мифология», «религиозное почитание», «служители культа» точно отражает их природу. Однако культ культуры – рознь.

Православный священник отрицает христианскую подоплеку самопожертвования в декабристском мифе. Поклонение «идолам и кумирам» интеллигентов происходит в «языческом капище». Закоренелые язычники обожествляют преступление «государственного мятежа», сопряженное с отречением от «послушания воле Божией, верности и преданности своему Отечеству, служения своему народу». Если учесть, что для монархистов отечество – это государство царя-батюшки, то декабристам инкриминируется отступничество от уваровской триады «Православие, Самодержавие, Народность», подмена ее «Свободой, Равенством, Братством» – «химерами» Великой Французской революции.

Черно-белая оппозиция декабристскому мифу в очередной раз свидетельствует о реакционности, т.е. вторичности православных апологетов контрмифа. Так же как С.С.Уваров кроил свою верноподданную триаду в ответ на лозунг мятежных соотечественников, заразившихся французской болезнью, нынешние монархисты рефлектируют миф интеллигенции.

Отец Павел Матвеев не одинок в своей антипатии к «первому поколению». Большинству православных пропагандистов ненавистен интеллигентский культ декабристов. Они обвиняют представителей гнилой «прослойки» в том, что те поклоняются повешенным взамен Распятого. Разоблачение «мучеников свободы» ведется с позиции отрицания необходимости свободы для русского народа.

²⁹ Матвеев П. Указ. соч.

В рассуждениях православных публицистов о декабристском мифе отчетливо просматривается стремление к дискредитации мировоззренческих опор оппозиционной интеллигенции. Заметна тенденция смешать интеллигентский (герценовский) и советский (ленинский) изводы декабристского мифа: «**Эта легенда <...> неким "гражданским культом" <...> стала благодаря Герцену. <...> В XX веке прославление декабристов стало важнейшей частью пропагандистской индустрии коммунистического режима. Усердствовала и советская интеллигенция: "апостол Сергей", "дворянский авангард", "с мыслью о народе"... Ленинская формула "трех этапов освободительного движения" со всеми ее смрадными "побудками" легла могильной плитой на русскую историю XIX века**»³⁰.

Наличие генетической связи двух мифов не отменяет их противоположных функций. Миф интеллигенции о «героях-мучениках» всегда был нацелен на свержение власти. Советский миф «трех поколений» был типичным «мифом происхождения», предназначенным укреплять власть. Было бы глупостью считать, что православные кандидаты в доктора не понимают «две большие разницы». Скрещивая интеллигентов с комиссарами в пыльных шлемах, они осознанно дискредитируют нынешнюю либеральную оппозицию, которая брезгливо отрещивается от любого наследия «совка».

Стратегическое направление дискредитации идет по линии «христианство – язычество». Ядро интеллигентского мифа заключается в уподоблении самопожертвования декабристов и Христа. Православные публицисты целенаправленно вышибают этот краеугольный камень интеллигентского самосознания. В их интерпретации декабристы не святые герои самопожертвования, а родоначальники кощунственной традиции жертвоприношения священного царя.

Доцент Московской духовной академии, кандидат богословия протоиерей Александр Шаргунов отмечает, что возможность убийства Николая II и всей царской семьи была идейно подготовлена поколениями российских революционеров: «**Уже в программе декабристов обязательным пунктом было уничтожение царского рода**»³¹.

³⁰ «Мысль повязать русский народ царской кровью родилась задолго до 1917 года» / Интервью Лученко К. с Морозовым В. // Татьяна день. 2009. 15 декабря.
URL: <http://www.taday.ru/text/262463.html>

³¹ Шаргунов А. Убийство помазанника Божиего // Православие.ru. 2008. 16 июня. URL: <http://www.pravoslavie.ru/smi/print533.htm>

Кандидат богословия Василий Мороз усматривает смысл антикрепостнических программ декабристов («**приватных эзерсисов на темы государственного законодательства**») в том, что «**в "обмен" на царевубийство крепостные получали свободу... Мысль корыстно повязать русский народ царской кровью родилась, увы, задолго до XX века**»³². Автор ставит русский народ перед дилеммой: рабство или царская кровь.

В предлагаемом контексте декабристы, как закоренелые язычники, искушают страшно далекий от них народ-богоносец искупить свободу ценой жертвоприношения царской семьи. Такой подход дискредитирует ядро герценовского мифа о декабристах – героях самопожертвования, своей жизнью заплативших за освобождение рабов русского царя-дракона. С пропагандистской точки зрения – здесь все правильно. Миф мифом вышибают.

Елена Чудинова считает декабристов «**убийцами, так как они намеревались убить даже крошечного Александра Николаевича, который в будущем стал царем-освободителем**»³³. Неизвестно, насколько осознанно писательница выделила среди всех членов царской семьи, предназначавшейся декабристами к жертвоприношению, августейшего отрока. Будущему царю-освободителю шел тогда восьмой год и назвать его «крошечным», т.е. очень маленьким, вряд ли уместно. Это словупотребление вызывает скорее представление о младенце.

Такой выбор жертвенной персоналии и определения, уменьшающего реальный возраст, соответствует архетипическим представлениям об изначальной жертве³⁴. Декабристы, заколающие невинного младенца, с точки зрения христианской культуры самопожертвования воспринимаются в качестве свирепых дикарей, закоренелых язычников. Дополнительный пропагандистский эффект достигается тем, что мнимые либералы готовы были принести в жертву будущего реального освободителя.

³² «Мысль повязать русский народ царской кровью родилась задолго до 1917 года».

³³ Цикл романов Чудиновой. 2011. 13 апреля.

URL: <http://chudinova.info/blog/archives/84#more-84>

³⁴ Эрлих С.Е. Футуристория. От культуры жертвоприношения к культуре самопожертвования // Информационно-аналитический портал AVA.md. 2011. 27 июня.

URL: <http://ava.md/analytics-commentary/011888-futuristoriya-ot-kul-turi-zhertvoprinosheniya-k-kul-ture-samopozhertvovaniya.html>

Доказательством того, что царевубийственные планы декабристов – это не пустые слова, монархистам служит убийство военного генерал-губернатора Санкт-Петербурга М.А.Милорадовича.

Религиозный философ, депутат «перестроечного» Верховного совета РФ Виктор Аксюциц рассматривает это событие в ритуальных языческих терминах: **«На Сенатской площади был застрелен по "принципиальным" соображениям генерал Милорадович – восставшим нужна была жертва»**³⁵.

По мнению священника Павла Матвеева, М.А.Милорадович в своем конном поединке с языческим драконом декабристов с достоинством осуществил акт самопожертвования в мистерии *«Жизнь за царя»*. Перед лицом смерти генерал-мученик произнес сакраментальную фразу: **«Я охотно пожертвовал собою для императора Николая»**. Змеиная хтоническая сущность декабристов, стреляющих в спину, подчеркивается самоотверженным служением царю и отечеству их **«благороднейшей»** жертвы³⁶.

Апология графа М.А.Милорадовича в рамках православно-монархического контрмифа неизбежно связана с искажением исторической реальности. Ведь он во многом по собственной вине погиб от штыка-молотца Е.П.Оболенского и пули-дуры П.Г.Каховского.

В событиях междуцарствия граф занял демонстративно «проконстантиновскую» позицию (о том, в чьих интересах он реально действовал, историки спорят) и не допустил, вопреки манифесту Александра I, присягнуть Николаю Павловичу. Присяга цесаревичу Константину, навязанная военным генерал-губернатором Санкт-Петербурга, и вызванный ею длительный период безвластия сделали возможным мятеж декабристов. Более того, Милорадович, скорее всего, умышленно ничего не делал для того, чтобы пресечь заговор своих подчиненных на стадии подготовки.

Эти факты носят хрестоматийный характер, но публицисты-националисты редко обращают на них внимание. И с мифологической точки зрения они абсолютно правы. Миф не приемлет жертву интригана, сделавшего неверную ставку в политической игре. «Чистые герои» (З.Н.Гиппиус) нужны не только декабристскому мифу.

³⁵ Аксюциц В. *Духовная революция XIX в.* // *Православие.ру*. 2002. 19 июля. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/ideas/duhrev04.htm>

³⁶ Матвеев П. *Указ. соч.*

Кровавый настрой декабристов-язычников, ставших на путь государственного преступления, доказывается также бессчетным числом жертв среди солдат, обманом выведенных 14 декабря на площадь, и среди зевак из простого народа, сбежавшихся поглазеть на зрелище русского бунта.

На сайте «*Усть-Кут on line*» вывешен отрывок из книги Юрия Козенкова «*Голгофа России*». Автор, потративший многие годы жизни на разоблачение «сионистской власти в Кремле», подчеркивает, что жертвы – это «результат заговора» декабристов-масонов. Действия царя носили вынужденный («на кон поставлена <...> судьба всей России») характер.

Число жертв («В результате заговора декабристов погиб 1271 человек») переходит из публикации в публикацию³⁷. Откуда оно взялось, прекрасно известно. Записка чиновника николаевского МВД С.Н.Корсакова (1787–1853) «*При возмущении 14 декабря убито народу*», из которой извлечена эта информация, была опубликована П.Я.Канном в 1970 году³⁸. Лидер советского декабристведения М.В.Нечкина с доверием восприняла эти сведения. С ее легкой руки они превратились в еще одну демонстрацию антинародной сути царского режима.

Данные эти оспаривались не раз. Известный петербургский историк А.Д.Марголис убедительно показал, что число произведенных выстрелов (максимум 7, в одном заряде ближнего действия содержалось 100 чугунных пуль) было явно недостаточным для поражения такого количества людей. Кроме того, сведения о числе убитых солдат, приведенные С.Н.Корсаковым, в 4 раза превосходят суммарные официальные отчеты о числе убитых, раненых, пропавших без вести в восставших полках. Данные о числе убитых офицеров также не находят подтверждения ни в одном из источников. Характер расположения на площади восставших солдат и народа исключал возможность гибели большого числа людей в результате давки. По мнению А.Д.Марголиса, информация официальных документов о 70–80 погибших в день 14 декабря представляется достоверной³⁹.

³⁷ В декабре о декабристах // *Усть-Кут on line*. 2009. 4 декабря. URL: http://ustkut.ru/forum/viewthread.php?forum_id=8&thread_id=391

³⁸ Канн П.Я. О числе жертв 14 декабря 1825 г. // *История СССР*. 1970. №6.

³⁹ Марголис А.Д. К вопросу о числе жертв 14 декабря 1825 года // Марголис А.Д. *Тюрьма и ссылка в императорской России: Исследования и архивные находки*. М., 1995. С.45–52.

Почему советская пропаганда с доверием воспринимала именно те источники, которые свидетельствовали о максимальном числе «жертв царизма», понятно. Но зачем так поступают современные монархисты? Видимо, и для их мифа чем кровавее, тем лучше. Для создания мифологической картины гекатомбы – грандиозного языческого жертвоприношения – остается только «переложить» вину с православного царя на масонов-декабристов.

Вместе с тем склонность доверять данным советского декабристоведения обнаруживает логические нестыковки переноса ответственности со стрелявших на расстрелянных. Если кровь солдатская и народная лежит на декабристах, зачем царским слугам было преуменьшать число жертв? Но логика не является сильной стороной «пропагаторов» самодержавия, православия, народности.

Центральное положение контрмифа, доказывающее, что декабристы не имеют ничего общего с самопожертвованием Христа, а, напротив, несут на себе смертный грех родоначальников идеи языческого жертвоприношения священного царя, во многом противоречит фактам.

Было бы ложью вслед за советской историографией полагать, что мысль о цареубийстве если и присутствовала у декабристов, то носила едва ли не мимолетный характер второстепенного «элемента»⁴⁰.

Но не меньшей ложью является утверждение, что декабристы находили примеры такого рода действий исключительно у британских и французских революционеров. Надо быть ослепленным монархическим мифом, чтобы не замечать, что русская история – один из самых обстоятельных учебников теории и практики умерщвления венценосных особ. Начиная от первых национальных святых – князей Бориса и Глеба, – тянется список реальных и потенциальных владельцев русской земли, лишенных жизни самыми зверскими способами.

Для декабристов память о цареубийствах не была преданием старины глубокой. Последний по времени «забой» помазанника Божия табакеркой случился уже на памяти старших по возрасту декабристов. Один из убийц императора Павла I – П.В.Голенищев-Кутузов – даже поучаствовал в следствии по делу декабристов и в обряде их казни. Так что в своих цареубийственных планах декабристы явились далеко не первооткрывателями, а наследниками богатой отечественной традиции.

В большинстве своем монархисты отказываются признавать этот пункт монархического наследия. Такая избирательность исторической

⁴⁰ Нечкина М.В. *Движение декабристов*. Т. II. М.: РАН СССР, 1955. С. 21.

памяти свидетельствует, что для носителей мифологического сознания представляется нормальным опровергать ложь ложью. Удивительно, что люди, именующие себя христианами, не боятся впасть в грех лже-свидетельства.

Демонстрируя кроважидные планы декабристов, современные монархисты развенчивают ненавистный им тезис интеллигентского мифа «о так называемом» благородстве дворянских революционеров. Очернением аристократических предков национал-патриоты доказывают природную подлость потомков – оппозиционных интеллигентов, шакалящих у иностранных посольств.

Приписывая историческим декабристам языческие по сути планы и действия, пропагандисты православно-монархического контрмифа доказывают тезис о тождестве политического бунта и религиозной ереси. Бунтари-еретики логично превращаются в антихристианских «масонов» и прочих «слуг дьявола»⁴¹.

Лидер патриотического китча художник Илья Глазунов верен стилистике тщательно формируемого образа: **«Вся декабристская сволочь была остановлена Николаем I, который раздавил масонскую гадину на Сенатской площади, тем самым отодвинув революцию 1917 года почти на 100 лет!»**⁴² Художник посредством сниженной лексики («сволочь», «гадина») рисует автошарж эдакого простоватого правдоруба. При этом подсознание играет злую шутку с нарочитым исповеданием православно-монархической хохломы. Оно коварно подсовывает антихристианскую максиму («Раздавить гадину!») Вольтера, причастившегося несвятым тайнам масонства на пороге смерти.

Декан исторического факультета Санкт-Петербургского университета доктор исторических наук Игорь Яковлевич Фроянов разоблачает планы глобализации Всемирного правительства масонов и еврейских банкиров. В историческом экскурсе он считает необходимым отметить, что интернационал жидомасонов строил планы **«уничтожения самодержавия»** и **«овладения»** Россией руками декабристов. Примечательно, что, разоблачая масонские козни, он ссылается на таких видных «братьев», как Маркс и Ленин: **«Нельзя пройти мимо их научных**

⁴¹ Разгром юдомасонского мятежа «декабристов» // Русская идея. 2007. 17 декабря. <http://www.rusidea.org/forum/viewtopic.php?f=32&t=814>

⁴² Русский – тот, кто любит Россию / Интервью Шаблинской О. с Глазуновым И. // Аргументы и факты. 2005. 8 июня. URL: http://gazeta.aif.ru/online/aif/1284/03_01

прозрений относительно особенностей капитализма»⁴³. Получается, что «основоположники», подобно Каменеву и Зиновьеву, выдали планы, на этот раз глобального, переворота.

Причины возникновения у **«форменных сатанистов»⁴⁴** зуда кровавых жертвоприношений православные авторы усматривают в проникновении антихристианской западной заразы – идей масонства, Просвещения, революции.

Вокруг памятника Николаю II, установленного в селе Тайнинском под Москвой в 1996 году, постепенно образовался ритуал *«Чина всенародного покаяния»*. Его поддерживали сторонники ныне «извергнутого из сана» епископа-«фундаменталиста» Диомида. В этом *«Чине»* содержались покаяния не только в нарушении присяги последнему императору, но и в предшествующих грехах, итогом которых стало убийство царской семьи в 1918 году.

В цепочке дореволюционных прегрешений декабристам отводится далеко не первое место. **«Попрание русских традиций»** началось со времен **«благочестивого царя Алексея Михайловича»** и продолжилось реформами Петра I, который **«стал насаждать оккультный экumenизм, благодаря чему через "прорубленное окно в Европу" хлынул в Россию мутный поток злейших врагов веры и Отечества – сатанистов-масонов, слившийся с потомками уцелевших от рук благочестивых царей Иоанна Грозного и его отца Василия III жидовствующих еретиков»**. Согласно *«Чине»*, этимология термина «жидомасоны» происходит от слияния наших жидов с ихними масонами. Декабристы с замыслом **«антигосударственного, антихристового переворота с целью свержения богоустановленной царской власти»** вошли в третье поколение грешников⁴⁵.

Воздействие этих идей на паству и священнослужителей было ощутимо. Тайнинское стало одним из наиболее популярных пунктов православного паломничества. Это способствовало усилению внутрицерковных и общественных позиций епископа Чукотского и Анадырского

⁴³ Фроянов И.Я. Глобализм и судьбы России // Православная газета. 2002. №9. URL: <http://orthodox.etel.ru/2002/09/globalizm.htm>

⁴⁴ Гражданская война в России еще не кончилась / Интервью Данилова Е. с Чудиновой Е. // Политический журналъ. 2007. 28 декабря.

URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=173&tek=7804&issue=211>

⁴⁵ Чин всенародного покаяния (дополненный) // lavrovoa.narod.ru. Б.д.

URL: <http://www.lavrovoa.narod.ru/pravoslavie/chin.htm>

Диомида. Чувствуя поддержку, он в феврале 2007 года выступил с открытым письмом, в котором обвинял руководство РПЦ и патриарха Алексия II во всевозможных грехах.

Алексий был вынужден «принять меры». Одной из мер стало обращение, в котором патриарх осудил пресловутый «*Чин*». Примечательно, что среди нелепостей покаянного текста он указал и на «**призывы каяться**» за реформы Петра и за восстание декабристов⁴⁶. Тем самым Алексей дистанцировался от антизападнических высказываний ряда клириков, считающих декабристов порождением повредившего чистоту православия императора Петра. Да и сами декабристы, судя по контексту обращения патриарха, не так страшны, как их малюют сторонники Диомида.

Далеко не все православные публицисты разделяют сдержанную позицию покойного патриарха. Императорам-«западникам» – Петру I и Александру I – немало достается от них за попустительство масонам.

Непоследовательная позиция декабристов по крестьянскому вопросу представляется для национал-патриотов одним из главных пунктов обвинения дворянских бунтовщиков, развенчивающим миф об их «альтруизме».

Кандидат богословия Василий Мороз отмечает противоречие между антикрепостническими программами декабристов и их практикой помещиков-крепостников. Действительно, никто из сей толпы дворян не воспользовался «*Указом о вольных хлебопашцах*» 1803 года, предписывавшим освобождать крестьян с землей. Более того, при переделке устава «*Тугендбунда*» в устав Союза благоденствия пункт немецкого оригинала об освобождении собственных крестьян был «временно снят». Помещик средней руки И.Д.Якушкин пытался освободить своих крестьян без земли, планируя фактически превратить их в батраков. На что не последовало согласия не только со стороны мужиков, но и от реакционного правительства Александра I. Эксперименты богатых помещиков братьев Тургеневых с крестьянским самоуправлением также были страшно далеки от положений освободительного царского «*Указа*»⁴⁷.

Журналист Станислав Смирнов считает слова программных документов тайных обществ прекрасными. Но между словом и делом у де-

⁴⁶ *Обращение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к клиру, приходским советам храмов Москвы, заместникам и настоятельницам ставропигиальных монастырей на Епархиальном собрании 2007 года.*

⁴⁷ «*Мысль повязать русский народ царской кровью родилась задолго до 1917*».

кабристов лежала пропасть. Он ставит задачу выяснить, каковы были их **«истинные намерения, а главное – дела»**. Автор в очередной раз использует неопровержимый довод: **«отчего сами глашатаи вольности святой, "разбудившие Герцена", не освободили своих крепостных»**, переводом их в «вольные хлебопашцы»? На возможную реплику, что государственная воля в сфере крепостнических отношений более эффективна, чем частные решения одиночек, Станислав Смирнов, в свою очередь, заготовил следующий контраргумент. Задача отмены крепостного права уже была в правительственной повестке, **«крестьянская реформа была вопросом времени»**.

Если это было действительно так, то с какой целью декабристы побежали впереди паровоза самодержавия? **«Простой до банальности»** ответ журналист позаимствовал у «историка» Владимира Брюханова: **«Царь готовит освобождение крестьян с наделением их землей (выкуп за счет казны). Если это случится, класс крупных землевладельцев лишается базы своего благосостояния – земли. Выход один – свергнуть монарха, стоящего над классами и повинующегося только своей христианской совести. А имея землю, эксплуатировать можно и "вольных хлебопашцев", и при республиканском строе»**. Доказательством столь радикального тезиса служат **«проекты Пестеля и других»**. Они **«предусматривали освобождение. Но без земли, максимум – с двумя десятинами»**⁴⁸.

Ссылка на «историка», кандидата технических наук В.А.Брюханова автора книги *«Мифы и правда о восстании декабристов»*⁴⁹ столь же прилична в научных кругах, как ссылка на исторические труды академика-математика А.Т.Фоменко. В вопросе земельной программы декабристов публицисту Смирнову вообще не следовало полагаться на исторический профессионализм «технаря» Брюханова. Ведь даже в школьном учебнике сообщается, что если жадный Никита Муравьев планировал в своей *«Конституции»* выделять крестьянам по две десятины (между прочим, «десятина» – это площадь 1,092 гектара), то в *«Русской правде»* Пестеля предусматривалась передача половины всех возделываемых земель в общее пользование, с наделением из этого фонда безземельных крестьян.

⁴⁸ Смирнов С. *Декабристы. 1825 г.* // Фонд Возвращение. 2010. 22 декабря. URL: <http://vozvvr.ru/%20be/tabid/248/ArticleId/664/.aspx>

⁴⁹ Брюханов В.А. *Мифы и правда о восстании декабристов*. М.: Эксмо Яуза, 2005. –133 с.

Неготовность декабристов отпустить своих крепостных в качестве «вольных хлебопашцев» доказывает отсутствие у них альтруизма. Это очень сильный пункт контрмифической пропаганды. Сторонникам декабристского мифа трудно здесь что-либо возразить. Но православные монархисты даже эту выигрышную для себя тему наполняют подтасовками и передергиваниями. Этот факт позволяет предположить, что их пропаганда не рассчитана на образованную часть аудитории, критически относящуюся к информации. Получается, что они по примеру большевиков апеллируют к «темным» массам, склонным к зомбированию архетипами.

Православные монархисты критикуют не только планы декабристов по крестьянскому вопросу. Другие положения конституционных проектов Н.М.Муравьева и П.И.Пестеля также попадают под их мифологические удары.

«Конституция» Муравьева осуждается, прежде всего, за «федерализм». С точки зрения единой и неделимой – это страшный грех всех разрушителей империи, как царской, так и советской: **«Россия расчленилась на 15 "держав"»**⁵⁰. На самом деле декабрист предусматривал учреждение 14 «держав» с полномочиями, близкими американским «штатам», и двух областей⁵¹. Но публицисту важно численным совпадением подчеркнуть преемственность муравьевских «держав» и сатанинских республик свободных. На декабристах, таким образом, лежит не только первогрех цареубийства. Они еще и родоначальники идеологии разрушения территориальной целостности России. Вот откуда, оказывается, взялся антидержавный клич номенклатурного демократа Ельцина: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». Выдвигая эти обвинения, сторонники православно-монархического мифа забывают, что автор «Конституции» копировал политическое устройство США, которое доказывает свою эффективность на протяжении уже двух с половиной веков.

Кроме того Никита Муравьев рассматривается как предтеча нынешнего **«компрадорского олигархического правительства»**. Его план «приватизации» по 2 десятины на душу, видимо, представляется прообразом ельцинской «пирамиды» из ваучеров.

⁵⁰ Матвеев П. Указ. соч.

⁵¹ Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев // Дружинин Н.М. Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. М.: Наука, 1985. С.150.

Если «Конституция» Муравьева служит первоосновой порочной Российской Федерации, то «Русская правда» была идейной базой тоталитарного советского режима. Критики прилагают двойные стандарты к проектам Муравьева и Пестеля. «Конституция» чревата распадом территориальной целостности. «Русская правда» – «**крайней централизацией власти**»⁵². Муравьев обвиняется в законодательном закреплении правового и имущественного неравенства. Пестель виновен в планах противоположного характера: «**Отмена всех прав, званий, сословий. Всеобщее и полное равенство всех и во всем**»⁵³.

Согласно православным монархистам муравьевская олигархически-федералистская и пестелевская уравнилельно-централистская концепции исторически сменяют друг друга. Декабристы виноваты в том, что их наследие было использовано и Временным правительством, и ленинско-сталинскими большевиками, и ельцинско-путинскими олигархами с единственной целью нанесения ущерба русскому народу. Выходит, что только самодержавие сможет разорвать порочный круг смены уравнилельного большевизма на эгоистичный либерализм.

«14 декабря — день восшествия на русский престол императора Николая I»

Борьба за историческую память в числе важнейших мер предусматривает влияние на содержание школьных учебников и процесс образования.

По мнению истинно православных, декабристский миф должен быть удален из школьной программы, дабы не искушать малых сих.

Доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова, сопредседатель Правления Союза писателей России С.В.Перевезенцев выступил с докладом на пленарном заседании XIV Всемирного Русского Народного Собора с программой формирования исторической памяти подрастающего поколения. Он отмечает, что содержание школьного образования «**вот уже 200 лет**» преследует три цели: «**1) знания; <...> 2) развитие у учащихся научного, т.е. критического мышления; <...> 3) воспитание у учащихся любви к своей Родине, патриотизма**».

⁵² Кулыбин М. Идеи декабристов: история и современность // *dekabristy.narod.ru*. Б.д.
URL: <http://dekabristy.narod.ru/kulybin.htm>

⁵³ Смирнов С. Указ. соч.

Между второй и третьей целями, по мнению докладчика, существуют непримиримые противоречия: **«развитие у детей критического мышления и одновременное стремление воспитать из них верных слуг того или иного политического устройства – это противоречивые задачи, которые взаимоуничтожают друг друга»**. Происходит культурный раскол подрастающего поколения на мятежных критиков, отрицающих **«прошлое собственного народа»**, и сервильных патриотов, которые отрицают **«необходимость критического, научного изучения прошлого»**. Склонность к мятежам в России нарастала по мере того, как набирали силу **«научный, светский подход к истории и, соответственно, только критическое отношение к прошлому и к современности»**.

Желание образованных людей **«отказаться от собственной истории»** наиболее ярко проявилось в шести попытках политических переворотов: **«1825 год ("декабристы"), 60–80-е гг. XIX века ("народники"), 1905–1907 гг. (первая русская революция), февраль 1917 года, октябрь 1917 года и, наконец, рубеж 80–90-х гг. XX века»**. Противоядием будущих великих потрясений должна стать новая стратегия формирования исторической памяти. У исторического образования должна остаться одна – патриотическая – цель: **«Главное, что может и должен донести до детей учебный предмет "История", – это любовь к своему Отечеству и к деяниям своих предков. В таком случае, знания и критическое мышление – это не цель, но лишь средства обучения истории»**⁵⁴.

Рассуждения докладчика позволяют представить, к каким последствиям приведет умаление роли «знания и критического мышления». Доктор исторических наук забывает, что задолго до декабристов и развития подрывного «светского подхода» на Руси были Опричина, Смута, Разин, Пугачев. Кроме того, в XVII веке Московское царство сотрясали Раскол, Медный, Соляной и прочие бунты. «Начало славных дел Петра мрачили мятежи и казни». Весь XVIII век Российской империи прошел под знаком дворцовых переворотов.

Не ясно также, почему стремление критически мыслящих личностей творить историю своей страны именуется «отказом от собственной истории»? Презрение к фактам и отсутствие логики характеризуют неформальную логику православно-монархического контрмифа.

⁵⁴ *Перевезенцев С.В. История: чему же учим? // Слово. 2010. 1 июня.*
URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/42968.php>

Отводя восстанию декабристов роль «первомятежа», докладчик тем самым справедливо указывает на фундаментальную роль декабристского мифа в формировании «критического отношения к прошлому и к современности». Программа, нацеленная на противодействие явлению новых декабристов, логично требует если не исключения дворянских мятежников из школьной программы, то перевода их из класса «чистых героев» в нечистую силу русской истории.

Переписывание учебников истории – это не самоцель. Это эффективнейшее средство для изменения пантеона исторической памяти. Мало отправить декабристов из ее храма в преисподнюю. Пантеон надо заселить героями, жившими не по лжи святынями православия, самодержавия, народности.

Вездесущая Елена Чудинова усматривает «альтернативу декабристам» в таких «**настоящих благородных героях русской истории**», как Николай I, «**которого очерняли весь девятнадцатый век**», и «**ошельмованном**» неблагодарными современниками «**контрразведчике**»(!) Шервуде, «**человеке большого гражданского мужества, внедрившемся в ряды заговорщиков**»⁵⁵.

Православный писатель Александр Стрижев предлагает внести в пантеон национальных героев незаслуженно забытого архимандрита Фотия. Его гражданский подвиг состоит в умении убедить «**императора Александра Павловича повсеместно закрыть в России масонские ложи, что в значительной мере сократило масштабы заговора декабристов и предотвратило возможную беду с катастрофическими последствиями**».

Вместе с Фотием «**оппозицию масонству составили: митрополит Санкт-Петербургский Серафим (Глаголевский), всесильный граф Алексей Андреевич Аракчеев, президент Российской академии Александр Семенович Шишков, фрейлина Анна Алексеевна Орлова-Чесменская, попечитель Казанского учебного округа Михаил Леонтьевич Магницкий**». Эти и другие претенденты на увековечивание в серии «*Жизнь замечательных людей*» (хорошую компанию И.В.Шервуду в ней могли бы составить такие «контрразведчики», как А.И.Майборода и А.К.Бошняк, а также сибирские провокаторы декабристов Ипполит Завалишин и Роман Медокс), которых «**либералы всех мастей проклинали и чернили их славные имена, мазали и мажут до сих пор непотребной ложью**», должны, по мнению православных

⁵⁵ *Декабристы – отрицательные герои?*

националистов, заменить «сто прапорщиков» в светлице исторической памяти⁵⁶.

Зеркальный подход – проявляем советский «негатив», получаем положительных героев – серьезная конструктивная ошибка технологов православно-монархического мифа. В герценовском мифе участники тайных обществ, по-человечески во многом несовместимые между собой, пресуществляются в одну мифологическую личность по имени «Декабристы». Противостоять ей в контрмифе должен не «контрразведчик» и не «деятельный архимандрит». Единственная кандидатура, приемлемая логикой мифа, – это победитель в сражении на Сенатской площади Николай Павлович.

Отсутствие вариантов для выбора героя контрмифа ставит перед его технологами трудно разрешимые конструктивные проблемы. Ведь главная функция любого мифа – предоставлять неведомые прежде сакральные образцы мирского поведения. Миф не может без героя-родоначальника.

Мифологические декабристы – родоначальники идейно обусловленного мятежа, нацеленного на достижение общего блага. Для интеллигентов (не только большевиков) они выступают «первым поколением» героических предков, до сих пор предоставляя образцы непокорности и готовности страдать за правое дело.

Декабристская виселица доказывает, что слова «Ах, как славно умрем» (А.И.Одоевский) были не только словами. Струящуюся кровь Пестеля и его товарищей невозможно смыть детергентом компрометирующих фактов воровства, трусости, предательства. Итоговое самопожертвование героя-родоначальника искупает все его предыдущие грехи и создает прочный фундамент для мятежных дел потомков.

По этим причинам контрмифологический оппонент декабристов также должен обладать жертвенными качествами творца нового строя общественной жизни. И в этом смысле у Николая, героя контрмифа, большие проблемы. По природе своей он не был своему «пращуру подобен» в самом главном. У императора, подморозившего Россию, напроць отсутствовал преобразовательный порыв, благодаря которому Петр стал, в том числе для декабристов и Герцена, мифологическим отцом-основателем европейской империи. Кроме того, смерть от жестокой простуды, схваченной во время спасения жертв наводнения, осмыс-

⁵⁶ Стрижев А. *Архимандрит Фотий (Спаский): жизнь для России православной // Благодатный огонь. Б.д. №8. URL: <http://www.blagon.ru/articles/261/>*

ливается в петровском мифе как самопожертвование ради подданных. К Николаю миф героической кончины никак не применим.

Кроме объективных препятствий, существует еще вопрос, а кто будет творить миф? Неравенство литературных дарований творца декабристского мифа А.И.Герцена и современных ему авторов контрмифа Д.Н.Блудова и М.А.Корфа разительно. Примеры современной православно-монархической публицистики свидетельствуют, что в ее рядах нет никого не только сопоставимого с Герценом, но даже способного конкурировать с талантливым продолжателем Герцена Эйдельманом. В данном случае – нет человека, есть проблема.

И эту проблему обнажил известный публицист Егор Холмогоров. Целью жизни он наметил **«проведение Страшного Суда в интересах русского народа»** методом построения **«Атомно-Православной Империи»**⁵⁷. В этом шутовском определении отчетливо выражен дух археофутуризма новых правых, стремящихся соединить дух традиции с новейшими технологиями.

Политтехнологический зуд побуждает православного националиста заняться мифотворчеством. Он бросает вызов Герцену, предлагая героическую модель императора Николая – **«восстановителя порядка»** православной империи. **«Колоссальная»** историческая миссия «восстановителя» заключается в том, что погоня Петра за военными технологиями Запада **«исказила <...> идентичность России»**: **«Став мощной военной империей, Россия отошла от своей православной и национальной сущности, для XVIII века было характерно понимание ее скорее как "нового государства", созданного Петром и недавно вышедшего на дорогу истории»**.

Николай остановил это повреждение нравов. Благодаря ему **«политика России, внешняя и внутренняя, идеологическая и военная, собралась в цельный образ великой Православной Русской Империи, идея Третьего Рима стала в эту эпоху вновь по-настоящему актуальной»**.

Соединяя троичный «образ» Уварова с третичной «идеей» Филофея, Холмогоров стремится интерпретировать правление Николая в духе своих археофутуристических ценностей. В отличие от прагматичного «революционера на троне», его царственный потомок вливает дух традиции в бездушное тело имперских технологий, придает им высший смысл: **«Именно Николай I создал идеал императорской России, и,**

⁵⁷ URL: <http://holmogor.livejournal.com/profile>

хотим мы того или нет, при словах "Российская Империя" перед нашим внутренним взором предстанут именно николаевские образы».

Начертав миф, переосмысляющий 14 декабря из дня восстания декабристов в **«день восшествия на русский престол императора Николая I»**, Холмогоров уходит от ответа на неприятные вопросы⁵⁸. Был ли в империи фасадов реально осуществлен синтез православной старины и технологической новизны? Не привел ли возврат к допетровской традиции **«духовной и политической самобытности»** (Юрий Булычев)⁵⁹, к утрате «прогрессистской» сути петровской империи? Может, мифотворец Герцен прав и при Николае «Россия попятилась»?

В исторической памяти победитель декабристов напрочь увязан с поражением в Крымской войне. Благодаря его государственной мудрости храбрый русский солдат с гладкоствольным ружьем и кремневым затвором не смог противостоять нарезным капсюльным винтовкам неприятеля, почти в четыре раза перекрывавшим дальность русского прицельного огня. Николаевская Россия потерпела поражение от своего главного мифологического врага Запада именно в эрогенной для правых националистов военной сфере.

Никакими мифологическими технологиями этот факт изменить невозможно. Его не перекрыть предшествующими победами над средневековыми армиями персов и турок, над в большинстве своем плохо обученными войсками мятежных поляков и венгров. Помните, как Штирлиц, выходя от группенфюрера, спрашивал таблетку от головной боли? Запоминается не только последняя фраза, но и последнее деяние героя мифа. Нарва не только может, она просто должна быть в начале славных дел. Но увенчиваться они должны Ништадтским договором, а не Парижским трактатом.

В данном случае поражение от победы отличает и сам правый публицист Холмогоров, невзначай упомянувший **«горькое разочарование Крымской войны»**. Стремясь поддержать шаткий миф, он мямлит, что православный император **«слишком»** полагался **«на честность и дружелюбие "Европы"»**⁶⁰. Как герой мифа борьбы с гнилым и враждеб-

⁵⁸ Холмогоров Е. *Идеал имперской России и 14 декабря* // Русская линия. 2005. 15 декабря.
URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=15014>

⁵⁹ Булычев Ю. *Рыцарь царской идеи против духа времени* // Русская линия. 2006. 3 марта.
URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=110071>

⁶⁰ Холмогоров Е. *Указ. соч.*

ным Западом мог полагаться на его добропорядочность, автор не разъясняет.

Кандидат исторических наук Артемий Ермаков переворачивает символ веры футбольных болельщиков: «Выигрывает команда, проигрывает тренер». Он утверждает, что за «**серьезное поражение в Крымской войне**» надо «**благодарить**» отнюдь не самодержца, а «**преступно-близорукую политику Нессельроде**»⁶¹. Не стоит забывать, что своими дурными советами канцлер, которого еще писатель-патриот Пикуль изобличил в наличии вредительской еврейской крови, во многом угадывал монаршую волю. Этот флюгер-эффект авторитарных режимов прекрасно известен. Кроме того, Нессельроде не отвечал за перевооружение русской армии. Перекладывание вины на угодливого царедворца, который нашептывал государю то, что тот хотел слышать, позволяет думать, что православно-монархический миф в данном случае взял верх над историком.

Еще один конструктор николаевского мифа, философ-националист Юрий Булычев в своей агиографии истинно русского царя вообще не упоминает о Крымской войне⁶². Так грубо с исторической памятью не работали даже советские пропагандисты. Не потому что были честнее, а потому что знали: мифотворчество – это не вычеркивание, а переписывание. Красноречивое молчание является признанием профессиональной несостоятельности.

Миф не приемлет ни разговоры, ни молчание в пользу бедных. Георгий Победоносец мифа власти из Николая не получается. Николаевский самодержавный миф терпит сокрушительное поражение в символическом боевом столкновении с драконом либерального Запада.

Николаевскому мифу нечего противопоставить самопожертвованию декабристов. Даже если император не пал жертвой гриппа, а, согласно слухам, отравился, не выдержав позора покоренья Крыма западными державами («Евпатории в легких», по едкому замечанию А.И.Герцена), протянуть ассоциации от его смертного одра к распятию никак невозможно. В данном случае скорее возникают сближения с пресловутой осиной, на которой повесился получатель тридцати шекелей. Раскаяние не есть искупление.

⁶¹ Ермаков А. *XIX век в России: Расцвет на пути к катастрофе* // *Православие.ru*. 2007. 16 июля. URL: <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/5704.htm>

⁶² Булычев Ю. *Указ. соч.*

Отсутствие достойной фигуры отца-основателя и гениального мифотворца несомненно снижает перспективы на овладение исторической памятью и, следовательно, народными массами. И сами монархисты это признают.

«Русский имперский православный публицист» В.Л.Махнач сокрушается: «Никто не скажет о начале XIX века, что это эпоха Серафима Саровского. Он, конечно, великий святой, но не он символ. Говорят: александровское время, павловское. Эпоха декабристов даже, к ужасу нашему, и то скажут»⁶³.

Ужас перед «эпохой декабристов» позволяет предположить, что контрмиф власти в его православно-монархическом изводе не сможет вытеснить декабристский миф русской интеллигенции. Удивительная живучесть герценовского мифа героев-мучеников объясняется не «проблемами» внешних и внутренних врагов, а вечным *«Днем сурка»* в политической ситуации имперской, советской и современной России. Мятежные образцы будут востребованы до тех пор, пока российское общество не сможет влиять на власть законными средствами, например, путем выборов.

Этот вывод справедлив с точки зрения плюрализма мнений, свойственного, пусть и со значительными ограничениями, современной Российской Федерации. Стремительно растущая доступность информационных интернет-ресурсов с каждым днем уменьшает монополию государства на формирование картины мира граждан. Технологи власти понимают, что в сложившихся условиях для убеждения публики им необходимо переспорить оппонентов. Таким образом, даже против воли пропагандистов Кремля, в обществе постепенно утверждаются демократические стандарты пусть пока и виртуального политического диалога. В перспективе свободы, которая лучше, чем несвобода, декабристский миф плещется в общественном сознании как рыба в воде.

Но православные монархисты действуют по иным правилам. Плюрализм СМИ используется ими для утверждения единомыслия. Демонстративный отказ от **«процесса спора»**, заявленный, в частности, писательницей Еленой Чудиновой (**«Собственно, я никому ничего не собираюсь доказывать. <...> Кому мои идеи враждебны, чужды, тот все равно расшибется в лепешку, доказывая, что я ничего**

⁶³ *Каков он, русский путь? / Беседа Емельянова-Лукьянчикова М. с Махначом В. // Радонеж. Б.д. URL: <http://www.radonezh.ru/main/getprint/9655.html>*

не знаю), свидетельствует не только о признании недостаточной силы своих убеждений и слабости публицистического дара. Отводя публичному слову вспомогательную роль теста на **«выявление близких по духу людей»**, публицисты-монархисты доказывают, сколь безразлична им воля народа-богоносца⁶⁴. Их пропаганда в действительности направлена на то, чтобы выделить из аморфной народной массы социально близких «пассионариев», укрепить эту «опричнину» в православно-монархической мессианской вере и подготовить к часу «Х» силовых политических действий. Утверждать свой идеал Святой Руси воители веры собираются силами реакционного авангарда, который каждое слово в защиту декабристов будет парировать бейсбольной битой.

Но ведь такие сценарии представляют собой заговор сознательного меньшинства против деморализованного большинства, те самые «бунт и измену», за которые сами православные монархисты предают декабристов анафеме. Не зря говорится, что крайности сходятся.

⁶⁴ *Декабристы – отрицательные герои?*

История, не отягчая себя заботами, идет своею дорогою, не тревожимая методологическими требованиями, которые по самой своей природе она не в состоянии удовлетворить. В существе своем она вовсе не изменилась; характер ее продукции остается прежним. Именно сама эта неизменность является серьезным доказательством необходимости ее независимого существования как гуманитарной науки.

**Ибо если бы история
действительно была призвана
стать точной и позитивной наукой,
что могло бы ей помешать на
протяжении жизни целого
поколения, с тех пор как
прозвучал трубный глас,
участвовать в этом процессе?**

Йохан Хёйзинга

Владимир Бакулин

КАК БОРОЛИСЬ С КОРРУПЦИЕЙ В 1922 ГОДУ

(НА ПРИМЕРЕ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ)

УДК
93/94
35.086

The article highlights the work of the provincial (primarily the party) leadership, as well as relevant government departments and agencies to tackle corruption, has received a "second wind" during the transition to the NEP. Analyze the structure of the offenses had corrupt orientation and the factors that hampered the fight against this social evil.

Ключевые слова: антикоррупционная политика; протоколы ГубКК; социальный портрет коррупционера; кадровые проблемы.
Key words: anti-corruption policies; protocols gubKK; social portrait of a corrupt; personnel problems.
E-mail: vla84780804@yandex.ru

С первых дней своего существования советская власть столкнулась с проблемой коррупции, и эта проблема, словно «спутник», будет сопровождать ее все последующие годы и десятилетия. В постсоветское время коррупционные злоупотребления увеличились многократно.

«Борьба против подобных негодяев будет доведена до конца»

Для большевистского руководства было очевидно, что успешное решение любых задач государственного строительства и управления невозможно без непримиримой и беспощадной борьбы с коррупцией. 4 мая

1918 г. глава советского правительства В.И. Ленин направил в ЦК РКП(б) письмо с предложением поставить в повестку дня вопрос об исключении из партии судей Московского Ревтрибунала, приговоривших взяточников (четыре члена Московской следственной комиссии) к полугодовому сроку заключения: «Вместо расстрела взяточников выносить такие издевательски слабые и мягкие приговоры есть поступок *позорный* для коммуниста и революционера»¹. В тот же день председатель Совнаркома написал наркому юстиции Д.И. Курскому записку следующего содержания: «Необходимо *тотчас*, с демонстративной быстротой, внести в законопроект, что наказания за взятку (лихоимство, подкуп, сводка для взятки и пр. и т.п.) должны быть не ниже десяти лет тюрьмы и, сверх того, десяти лет принудительных работ»². (Курсив и выделение текста в обеих цитатах соответствуют оригиналу. – В.Б.)

Послания не остались без последствий, и уже 8 мая соответствующий декрет, с ленинскими поправками³, был утвержден СНК РСФСР⁴. Дело московских следователей-взяточников было пересмотрено и трое из них получили по десять лет заключения. В феврале 1919 г., отвечая в «Правде» на запрос крестьянина, В.И. Ленин утверждал, что советская власть «не мало расстреляла уже таких должностных лиц, которые попадались, например, во взяточничестве, и борьба против подобных не-

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.36. С.282; Т.50. С.424.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.50. С.70.

³ Внесены уточнения: об ответственности не только дающего, но и берущего взятку; о направлении осужденного на принудительные работы не только тяжелые, но «и неприятные»; что касается продолжительности заключения и принудительных работ, то законодатели остановились на сроке не менее пятилетнего.

⁴ Декреты Советской власти. М., 1959. Т.2. С.236–237, 240–242.

годяев будет доведена до конца»⁵. Это были не просто слова, и история той же Вятской губернии периода гражданской войны дает тому немало подтверждений⁶.

Хотя коррупция и другие должностные преступления советских и партийных чиновников были довольно распространены уже в первые месяцы советской власти, серьезной угрозой самой новой государственности они стали при переходе к НЭПу. Становление рыночных начал в жизни советского общества создавало гораздо более благоприятные условия, нежели «военнокоммунистические» порядки предшествовавших лет, для удовлетворения собственных материальных запросов у склонной к этому части советских чиновников.

Отнюдь не случайно именно X съезд РКП(б), наметивший поворот страны к новой экономической политике, принял решение о формировании при ЦК партии и ее губернских комитетах контрольных комиссий (ГубКК), призванных вести непримиримую борьбу с подобными явлениями в партийных рядах. Летом 1921 г. таковая (председатель – Н.Г.Агалаков) появилась и в Вятской губернии. ГубКК действовала в тесном контакте с территориальными и производственными партийными организациями, губернским комитетом РКП(б), с парткомами более низкого уровня, а по государственной линии – с региональным Ревтрибуналом, народными судами, губернским отделом ГПУ (до середины февраля 1922 г. – ГубЧК), милицией, отделом юстиции, ГубРКИ...

На начальном этапе становления рыночных нэповских отношений заметную роль в борьбе с коррупцией играл губернский Революционный трибунал. Так, лишь за три дня конца декабря 1921 года (28–30.12.1921 г.) он рассмотрел целую серию дел такого рода.

Например, 28 декабря трибунал приговорил к высшей мере наказания 34-летнего заведующего Котельничским механическим заводом П.М.Кандалова, продавшего пять пудов принадлежавшего заводу керосина в феврале того же года и присвоившего при этом выручку в сумме 400 тыс. рублей. Кроме того, Кандалов, в сговоре с заведующим секцией сельскохозяйственных машин губернского совнархоза 33-летним П.И.Устиновым, незаконно присвоил (для продажи по спекулятивным ценам в целях личного обогащения) 54 пуда и 30 фунтов лемеховой стали. К аферам был причастен заведующий другим Котельничским заводом Скрябин, приговоренный Ревтрибуналом к пяти годам лишения

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.37. С.480.

⁶ См., например: Бакулин В.И. Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке. Киров, 2006. С.112.

свободы, прочие обвиняемые получили меньшие сроки. Однако, по причине амнистии, объявленной ВЦИКом к 4-й годовщине Октябрьской революции, приговоры были пересмотрены: Кандалову расстрел заменили 5-летним лишением свободы, Скрябину срок сократили на треть, смягчили приговоры и остальных осужденным. В отношении Устинова, ввиду неполноты представленного материала, трибунал предложил ГубЧК провести следствие⁷.

Обогащение чиновников, естественно, раздражало большинство россиян, чей жизненный уровень в разоренной войной стране не мог измениться в лучшую сторону столь быстро и радикально. Реакция региональных партийных «верхов» на такую ситуацию на первых порах носила преимущественно формальный характер.

21 июля 1922 г. на бюро Вятского губкома партии слушался доклад председателя ГубКК Н.Г.Агалакова. В нем говорилось, что комиссия получила массу заявлений от рядовых коммунистов о злоупотреблениях руководящих работников служебным положением. Заявители выражали также недовольство высокими тарифными ставками некоторых руководителей. Резолюция бюро была краткой и не слишком радикальной: «Поручить практическое разрешение вопроса секретариату и на общем собрании сделать информационный доклад об уклонении некоторых работников от коммунистической линии». Кроме того, заведующему орготделом губкома М.И.Минькову и руководителю губернских профсоюзов М.М.Марковичу было поручено «разработать вопрос о едином тарифе для ответственных партийных работников»⁸.

**«...взяточничество,
вымогательство
всех видов...»**

На втором году введения нэповских начал в жизнь региона в Вятской губернии «бациллами разложения» были поражены не только отдельные представители, но и целые звенья партийно-государственного аппарата. Весной–летом того же года выявилась фактическая недееспособность Слободского и Омутнинского уездных комитетов РКП(б); коррупционное разложение явилось одной из главных причин раскола внутри партийной организации Малмыжского уезда.

⁷ Вятская правда. 1922. 7 янв. (№ 6). С.2.

⁸ Государственный архив социально-политической истории Кировской области (далее – ГАСПИКО). Ф.П-1. Оп.2. Д.239. Л.73 об.

В Омутнинской уездной партийной организации возмущение рядовых коммунистов было вызвано систематическим пьянством и картежной игрой местных руководителей – членов партий⁹ с беспартийными на казенные деньги (причем за раз проигрывалось до 250 млн. руб.)¹⁰.

Организацией пикников, естественно, не за свой счет, «отметились» ответственный секретарь Слободского уездного комитета РКП(б) А.М.Плюснин и председатель Омутнинского уездного исполкома Советов М.П.Шашмурин¹¹.

От первых лиц не отставали и чиновники рангом ниже, а деяния их отличались немалым разнообразием. Так, весной – летом 1922 г. были предъявлены обвинения:

- в хищениях – председателю Вятского уездного лескома (он же – руководитель сельскохозяйственной коммуны) П.С.Бакулеву;
- в присвоении продуктов в целях самогонварения – заведующему отделом здравоохранения Слободского уездного исполкома Советов А.Т.Вараксину;
- в преступлениях по должности (в частности речь шла о незаконной конфискации домашнего скота у граждан) – продинспектору Нолинского уезда К.Д.Кочурову.

В том же уезде уполномоченный губернского совнархоза А.А.Бажин повышал личное благосостояние, приторговывая казенным спиртом, а заведующий здравотделом Омутнинского уезда Кузнецов допустил растрату этого популярного продукта непосредственно во вверенном ему хозяйстве.

«Устраивал попойки» (как это формулировалось в соответствующем документе) продкомиссар Слободского уезда В.М.Попцов¹².

В августе был отстранен от должности (до судебного решения) заведующий земельным управлением Советского уездного исполкома Советов К.Ф.Шилов в связи с предъявлением ему обвинения в получении взятки в предшествующий период – в бытность его заведующим земельным отделом Котельничского уездного исполкома¹³.

⁹ В их числе были председатель уездного исполкома Советов, заведующие отделами управления и коммунального хозяйства уездного исполкома, уездный военком.

¹⁰ ГАСПИКО. Ф.П-1. Оп.2. Д.248. Л.47.

¹¹ ГАСПИКО. Ф.П-98. Оп.1. Д.82. Л.49 об., 54.

¹² Там же. Л. 13, 29, 39, 33, 49 об. 54 и др.

¹³ ГАСПИКО. Ф.П-1. Оп. 2. Д. 227. Л. 77, 77 об.

В сентябре снят с должности коменданта г. Вятки, с передачей заведенного на него дела в ГубКК, Чистополов¹⁴ а заведующий жилищным подотделом городского коммунального хозяйства Левин за злоупотребления служебным положением был привлечен к народному суду в качестве обвиняемого¹⁵.

Злостными злоупотреблениями грешили отдельные руководители волостного масштаба¹⁶. И прочее, и прочее...

Губернские власти вели себя не лучше.

- Комиссар Вятской военно-пехотной школы по подготовке командного состава Колганов «промышлял» спекуляцией.
- Завхоз губернского исполкома Советов Скрынде присвоил деньги, собранные с торговцев.
- Был склонен к злоупотреблениям служебным положением управляющий заготовительной конторой губернского продкома Решетников¹⁷.

Ситуация существенно усугублялась тем обстоятельством, что по пути должностных преступлений и правонарушений устремлялись лица, по определению обязанные противостоять коррупции.

На взятках попались начальник милиции Слободского уезда Д.Ф.Прокошев и его помощник Т.Г.Кошечев. Комиссар губернской милиции Бердинский был уличен в связях с уголовным миром, в причастности к бандитизму¹⁸.

Недавно назначенный исполняющим обязанности начальника губернской милиции Антонов в докладе на заседании губкома партии 20 сентября 1922 г., возможно несколько сгущая краски, констатировал: «Кража имущества, порученного охранять, взяточничество, вымогательство всех видов, наличие других преступлений, до грабежей включительно, как в служебное, так и в неслужебное время, нужно считать основными чертами, характеризующими состояние быта и нравов милиции»¹⁹.

Даже аппарат ГПУ, куда местные и центральные власти старались подбирать по возможности качественные кадры, был далек от совершенства.

¹⁴ Там же. Д. 239. Л. 89 об.

¹⁵ Там же. Л.90.

¹⁶ ГАСПИКО. Ф.П-98. Оп.1. Д.82. Л.20, 38 и др.

¹⁷ Там же. Л.7, 15, 39.

¹⁸ Там же. Л.49, 66.

¹⁹ ГАСПИКО. Ф.П-1. Оп.2. Д.249. Л.1-4.

- В рассматриваемый период уполномоченному губернскому отделу ГПУ по Малмыжскому уезду З.Н.Таширеву и начальнику оперпункта ГПУ в Вятских Полянах (тот же уезд) Н.А.Шандарову были предъявлены обвинения в хищениях казенного имущества.

- Дебош в пьяном виде на почве ревности учинили в жилом квартале четыре сотрудника губернского управления ГПУ, причем двое из них – Сергеев и Штирнер – занимали в этом почтенном ведомстве должности начальников отделов.

- Сотрудник спецслужб Иванов, открыв стрельбу из пистолета «в публичном месте» (и, судя по контексту документа, без особой на то нужды), ранил подростка²⁰.

Как правило, нарушители несли соответствующие наказания, но и страх на мирных обывателей они подобными выходками, надо полагать, нагоняли немалый.

Во всех приведенных эпизодах (перечень каковых, естественно, неполон) фигурировали члены РКП(б); их привлекали к ответственности не только по государственной, но и по партийной линии. Вся антикоррупционная деятельность, как и многое другое в жизни Вятской губернии, координировалась губернским комитетом большевистской партии – РКП(б). Реализуя предписания центра, губком играл первую скрипку в стимулировании борьбы с коррупцией, «подталкивая» инстанции к необходимым действиям, требуя и наказывая. Замеченный в коррупции член партии получал взыскание по партийной линии. Если проступок (тем более преступление) коммуниста, по оценке партийных организаций, был достаточно серьезным, то его изгоняли из партии, а дело передавали следственным органам и судебным инстанциям. Например, в конце января 1922 г. общее партийное собрание 2-го городского района Вятки исключило из РКП(б) члена районной организации А.А.Котова за получение взятки в виде пяти фунтов меду и дело было передано в суд²¹.

В середине октября 1922 г., не без давления «центра», в Вятке развернулась кампания по борьбе с взяточничеством²². Была создана еще одна специальная комиссия (кроме ГубКК) по борьбе с этим злом²³. Это несколько активизировало деятельность различных ведомств, в том числе и милиции, что, в свою очередь, вызвало противодействие властей, замешанных в деле. Так, в октябре–ноябре 1922 года было возбу-

²⁰ ГАСПИКО. Ф.П-98. Оп.1. Д.82. Л.14, 34.

²¹ Вятская правда. 1922. 27 янв. (№21). С.2.

²² ГАСПИКО. Ф.П-1. Оп.2. Д.248. Л.67 об.

²³ Там же. Д.229. Л.145.

ждено уголовное дело о даче взятки продуктами в отношении руководителей Уржумского уездного продовольственного распределительного отдела Зеленцова и Я.И.Дехтерева. Те, кому они давали взятки (секретарь уездного комитета РКП(б) Мухин, другие региональные руководители – Гончаров, Скулкин, а также управляющий уездной РКИ А.В.Саламатов) дело пытались замять. Для преодоления их сопротивления начальник политбюро уржумской милиции был вынужден обратиться с заявлением в губком партии²⁴.

В борьбе с коррупционным перерождением коммунистов особая роль отводилась ГубКК. Отложившиеся в соответствующем архивном фонде материалы позволяют отследить определенные тенденции не только в ее работе, но и в интересующей нас сфере общественного бытия на протяжении большей части (с марта по октябрь включительно) 1922 года. За основу анализа взяты большинство (106) из рассмотренных ГубКК персональных дел коммунистов за эти 8 месяцев. Меньшая часть дел, связанная преимущественно с бесконфликтным утверждением заявлений о добровольном выходе из партии ее членов, нами сознательно проигнорирована.

В протоколах комиссии отразились такие данные, как занимаемая привлеченным к партийной ответственности коммунистом должность, его социальное происхождение (или социальная среда, из которой он выдвинулся на аппаратную работу), принадлежность к определенной партийной организации, партийный стаж, образовательный ценз, сущность совершенного проступка или преступления и соответствующее наказание. К сожалению, далеко не все из известных нам источников отличаются фактической полнотой. Некоторые сведения не приводятся. Например, о партийном стаже... и т.д. Полный набор этих параметров зафиксирован в источнике далеко не для всех фигурантов, так что, например, о партийном стаже можно судить лишь в 73-х случаях, о занимаемой должности – в 90 и т.д.²⁵ Вместе с тем имеющаяся степень полноты информации позволяет все же сделать определенные, хотя и не всегда категоричные, выводы.

Классифицируя проступки и преступления заслушанных на заседаниях ГубКК членов партии, нельзя не заметить явное лидерство такого порока, как пьянство, проходящего либо отдельной позицией, либо в сочетании с другими нарушениями более чем в половине (до 60%) учтенных автором персональных дел. В подавляющем большинстве слу-

²⁴ Там же. Л.255–265.

²⁵ См.: ГАСПИКО. Ф.П-98. Оп.1. Д.82. Л.1–71.

чаев оно присутствовало и в ранее рассмотренных сюжетах. Правда, здесь следует учитывать растяжимость понятия «пьянство», ибо за ним в одних случаях скрывалось действительно злостное, систематическое злоупотребление спиртным, в других – эпизодические выпивки, в третьих – участие в застолье, что также возбранялось коммунистам, особенно «при должности» и могло существенно подпортить карьеру.

Вторую по численности группу призванных к ответу лиц (32 из 106) составляли обвиняемые в коррупции, должностных преступлениях, злоупотреблениях служебными полномочиями. Если учесть, что в нее могли войти лишь те, у кого была реальная **возможность злоупотребить** служебным положением, – начальники различных рангов, сотрудники административных и силовых ведомств, лица, причастные к хранению и распределению материальных ценностей, продуктов питания²⁶, – то нельзя не признать, что коррупционно-криминальная ситуация действительно была тяжелейшей.

Среди проштрафившихся встречались порой люди, которые шли на преступление в интересах порученного им дела. Такое случалось с коммунистами, которые нарушали закон из «идейных» соображений. Порой встречались своеобразные отклонения позитивного характера (с точки зрения нравственных критериев), когда коммунист шел на нарушение закона в интересах порученного ему дела. Нечто подобное произошло в июне 1922 г., когда член правления Вятского губернского сельского Союза Фетинин дал взятку в размере четырех пудов и двадцати фунтов муки заведующему транспортным подотделом коммунального отдела губисполкома Кувальдину, по роду своих занятий занимавшемуся в тот момент распродажей лошадей городского обоза. Задержанный сотрудниками губернского отдела ГПУ Фетинин не отрицал попытки приобретения лошади с помощью взятки, но утверждал, что это было сделано в интересах Губсельсоюза. Партийная контрольная комиссия, под председательством ее руководителя Агалакова²⁷, объявила Фетинину выговор со снятием с должности и отправила в распоряжение губкома партии. Забавно, что освобожден от более строгого наказания он был с формулировкой, которая звучала примерно так: не сумел вписаться в НЭП²⁸.

²⁶ Лишь с осени 1922 г. Вятская губерния, как и многие другие регионы страны, начала выбираться из ситуации повального голода.

²⁷ На заседании комиссии ввиду значимости вопроса присутствовали ответственный секретарь и члены губернского комитета РКП(б) Костерин, Миньков и Бабинцев.

²⁸ ГАСПИКО. Ф.П-1. Оп.2. Д.227. Л.6; Ф.П-98. Оп.1. Д.82. Л.22.

Естественно, исключения такого рода не меняли общего характера коррупции как социального зла.

Хотя по вполне объективным причинам в группе коррупционеров отсутствовали рядовые рабочие и крестьяне, но вместе с тем подавляющее большинство рассматриваемых нарушителей партийных установлений, нравственных норм, а порой и советских законов были выходцами именно из этой среды. Из 22-х человек (у десяти социальное положение не отражено) 12 пришли «в аппарат» из крестьянской избы, 7 – бывшие рабочие, двоих можно обозначить употребляемым в те времена термином рабочий-интеллигент (по сути – любознательный самоучка и «книгочей») и 1 – просто из интеллигентов. Впрочем, к последней категории в ту пору мог быть отнесен любой гражданин с образованием «среднее» и выше. Поэтому 21 из 22 членов этой условной группы имели образование ниже среднего – «домашнее» или начальное (далеко не всегда полное).

Степень тяжести совершенных поступков и проступков была различной, что отражалось и в соответствующих наказаниях, назначаемых ГубКК. По 13 (из 32-х) персональным делам решением было исключение из РКП(б). В 6 случаях, когда о вине человека с уверенностью говорить было нельзя, членство в партии приостанавливалось до завершения ведущегося по начатому уголовному делу следствия, а то и до решения суда. Большинство остальных (из группы 32-х) получили выговоры; ГубКК рекомендовала губкому партии четверых из них «перебросить» на работу в другой уезд, пятого (сотрудника ГПУ Денисова) – в другую губернию.

Кадры решали всё

Трудно переоценить значение деятельности ГубКК в деле борьбы с коррупцией, иными должностными проступками и преступлениями. Она не только играла роль своеобразного

кадрового «сита», отсекая от аппарата управления явно непригодных для такой работы людей. Одновременно она взывала к партийной совести, к чувству долга коммуниста, и это порой позволяло сохранить (сочетая умеренное наказание и убеждение, воспитание) небезнадежных в личном плане работников для дальнейшей их работы на руководящих постах. Это было крайне важно в условиях переживаемого страной, тем более аграрной Вятской губернией, острейшего «кадрового голода».

Вместе с тем прямое или косвенное вмешательство партийных инстанций в деятельность государственных ведомств, причастных к борь-

бе с коррупцией, нельзя оценить однозначно. Во многих случаях именно оно позволяло довести до конца то или иное антикоррупционное расследование, преодолевая бюрократические рогадки, а то и сопротивление заинтересованных в ином исходе лиц, работавших в правоохранительных и силовых структурах. Но так было не всегда, достаточно выразительным свидетельством чему может служить дело, связанное со строительством железнодорожной ветки, соединяющей Вятку с уездным центром Слободским. Суть дела такова.

В ходе строительства железной дороги Вятка – Слободской, продолжавшегося в первые месяцы 1922 года, члены комиссии по руководству этим процессом – заместитель председателя Вятского губернского исполкома А.А.Зыков, председатель ГубСНХ Н.В.Масалков, член губкома Н.С.Веселков – приняли решение премировать администрацию строительства и самих себя за счет якобы имевшей место экономии средств. По этому поводу ГубЧК (очевидно, еще при прежнем руководителе А.С.Запольском) возбудила дело в отношении указанных руководителей, а Ревтрибунал, возглавляемый И.А.Фараоновым, принял его к исполнению²⁹.

По имеющимся, в том числе и косвенным, данным на том этапе вырисовывалась следующая картина. Члены губкома (и, определенно, его ответственный секретарь П.Ф.Костерин) решили «замять» это неприятное дело, изобразив его как некое недоразумение. В письме ЦК Костерин утверждал, что «губком вполне доверяет означенным товарищам и уверен, что корыстных целей у них абсолютно не было», что с помощью премии они лишь хотели простимулировать усердную работу администрации строительства³⁰.

Губкомовскую версию, очевидно, поддержал Е.А.Оше³¹, назначенный (тем же губкомом) временно исполняющим обязанности председателя ГубЧК. Но зато «уперся» председатель губернского Ревтрибунала И.А.Фараонов, за что и впал в немилость у губернского руководства. По партийной линии Фарафонова обвинили в демагогии, в голословной дискредитации губернского руководства, в принадлежности к оппозиционному внутрипартийному течению «рабочей оппозиции», не приводя, впрочем, каких-либо внятных аргументов в пользу данной версии.

²⁹ ГАСПИКО. Ф.П-1. Оп.2. Д.228. Л.52.

³⁰ Там же.

³¹ Бывший заместитель Запольского, который был отозван в это время Москвой для перевода на новое место службы.

Против Фарафонова был использован потенциал чекистской «верхушки». 12 марта 1922 года на заседании губкома РКП(б) Оше жаловался на «ненормальные отношения ГубЧК и губернского Трибунала», предлагая «изменить руководящую верхушку Ревтриба и отозвать тов. Фарафонова, с которым согласованной работы установить невозможно». Подобный ход со стороны влиятельного государственно-политического органа дал необходимые основания для появления резолюции губкома РКП(б): Фарафонова отозвать, а секретарю губкома наметить кандидатуры на замену³².

В свою очередь, П.Ф.Костерин, обосновывая это кадровое решение, докладывал в ЦК партии, что (теперь уже бывший председатель Ревтрибунала) Фарафонов и его единомышленники дело Зыкова–Масалкова–Веселкова «искусственно раздули», что они пытались «путем дискредитирования губисполкома, отчасти губкома создать для себя известный политический капитал» и что, в конечном счете, во всем этом «губком усматривает проявление внутрипартийной групповой борьбы»³³.

Однако снять проблему «одним махом» не удалось. В середине марта 1922 года губернскую ЧК преобразовали в губернский отдел ГПУ, в связи с чем кого-то сократили, а часть сотрудников перевели на другую работу. Новым председателем губернского Ревтрибунала вместо снятого Фарафонова стал пришедший из ГубЧК Суслопаров³⁴. Одним из первых его действий (в конце марта) стало взятие подписки о невыезде от Веселкова, Зыкова, Масалкова³⁵. Очевидно, именно в это время дело об их самопремировании перекечовало из губернского трибунала в Верховный. Суслопаров явно не оправдал надежд, возлагаемых на него губернской «верхушкой», и 8 апреля 1922 года появилось постановление губкома РКП(б):

«Вместо отозванного с должности председателя губернского Ревтрибунала т. Фарафонова, как исключенного постановлением ГубКК на 6 месяцев из членов РКП(б) (7 апреля губком согласился с этим наказанием. – В.Б.), просить ЦК об откомандировании... на должность председателя Ревтрибунала т. Крупина, инспектора ПУРа (Политуправления РККА. – В.Б.), как имеющего практику по работе в военном трибуна-

³² ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп.2. Д.239. Л.29.

³³ Там же. Д.228. Л.52, 52 об.

³⁴ Там же. Д.239. Л.29.

³⁵ Там же. Л. 35.

ле»³⁶. Предложение это явно не прошло в «центре»: еще и в конце сентября Сулопаров оставался в должности руководителя губернского Ревтрибунала³⁷. Но в декабре 1922 года он все же был переведен в Москву, в распоряжение Верховного трибунала³⁸.

Между тем еще до начала лета 1922 года П.Ф.Костерин отправил в адрес ЦК партии вышеупомянутое письмо, в котором, в числе прочего, протестовал против прохождения дела в общегражданском порядке и предлагал предварительно рассмотреть его в партийных инстанциях. «Объективное освещение этого дела, — писал он, — может дать тов. Спундэ (Председатель Вятского губернского исполкома Советов. — *В.Б.*), которому губком поручает сделать доклад в ЦКК»³⁹.

Но машина была запущена, и в середине июля 1922 года Верховный трибунал республики передал «для производства и слушания» трибуналу Пермской железной дороги (в город Екатеринбург) дело Веселкова, Зыкова, Масалкова⁴⁰. Однако и Вятский губком не собирался складывать руки. Заместитель ответственного секретаря губкома РКП(б) С.А.Алыпов телеграфировал в ЦК: [Губкомом] «постановлено просить ЦК о прекращении дела Слободской–Вятской ветки...», и на этом основании он хлопотал о разъяснении причин передачи дела в Пермский трибунал⁴¹.

В упорной борьбе за «своих людей» и за пресловутую «честь мундира» вятским руководителям по-видимому все же удалось склонить на свою сторону членов Центральной партийной контрольной комиссии, что отражено в протокольной записи заседания Вятского губкома РКП(б) от 18 июля 1922 года: «запросить... мотивы передачи дела в советском порядке (т.е. не через партийные, а через государственно-правовые органы — *В.Б.*), т.к. постановлением ЦКК решено просить ЦК дело прекратить»⁴². В конечном счете дело было «спущено на тормозах». Единственным непосредственным результатом весенне-летних разбирательств стал вывод Веселкова из состава губкома партии и назначение его руководителем губернского земельного управления. Но вся троица осталась в губернской номенклатуре, и в конце ноября

³⁶ Там же. Л.36, 37.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Д.227. Л.296.

³⁹ Там же. Д.228. Л.52.

⁴⁰ Там же. Д.227. Л.26.

⁴¹ Там же. Д.229. Л.223.

⁴² Там же. Л.249.

1928 года Вятский губком РКП(б) рекомендовал предстоящему губернскому съезду Советов включить всех троих в новый состав губернского исполкома Советов: Масалкова, как и прежде, председателем губернского совнархоза, Зыкова руководителем губернского земельного управления, а Веселкова его заместителем. Помимо этого, Масалкова предлагалось сделать членом малого и большого президиумов губисполкома⁴³.

Тем не менее дело не ограничилось лишь описанным выше сюжетом. Есть основания полагать, что его косвенным, а может быть, и прямым, продолжением явилась «эпопея» с назначением губернского прокурора (особенно если допустить, что позиция Фарафонова в описанном выше конфликте нашла понимание у заведующего губернским отделом юстиции И.П.Злобина).

В 1922 году в Вятке, как и в целом по стране, восстанавливалась прокуратура, что было обусловлено переходом от военного времени к мирному и от «военного коммунизма» к НЭПу. В середине августа ЦК РКП(б) прислал в губернские центры циркуляр с предложением сообщить кандидатуры на должности губернских прокуроров. П.Ф.Костерин ответил: «На должность губернского прокурора губком рекомендует т. Ремишевского, начальника губотдела ГПУ, но необходимо в Вятку дать [на замену ему иного] начальника ГПУ. Другой кандидатуры губком не видит и крайне затрудняется в намечении кандидатуры»⁴⁴. В апреле 1922 г. А.И.Ремишевский вступил в должность начальника губернского отдела ГПУ.

Однако идея перевода на новую должность А.И.Ремишевского вызвала крайне негативную реакцию руководства ГПУ, чье ведомство, как и все прочие в стране, отнюдь не страдало переизбытком толковых работников. 20 сентября в Вятский губисполком Советов поступило подписанное заместителем председателя ГПУ Г.Г.Ягодой послание следующего содержания: «ГПУ не может согласиться с назначением тов. Ремишевского губернским прокурором. Тов. Ремишевский является одним из старых чекистов и опытным и умелым председателем губотдела. Заменить его у нас нечем, а потому мы решительно возражаем против его нового назначения»⁴⁵.

Несколько ранее, 6 сентября, в Вятке была получена телеграмма от наркома юстиции Курского. Он запрашивал мнение секретаря губкома

⁴³ Там же. Д.239. Л.131.

⁴⁴ Там же. Д.228. Л.81.

⁴⁵ Там же. Д.227. Л.134.

по поводу предлагаемой наркоматом кандидатуры заведующего губернским отделом юстиции И.П.Злобина⁴⁶. В ответной телеграмме от 14 сентября Костерин продолжал настаивать на кандидатуре А.И.Ремишевского⁴⁷. Поскольку ГПУ категорически отказалось отпустить Ремишевского на должность губернского прокурора, в конце сентября секретарь Вятского губкома, а также председатель губернского исполкома Советов предложили ЦК альтернативную фигуру – работавшего в Архангельске Генриха Гурвича. Его личное согласие было получено, но возражал Архангельский губком РКП(б), в силу чего требовалось вмешательство Центрального комитета партии⁴⁸.

При этом вятские лидеры продолжали демонстрировать совершенно нетерпимое отношение к кандидатуре И.Злобина. П.Костерин писал в Москву, наркому юстиции, месяц спустя: «Просим сообщить, кто назначен губернским прокурором. До его прибытия назначение временно исполняющим обязанности Злобина возражаем»⁴⁹. Однако республиканские власти остались при своем мнении, и в начале ноября дело организации прокуратуры в губернии было возложено (НКЮОстом, с вынужденного согласия губкома партии) на И.Злобина. Заодно губком утвердил его помощников по уездам, при губернском народном суде, при губернском Ревтрибунале, при региональном управлении прокуратуры⁵⁰.

«Дело Веселкова–Масалкова–Зыкова», а также борьба вокруг фигуры губернского прокурора (как уже было сказано, не исключается тесная связь между тем и другим) наверняка сыграли не последнюю роль в последовавшей вскоре смене местного партийного лидера. 27 ноября 1922 года секретарь ЦК РКП(б) В.М.Молотов телеграфно известил членов Вятского губкома: «Постановлением ЦК отзыв Костерина подтвержден. В пятидневный срок откомандируйте его в наше распоряжение для работы в Ярославле»⁵¹. Но конечный результат этого дела – оправдание главных его фигурантов (Веселкова, Масалкова, Зыкова) – вряд ли добавил авторитета вятским партийным руководителям в глазах местного населения.

⁴⁶ Там же. Д.228. Л.95.

⁴⁷ Там же. Л.109.

⁴⁸ Там же. Л.113.

⁴⁹ Там же. Л.120.

⁵⁰ Там же. Д.239. Л.123.

⁵¹ Там же. Д.228. Л.128.

При рассмотрении этих и подобных им фактов складывается впечатление, что в Вятской губернии в 1922 году борьба с коррупцией, конечно, велась, но до уровня ленинской жесткости и бескомпромиссности ей было далеко. Важнейшей причиной тому, на наш взгляд, являлся кадровый голод в стране, страдавшей от повальной неграмотности (еще и в начале 20-х гг. более 70% россиян не умели читать и писать)⁵², от малочисленности интеллигенции (несколько более 1,5 млн. в 1913 г.⁵³), значительная часть которой к тому же стояла на антисоциалистических позициях. Желание сохранить политически надежные (прежде всего партийные) или хотя бы лояльные по отношению к власти кадры приводило порой к определенному попустительству, к слишком мягким наказаниям для «своих». Практика «переброски» в другой регион на руководящую же должность ранее проштрафившегося администратора также способствовала развитию психологии безнаказанности.

Одним из дополнительных факторов, снижавших эффективность борьбы с коррупцией, была и кадровая слабость тех ведомств, в чьи функции эта борьба входила: милиции, ГПУ, прокуратуры, органов Рабоче-Крестьянской инспекции. Так, в Вятской губернской РКИ в конце 1922 г. вместо 120 работников (инспекторов и их помощников) по штатному расписанию, фактически насчитывалось тех и других 82 человека, т.е. чуть более половины необходимого⁵⁴. Не привлекал вятчан низкий социальный статус сотрудников РКИ и их весьма скромная заработная плата.

⁵² См., например: СССР в цифрах в 1977 году. Краткий статистический сборник. М.: Статистика, 1978. С.15–16; В. И. Ленин. Странички из дневника. Полн. собр. соч. Т.45. С.363 и др. (в последнем случае, со ссылкой на результаты переписи 1920 года, приведен даже более низкий показатель).

⁵³ Ерман Л.К. Статья «Интеллигенция» // Большая советская энциклопедия. М., 1972. Т.10. С.314.

⁵⁴ ГАСПИКО. Ф.П-1. Оп.2. Д.239. Л.169.

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог,
Президент Международного общественного фонда
«Экспериментальный творческий центр»,
главный редактор журнала «Россия XXI»,
главный режиссер театра «На досках»

Максимычев Игорь Федорович

посланник в отставке, доктор политических наук,
главный научный сотрудник Института Европы РАН

Никитин Владимир Олегович

научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии,
инженерных войск и войск связи,
аспирант Европейского Университета в Санкт-Петербурге

Горинов Михаил Михайлович

кандидат исторических наук,
первый зам. начальника Главного архивного управления
города Москвы

Готовцева Анастасия Геннадьевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры литературной критики
факультета журналистики
Российского государственного гуманитарного университета

Киянская Оксана Ивановна

доктор исторических наук,
профессор кафедры литературной критики
факультета журналистики
Российского государственного гуманитарного университета

Эрлих Сергей Ефреимович

кандидат исторических наук,
директор издательства «Нестор-История» (Санкт-Петербург)

Бакулин Владимир Иванович

доктор исторических наук, профессор Вятского
государственного гуманитарного университета

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph. D. in physics and mathematics,
specialist in political sciences,
President of the International Public Foundation
«Experimental Creative Center», editor-in-chief of «Russia XXI»,
Chief producer of the Theatre «On the Boards»

Maksimychev Igor' Phedorovich

Minister extraordinary and plenipotentiary (ret.)
D. Sci. in political sciences,
the Chief researcher of the Institute of Europe,
Russian Academy of Sciences

Nikitin Vladimir Olegovich

the researcher of the Military Historical Museum of artillery,
engineers and signal corps,
postgraduate student of the European University
in St.-Petersburg

Gorinov Mikhail Mikhailovich

Ph.D., historian,
vice-director of the Moscow Main Archival Directorate

Gotovtseva Anastasiya Gennad'evna

Ph.D, philologist, the senior teacher, Chair of literary criticism,
Russian State University for the Humanities

Kiyanskaya Oksana Ivanovna

D.Sci., philologist, Professor, Chair of literary criticism,
Russian State University for the Humanities

Erlich Sergey Efraimovich

Ph.D in history,
Director of Publishing House «Nestor-History» (St. Petersburg)

Bakulin Vladimir Ivanovich

D.Sci., historian,
Professor of Vyatka State University for the Humanities

**ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2011 г.**

Теория и практика политических игр

- Кургинян С.Е. Суть времени. №1. С.6*
Кургинян С.Е. Актуальные трансформации. К событиям на севере Африки и Ближнем Востоке №2. С.6, №3. С.6
Кургинян С.Е. О развитии за пределами модерна: зачем нам это нужно? №4. С.6
Кургинян С.Е. После капитализма. №5. С.6
Кургинян С.Е. Несвобода от метафизики. №6. С.6

Геоглобалистика

- Аватков В.А. Статическая или динамическая стабильность? Новейшие российско-турецкие отношения. №1. С.48*
Карамурзов Р.Б., Фридман Л.А. Проблемы международных экономических сопоставлений (о некоторых спорных вопросах и расчетах) №3. С.54, (Китай, Россия и другие страны в геоэкономической картине мира) №4. С.20
Максимычев И.Ф. Россия–Германия–Европа. От Советского Союза к Российской Федерации. №6. С.26
Рыжова М.С. Ибероамерика: проблемы и ожидания. Роль испанской дипломатии в ибероамериканских конференциях. №1. С.60

Ярлыки и мифы

- Готовцева А.Г., Киянская О.И. «Человек, заслуживающий доверия»: князь Сергей Трубецкой в заговоре и на службе. №6. С.106*
Маркович Я.С. Путь к бессмертию («Война и мир» в «Илиаде» и сказании о Гильгамеше). №4. С.104
Эрлих С.Е. На какую площадь выходили декабристы? №2. С.84
Эрлих С.Е. «Держащим противу их на бунт и измену, анафема». Мифологема «декабристы» в публицистике православных монархистов XXI века. №6. С.140

Национальная доктрина

- Деннингхаус В. «Что русскому хорошо, то немцу – смерть»? Земельные отношения и аграрная реформа в немецких колониях Поволжья (1900–1914 гг.) №4. С.82*
Норкина Е.С. «Другие» евреи: еврейский вопрос в Терской и Кубанской казачьих областях в конце XIX – начале XX века. №4. С.60
Суржикова Н.В. Этничность и вера в практиках российского плена 1914–1919 годов (по материалам уральского региона). №5. С.116

Россия в мире

- Дегоев В.В. Сближение по сложной траектории: Россия и Осетия в середине XVIII века. №1. С.80, №2. С.52*
Мяло К.Г. За горизонтом «нулевых»: РФ и Приднестровье. №4. С.144
Пашаева Н.М. Гоголь и галичане. Об одной забытой статье столетней давности. №4. С.128

Европейские параллели

Тараторкин Ф.Г., Юрганов А.Л. Русская парадигма венгерского профессора. №5. С.142

Пути духовных исканий

Антонов Д.И. «Пестрый зверь рысь»: Антихрист в средневековой иконографии. №2. С.30, №3. С.22

Найдыш В.М. Теория эволюции в духовной культуре нашего времени. №1. С.106

Ранчин А.М. Филология или философия? (В.Н.Топоров и изучение древнерусской агиографии). №1. С.140

Страницы истории

Горинов М.М. Евгений Преображенский: большевик из поповичей. №5. С.88, №6. С.76

Гриневский О.А. Как начиналось ядерное разоружение. №3. С.88

Ингерфлом К. Новоевропейская парадигма «Государственность»: теоретические предпосылки и когнитивные несоответствия. №2. С.110

Мальков В.Л. «Дневник» профессора А.М.Шлезингера как источник по истории холодной войны. №3. С.120

Марьина В.В. 22 июня 1941 г.: реакция западных демократий и чехо- словацкий резонанс. №3. С. 148

Никитин В.О. Закон и реальность: «положение о морском цензе для офицеров флота» 1885 года. №6. С.58

Парсамов Ю.В. За кулисами журнальной полемики вокруг «Конармии» Бабеля. №1. С.154

Савельев П.Ю. Хорошо забытое старое. №5. С.66

Юрганов А.Л. «Культ личности» в марте 1953 года. №2. С.148

Янкелевич К.А. Как закалялся сталинизм. №2. С.128

Актуальный архив

Бочарова З.С. «Прежняя анархия кончилась...»: русская прогерманская эмиграция после нападения Гитлера на СССР. №3. С.180

Ненароков А.П. Опубликовано, но не усвоено. №2. С.168

Ферретти М. Ярославский рабочий Василий Иванович Люлин (опыт микроисторического подхода к генезису истории сталинизма). №5. С.154

Редакционная почта

Бакулин В.И. Как боролись с коррупцией в 1922 году (на примере Вятской губернии). №6. С.172

Калинин А.А. Имитация как средство ликвидации или ликвидация посредством имитации (что в лоб, что по лбу). №2. С.186

Каравашкин А.В. Американская сказка (о книге Оливера Юргена). №4. С.166

Трофимов В.А. Проблемы коммунистического движения во второй половине XX века. №5. С.192

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ в Москве

«Фаланстер», М.Гнездниковский пер., д.12/27, стр.3;
«Циолковский», Политехнический музей, подъезд 7д;
магазины издательства «РОССПЭН»:
Нахимовский пр-т, д.51/21; ул. Дм. Ульянова, д.19;
киоск МГИМО, просп. Вернадского, д.76;
киоск РУДН, ул. Миклухо-Маклая, д.6;
киоски «Аргумент» в I и II гуманитарных корпусах МГУ,
Воробьевы горы;
киоск в РГБ, ул. Воздвиженка, д.3/5, 3-ий читательский
подъезд;

в Санкт-Петербурге

магазин «Книжный окоп»,
Тучков пер., 11/5
магазин «Ноосфера»
ул. Малая Посадская, 4а (вход в арку) тел. (812)498-61-71

по всей России

журнал «Россия XXI» можно
заказать с доставкой или купить
в книжном интернет-магазине «Русская деревня».
Адрес: Москва, Глинищевский переулок, дом 6
(за книжным магазином «Москва», под вывеской
«Союз женщин России»)
Телефон: (495) 650-60-31,
сайт www.hamlet.ru

**В редакции подписка и продажа льготные.
Тел. (495)691-74-79
E-mail: bushueva@ecc.ru
123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская,
22/21, стр.1-2**

The List of All Published Materials in 2011

Theory and Practice of the Political Games

- Kurginyan Sergey. Essence of Time. №1. P.6*
Kurginyan Sergey. Topical Transformations: on Events in North Africa and Middle East. №2. P.6, №3. P.6
Kurginyan Sergey. On Development beyond the Modern's Limits: for What Do We Need It? №4. P.6
Kurginyan Sergey. Beyond the Capitalism. №5. P.6
Kurginyan Sergey. Inseparability of Metaphysics. №6. P.6

Geopolitics and International Policy Issues

- Avatkov Vladimir. Static or Dynamic Stability? Modern Russia-Turkey Relations. №1. P.48*
Fridman Leonid, Karamurзов Renat. Problems of International Economic Comparisons: (on Some Controversial Issues and Estimates) №3. P.54, (China, Russia and other Countries within the Geoeconomic Pattern of the World) №4. P.20
Maksimychev Igor'. Russia–Germany–Europe. From the Soviet Union to the Russian Federation: Our diplomats in Berlin in 1990–1992. №6. P.26
Rijova Maria. Ibero-America: Problems and Expectations. №1. P.60

Labels and Myths

- Erlich Sergey. At What Square did Decembrists March out? №2. P.84*
Erlich Sergey. "Anathema to Those who Dare to Mutiny and Treason against Them". "Decembrists" Mythologeme in Writings of the 21-th Century Orthodox Monarchist Publicists. №6. P.140
Gotovtseva Anastasiya, Kiyanskaya Oksana. "Trustworthy Person": Prince Sergei Troubetskoy as Conspirator and a Man of Service. №6. P.106
Markovich Iakov. The Path to the Eternity. №4. P.104

National Doctrine

- Surzhikova Natalia. Ethnicity and Faith in the Practices of Russian Captivity in 1914–1919 (on Materials of the Ural Region). №5. P.116*
Donninghaus Victor. "The German Dies where the Russian Survives"? Land Tenure Relations and Agrarian Reform in Volga German Colonies (1900–1914). №4. P.82
Norkina Ekaterina. "Another" Jews: Jewish Question in the Terek and Kuban Cossacks Territories (the Second Half of 19th – the Beginning of 20th Centuries). №4. P.60

Russia in the World

- Degeev Vladimir. Getting Closer in Troubled Waters: Russia and Ossetia in the mid-18th Century. №1. P.80, №2. P.52*
Myalo Ksenia. Beyond the 2000s: The Russian Federation and Transnistria. №4. P.144
Pashaeva Nina. Gogol and People of Galicia (on One Forgotten Article Published 100 Years Ago). №4. P.128

European Parallels

Taratorkin Philip, Yurganov Andrey. The Russian Paradigm of the Hungarian Professor. №5. P.142

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Antonov Dmitriy. Variegated Beast Lynx: Antichrist in the Medieval Iconography. №2. P.30, №3. P.22

Naidysh Viacheslav. The Theory of Evolution in the Contemporary Spiritual Culture. №1. P.106

Ranchin Andrey. Philology or Philosophy? №1. P.140

Pages of History

Vladimir Nikitin. Law and Reality: "Regulation on Naval Qualification Requirement for the Naval Officers" of 1885. №6. P.58

Gorinov Mikhail, Evgeni Preobrazhensky: the Bolshevik of the Clerical Origin. №5. P.88, №6. P.76

Grinevsky Oleg. How the Nuclear Disarmament had been Started. №3. P.88

Mal'kov Victor. Professor Schlesinger's Journals, 1952–2000 as a Source of the Cold War History. №3. P.120

Mar'ina Valentina. June 22, 1941: Western Democracies' Reaction and Czecho-Slovakian Resonance. №3. P.148

Claudio Sergio Nun Ingerflom. New European Paradigm of "Statehood": Theoretical Premises and Cognitive Discrepancies. №2. P.110

Parsamov Yuri. Behind Side Scenes of Journal Polemic around "Konarmia" by Babel'. №1. P.154

Savel'ev Petr. Well Forgotten Past. №5. P.66

Yankelevich Kira. How Stalinism was Heat-hardened. №2. P.128

Yurganov Andrey. The "Personality Cult" Issue in March of 1953. №2. P.148

Topical Archive

Bocharova Zoya. "The Former Anarchy is Over": the Russian Pro-German Emigration After Hitler's Aggression against the USSR. №3. P.180

Ferretti Maria. Vassily Ivanovich Lyulin, the Worker from Yaroslavl City. №5. P.154

Nenarokov Al'bert. Published but not Assimilated. №2. P.168

Readers' Letters

Bakulin Vladimir. How did the Communists Struggle against Corruption in 1922 (Exemplifies Vyatka Guberniya). №6. P.172

Kalinin Alexander. Imitation as a Tool of Phasing-out. Or Phasing-out by Virtue of Imitation. Both ways Produce the Sane Net Result. №2. P.186

Karavashkin Andrey. The American Fairy Tale (about Oliver Yourgen's Book). №4. P.166

Trofimov Vladimir. Problems of the Communist Movement in the 2-nd Half of the 20-th Century. №5. P.192

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:
39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»
С 2012 года меняется подписной индекс журнала
по каталогу Агентства «Роспечать».
Теперь подписка на журнал годовая, индекс 83496.

Альтернативная подписка:
ООО «ИнтерПочта-2003»
тел. (495)788-00-60, факс (495)225-67-64
ООО «Смарт-Трейд» т/ф (499)500-97-08
ООО Агентство «Артос-Гал» т/ф (495)795-23-00
ООО «Союзпресс» тел. (495)675-09-40

Для иностранных читателей
подписка проводится
через агентство «МК-Периодика»:
тел. (495) 672-70-12, факс (495)306-37-57
e-mail: export@periodicals.ru

Подписка на электронную версию журнала
оформляется через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru

ISSN 0869–8503
Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ
Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI» 2011.
Адрес редакции: 123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru <http://www.russia-21.ru>

Подписано в печать 15.12.2011. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 12,25 печ. л.
Тираж 1500 экз. Заказ №
Отпечатано в ГУП Академиздатцентр «Наука» РАН,
ОП «Производственно-издательский комбинат «ВИНИТИ»-«Наука»,
140014, Московская обл., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 403.
Тел./факс: 554-21-86, 554-25-97, 974-69-76.

6.2011 november-december

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

Inseparability of Metaphysics _____ **6**

Geopolitics and International Policy Issues

Igor' Maksimychev

Russia—Germany—Europe.
From the Soviet Union to the Russian
Federation: Our Diplomats
in Berlin in 1990—1992 _____ **26**

Pages of History

Vladimir Nikitin

Law and Reality. «Regulation on Naval Qualification
Requirement for the Naval Officers» of 1885 __ **58**

Mikhail Gorinov

Evgeni Preobrazhensky:
the Bolshevik of the Clerical Origin (the end) _ **76**

Labels and Myths

*Anastasiya Gotovtseva,
Oksana Kiyanskaya*

«Trustworthy Person»: Prince Sergei
Troubetskoy as Conspirator and
a Man of Service _____ **106**

Sergei Erlich

«Anathema to Those Who Dare to
Mutiny and Treason against Them».
«Decembrists» Mythologeme in
Writings of the 21st Century Orthodox
Monarchist Publicists _____ **140**

Readers' Letters

Vladimir Bakulin

How did the Communists Struggle
against Corruption in 1922
(Exemplifies Vyatka Guberniya) _ **172**

РОССИЯ XXI